

Виктор Калина

Виктор Калина

Зебра Е

МОСКВА 2007

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Художественное оформление
Александр Щукин

Подписано в печать 04.09.2006. Формат 84x108/32
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.
Тираж 5 000 экз. Заказ № .

Калина, Виктор.

К17 Генералы дворов / Виктор Калина. — М : Зебра Е,
2007. — 304 с.

ISBN 5-94663-393-7

Дружба, верность, любовь — простонародный кодекс чести пацанов из бедных кварталов. Предательство и даже смерть друзей и близких не смогла согнуть героев книги, а тем более сломать этот нравственный стержень пацанов, настоящих генералов дворов. Экшен, основанный на реальных событиях, читайте в книге Виктора Калины «Генералы дворов».

Агенство СІР РГБ

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 5-94663-393-7

© Калина В., 2007
© Издательство «Зебра Е», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
СЛЕЗА ДЕВЧОНКИ	9
СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ	64
ЦЫГАНКА АЛИСА	136
ЗА ПА ЦАНОВ!	174
ТЫ, КАК ОБЛАКО	230
Послесловие	301

Предисловие

Так получилось, что с Виктором Калиной мы познакомились совсем недавно. Это произошло на моем юбилее, который я решил отпраздновать в Культурном центре МИД России.

60 лет — серьезная дата, собралось около двухсот человек, среди которых были не только друзья, но и официальные государственные люди. Не буду перечислять — скучно. Был отличный концерт, в котором выступило много популярных артистов и среди них — Виктор Калина. Признаюсь, ранее я никогда не слышал его, но мой приятель, приведший его ко мне на юбилей, заверил, что Виктор Калина — один из самых популярных авторов-исполнителей песен в Белоруссии.

Вынужден признаться, что концерт мне не удалось посмотреть, как хотелось: то новые гости подходят, то кому-то необходимо что-то спросить, о чем-то срочно посоветоваться. Единственно, на что я обратил внимание, это — его голос с небольшой хрипотцой. После концерта приступили к трапезе, и там мне удалось познакомиться с Виктором поближе. У него

Генералы дворов

очень открытый располагающий взгляд, в котором проглядывал твердый характер. Короче говоря, он настолько мне понравился, что я решил пригласить его в гости. На память он подарил мне свой диск, заметив при этом:

— Было бы здорово, если бы вы не только меня послушали, но и почитали!

— Почитал? О чем? — недоуменно поинтересовался я.

— На диске, кроме моих песен, попытка написать книгу.. Было бы интересно выслушать ваше мнение...

Я скептически отношусь к певцам, которые еще и пишут, но обещал, если он не будет меня торопить, прочитать и честно сказать свое мнение.

И вот я открыл диск. С первых же строк меня захватил сюжет, и я прочитал повесть Виктора на едином дыхании. Да, в ней было много повторов, мусорных слов, требовалась корректорская правка, но его язык оказался столь самобытным, что и править-то не очень много надо. А потом я принялся смотреть его клипы и оказался покорен окончательно. Клипы Виктор снял по сюжетам своей повести. Это не песни, это настоящие баллады, написанные и спетые с такой пронзительной болью и личностным отношением, что сразу становится ясно, что книга во многом написана исходя из собственного опыта и пережитого автором. И это очень подкупает.

Не спросив у Виктора разрешения, я предложил прочитать его творение своему издателю, заметив при этом:

— Знаешь, Игорь, это может оказаться любопытным для твоего издательства... Во всяком случае, мне понравилось...

Виктор Калина

Сейчас повесть Виктора Калины предлагается вашему вниманию. Я думаю, более того, я уверен, что она никого не оставит равнодушным, и у многих людей на глазах будут слезы. Надеюсь, что эта книга найдет почитателей не только среди поклонников его певческого таланта, но и обычного читателя, причем не только в Белоруссии, но и в России, и других странах постсоветского пространства.

С большим удовольствием рекомендую ее прочесть и читателям, которым нравятся романы о моем герое — Савелие Говоркове, по прозвищу Бешеный...

Ваш Виктор Доценко

СЛЕЗА ДЕВЧОНКИ

— Красивое утро, — подумал Виктор. — Наконец рассвет порвал эту темень, как Тузик портянку. И зачем только он, сломя голову, бросился в ночь из Москвы? Теперь, как идиот, от Смоленска бьет себя по щекам, останавливаясь через каждые пятьдесят километров для легкой пробежки. Заснуть за рулем — не лучшая перспектива, но хотелось бы побыстрее добраться до Минска.

Завтра съемка клипа, да и с друзьями давно не виделся. А тут, накануне вечером, позвонил Вора с предложением ускорить прибытие тела артиста на родину. Приятно, ничего не скажешь, когда тебя в любую погоду ждут и рады.

Удивительные у меня друзья, не совсем обычные, ну прямо герои романов прошлого века. Сейчас больше в моде бизнес-партнеры, товарищи по бизнесу. В Москве друга днем с огнем не сыщешь. Все закрываются, как мыши, в своих норках, пусть даже очень крутых и дорогих, и живут себе в страхе, что кто-нибудь постучится, представившись другом детства или родственником из далекой родины-уроины, или, что еще хуже, «гоп-стоп» попросится на огонек. Странно,

но мало кто принимает гостей у себя. Все больше бизнес-ланч или деловой ужин в ресторане.

В Беларуси хлебосольной все пока, как в старые советские времена. Гость — это святое. Пока он не ужрется водкой до нестояния, не съест все запасы шпрот, ветчины, красной икры, кальмаров маринованных, не успокоятся.

«Люблю я эту страну и друзей своих люблю, — размышлял Виктор. — Настоящие генералы, генералы дворов и городов. Друзей много не бывает, и чем взрослее становишься, тем больше это понимаешь. Дружьюми нужно дорожить, на руках их носить, прощать за мелкие проступки. А как же иначе? Ведь дружба — это не игра в одни ворота, как многим может показаться, дружба — это красивый жизненный футбол со своими правилами игры. Играешь на себя — страдает вся команда. Не дал пас, пожалел — цель не достигнута, гол в ворота судьбы не забит. Мало кто сейчас способен на такой футбол. Для многих понятие «друг» означает возможность украсть и перепродать, одолжить и не отдать, а чаще, просто кинуть».

Как бы в тему из навороченной саунд-системы звучала песня знакомого шансонье.

Школьные года, детства пароходики,
Видно, навсегда отходили ходики,
В глубине души лопнула пружина,
Были глупыши, были мы невинны.
Лазили в сады, оборвав животики,
Думали, всегда будем жить в экзотике,
И под три аккорда открывали танцы,
Позабыв в кустах дневники и ранцы.
И на «Коминтерно», закрутив бутылочку,

Целовал, краснея, я подружку Ирочку,
И в затоне речки я и Карандаш
Для смазливых девочек делали шалаш.
А бандюга Игорь воровал провизию,
Наводя в окрестностях города ревизию,
Воровали все, что лежало плохо,
Как-то увели мы мопед у лоха.
И на том мопеде весь район катали,
И за это дело нас менты вязали,
И не раз на нас мерили браслетики,
Мы не понимали этой арифметики.

...Как-то не по себе стало, воспоминания поплыли, как пароходики по реке. Друзья по детскому дому, затем по интернату, по улице, юности растворились во времени. Кто-то спился окончательно, кто-то от наркоты уже загнулся, многих сгубили лагеря. Да и как же туда было не попасть, если жили они в самом криминальном районе самого преступного города страны, Борисове. Этот район еще называли «Болото». Здесь выделяли землю под застройку всем неудачникам, которые приезжали в индустриально развивающийся город в поисках счастья. Топи, трясины, вечная грязь. По весне река Березина разливалась так, что подтапливало весь район, в домах вечно стояла вода, и зачастую жители трущоб передвигались по собственному дому по кладочкам.

Быть не в криминале, живя в этом районе, было практически невозможно. Вечно голодные и оборванные пацаны устраивали набеги на ту часть города, где преуспевающих было значительно больше. Воровали у «буржуев» абсолютно все. Драка была ежедневной потребностью парней из неблагополуч-

ного квартала. Хочешь, чтобы уважали, собирай группировку и в город — бить всех, кто попадался под руку. Бить от злости и ненависти к несправедливости мира — у одних все, а другие — голь перекатная, как часто называли болотских парней. Бить за то, что девушки у городских были интереснее, велосипеды — новые, мороженое — вкуснее. Собирались целые армии, до нескольких тысяч воинствующих хулиганов. Где там ментам было справиться с ними, а, бывало, били и ментов в кураже. Разбивались носы и челюсти, проламывались черепа, кровь текла рекой, ломались жизни и судьбы.

Ментам разбираться, кто прав, кто виноват, было ни к чему, да и незачем. Кого хватало и затаскивали в «воронок», тот и становился «козлом отпущения». В стране советской, а значит, самой счастливой в мире, не могло быть драк на почве неравенства по социальному признаку ее граждан. Показательные суды устраивали постоянно, и сроки за злостное хулиганство, тогда еще по старой 201-й статье, раздавали налево и направо, как «награды» бойцам. Только отсидеть по пацанской статье тогда было в чести. Ломались судьбы, но не ломался стержень пацана, его дух, и оттого становились они еще более злыми к враждебному и несправедливому миру вокруг.

Однажды, в драке, Виктор получил удар по голове куском арматуры. Шрам, как награда за отвагу, остался на всю жизнь и не раз был в центре внимания у девчонок. Нравились им и геройские отметины на теле от «розочки». «Розочкой» называли горлышко разбитой бутылки, которой умело орудовали уличные бойцы. Были шрамы и ножевые, но Бог миловал от серьезных увечий и ранений.

...Из воспоминаний вывел гаишник, который резким взмахом жезла приказывал остановиться. Виктор выругался и дал по тормозам. Машина проехала еще метров двести. В зеркало заднего вида было видно, что гаишник с сотоварищем замешкались, решая, надо ли устраивать погоню? А Виктор дал задний ход и, улыбаясь, вышел из машины, протянул права.

Гаишник опешил:

— Ша, ни как сам Виктор Дворжевский собственной персоной нарисовался в нашей стране, да еще и на вверенном нам участке трассы. Нарушаете, Владимирович, 160 по встречной — это даже для Шумахера перебор.

— Пацаны, представляете, кажется, заснул за рулем, всю ночь гнал из Москвы. Жизнь, возможно, спасли мне, — рванул с места Виктор.

Лейтенант улыбнулся и затараторил:

— Вообще-то жена меня достала, три месяца пилит, останови этого Дворжевского, возьми у него автограф. Любит она ваши песни, а особенно «Люблю жену». Говорит постоянно, язва моя: «Вот так надо, ментяра, любить свою жену, как Виктор Дворжевский». Так вы мне подарите диск с автографом? И напишите: «С любовью для Машуни, жены хорошего и правильного мента Данилы».

— Мне лично за честь, — Виктор быстро распечатал диск и нарисовал автограф с обращением к Маше.

— Только, товарищ старший лейтенант, я не женат.

— Как не женат, совсем?

— Совсем. Давно разведен.

— Пожалуй, Виктор Владимирович, я своей Маше об этом не скажу, пусть верит в красивую сказку. За чем ее разочаровывать?!

Гаишник переминался с ноги на ногу, и было видно, что ему хотелось еще немного поговорить.

— Ну как жизнь-то у шансонье из Москвы? Машина у вас хорошая, новая, полгода как купили, видно по техпаспорту, «Фольксваген Туарег», в Беларуси популярный джип.

— В Москве — это больше, чем популярный джип, в Москве — это новая мода на паркетные внедорожники. А дела идут. Вот приехал в Минск снимать новый клип.

— А на какую песню? — поинтересовался Володя — хороший мент.

— Это песня из нового альбома, который через две недели выходит.

— А вы все песни сами пишете? — продолжал допрос гаишник.

— В основном сам, но и песни других авторов присутствуют в репертуаре. У вас, в Беларуси, живет очень хороший композитор, Сергей Сухомлин, я с ним в последнее время сотрудничаю.

Лейтенант улыбнулся и протянул документы:

— Спасибо, жена будет рада.

Дворжевский пожал руку инспектору ГАИ, сел в машину, вставил ключ в замок зажигания.

Лейтенант вдруг спросил:

— А какой сон снился?

— Детство приснилось, мой город.

Лейтенант на секунду задумался и нерешительно сказал:

— Обязательно куплю ваш новый альбом.

— Нет, в следующий раз я сам подарю, остановлюсь, даже если правила нарушать не буду. Договорились, лейтенант?

— Ловлю на слове.

— Меня ловить на слове не надо, я отвечаю за свои слова, а вот ловить на трассе, я думаю, вам меня придется.

«Уважаю хороших ментов, особенно порядочных гаишников, — подумал Дворжевский. — Только почему-то хорошие и правильные менты — в серьезном меньшинстве, а другие оборотни-мусора — в изобилии».

Машина рванула с места. Из магнитолы доносились последние фразы песни, которая вызвала так много воспоминаний:

Вот пришла пора, заскрипели ходики,
Пробежали дни, пролетели годики,
Я приехал в город, где вы, кореша,
Болью защемила у меня душа.
Кореш Игорек местным стал бандитом,
Отбомбил две ходки и душа разбита,
Сашенька, Сашок, в петлю влез браток,
Что же ты, мой друг, позвонить не смог.
Ну, а Карандаш любит балаган,
Только рано что-то сел он на стакан,
А моя девчонка Ирочка, Иринка,
Стала проституткой, вот и вся картинка.
Мы же все мечтали покорять миры,
Строить дельтапланы и летать с горы,
Отходили ходики, лопнула пружина,
Детства пароходики, но мы в нем невинны.

Стало еще грустнее. Каким-то непонятным образом каждое слово этой песни отбрасывало Виктора

назад, в его голодраное прошлое. Все персонажи в ней были из его детства, его жизни, не придуманные, а реальные.

Дворжевский после долгих лет отсутствия приехал в свой родной город, в свой залинейный район, который и по сей день называют «Болото», хотя Березина перестала быть судоходной, обмелела и не могла уже так разливаться. Да и болото осушили вездесущие мелиораторы. Но «Болото», осталось «Болотом».

Воспоминания все ярче, как цветное кино, заполняли сознание...

Пацаны из трущоб частенько ранней весной убегали с уроков на реку. Когда большая вода сходила, образовывались затоки. В более прогретых временных водоемах шпана и купалась. Затем разводили большие костры и грелись у огня. От резкой смены температуры тела их кожа покрывалась красными пятнами, в народе именуемыми просто, «малиной». Если удавалось достать сало и хлеб, это было верхом удовольствия. Они его жарили на ивовых веточках и с завистью смотрели вслед сплавляющимся по реке белым теплоходикам и баржам. Тогда они были уверены, что, повзрослев, смогут вот так же уплыть в счастливую и совсем не голодную жизнь на белых пароходах. Уплыть от нищеты и вечных побоев пьяных родителей, от ненавистной школы и занудных учителей к теплomu Черному морю, в которое, они знали, впадает их река.

Сашенька-Сашок... Как мы с ним дружили! Спортом занимались вместе. Он был самым красивым парнем

в нашем районе и не только. Девушки бегали за ним табуном, уж очень был он похож на главного героя модного сериала «Приключения Электроника». Да, черной завистью завидовал Витек своему другу, Саше Устину, его победам на любовном фронте. Часто сбегая из интерната к новым родителям, Виктор прямоком направлялся на Кубу, так называли ту часть залинейного района, которую болото и топи не захватили. Там, на улицах, было столько песка, что назвали эту часть Кубой. Там же и жил его друг. Сашок вырос, в восемнадцать лет женился, а через два года жена стала погуливать. Санек узнал и... повесился. За ним бегали и сходили с ума все девчонки района, а он из-за одной гулены лишил себя жизни. Красивая Иринка, его любовь, с которой он учился целоваться, стала проституткой и спилась. Как непорочны и чисты были их первые поцелуи, сколько нового, романтического они предвещали двум влюбленным людям! Проезжая как-то по своему району, Виктор узнал Иришу, узнал и ужаснулся. Господи, что делает человек со своей жизнью?!

Был и кореш Игорек, с погремухой Матус. С ним Виктор прошел все детство. Сколько раз друг другу жизнь спасали.

На окраине залинейного района размещалась танковая учебка «Печи», в народе называемая «Зеленый городок», так как все там по-военному было выкрашено в зеленый, защитный цвет.

В один из летних дней компания друзей нагрязнула с «ревизией» в военный городок, вскрыла склад с дымовыми шашками и отправилась играть в войну на

один из заброшенных полигонов. Дым от шашек был виден за многие километры, что и привлекло внимание двух мерзавцев. Им было по восемнадцать лет, за плечами исправительная колония. Витек и Игорек испугались, когда у вышки узнали в одном из них знаменитого на всю округу насильника по кличке Осип. Они были наслышаны о его развлечениях не только с девочками, которых Осип насиловал регулярно, но и о его пристрастии к педофилии.

Осип рявкнул пацанам: «А вот сейчас мы будем играть в настоящую войну. Мы будем штурмовать вышку и если захватим, то сделаем с вами то, что захотим».

Четверо малолетних пацанов отбивались отчаянно и дико, а когда поняли, что деваться уже некуда, решили по команде броситься врассыпную. Витек прыгнул с высоты четырех метров, почувствовал, как хрустнул от удара позвоночник. От боли перехватило дыхание, но в запале он ее не чувствовал. За ним последовали все. Только вот Игорек поскользнулся и упал. Когда все отбежали на приличное расстояние, то заметили, что Игоря рядом не было.

Долго ждали пацаны друга, но он появился только поздно вечером. В разорванных штанах и рубашке, с синяками и ссадинами на теле и лице. Страшно было на него смотреть. На грязном лице были видны следы слез.

— Игорек, что они с тобой сделали? — спросил Виктор.

— Да все нормально, правда, били долго, я даже несколько раз терял сознание.

— Игорь, все нормально, правда? Может, нам собрать всех с улицы и отколотить этих козлов палками? — предложил Витек.

— Нет, не надо. Я подрасту, сам с ними разберусь.

Некому было за Игоря заступиться. Мать его умерла при родах, отец, алкоголик, женился на другой женщине, Игорька сдал в интернат, забирая домой только на выходные, да и то, для того, чтобы провести показательную порку. Игорек в шестнадцать лет получил свой первый срок за то, что украл в школе ящик с двумя тысячами шариков для настольного тенниса. На него навесили еще десяток мелких дел, пообещав дать условный срок, но красиво сплывили в Бобруйскую исправительную колонию.

Освободился Игорек в девятнадцать лет. В колонии был в авторитете, а когда откинулся на заре перестройки, собрал бригаду и стал благовать, профессионально выставляя квартиры. Сам разработал специальные домкраты, умело мог высверлить сердцевину замка специальными приспособлениями, даже миниатюрный автоген имел в арсенале, на случай вскрытия металлургических дверей.

К этому времени и Осип вышел на свободу. Сидел он очередной срок по советской 115-й статье, за изнасилование. Узнав, что Игорек в авторитете и сколотил неплохую бригаду, объявил, что он — опущенный и что лично его опускал.

Виктор вернулся из армии, женился и работал инструктором рукопашного боя в воинской части. Перспектива воришки-домушника его совершенно не устраивала. Мелко плавать не хотелось, да и не нравилось ему, когда у простого народа отнималось заработанное нелегким трудом. Он был дерзким и решительным бойцом, и свои деньги добывал ловко, по схеме, изымая баблосы из карманов зажавшихся барыг или проворачивая интеллектуальные разводы,

временами участвовал в переговорах и выбивал деньги из должников обращающихся к нему клиентов.

Как-то вечером в дверь позвонили. На пороге стоял Игорек.

— Витек, мне нужна твоя помощь, только к тебе я могу обратиться.

— Нет проблем, Игорек, что за базар, выкладывай.

— Помнишь наше детство? Сколько мы дел переделали, сколько помогали и выручали из беды друг друга?

— Помню. Как забыть? Забыть этого нельзя. Давай ближе к делу, что стряслось?

— Помнишь «Зеленый городок», где на нас напал Осип?

Витек поморщился:

— Помню, Игорь.

— Так вот, откинулся Осип и при братве мне предъявил за тот случай. Сказал, что меня тогда опустил и что я не по росту масть взял.

Виктор внимательно посмотрел Игорю в глаза. Его зрачки забегали от прямого взгляда.

— А тогда что-то было?

Игорь отвел глаза:

— Да ничего не было, они просто меня избили.

Виктор почувствовал, что Игорь не говорит всей правды, но лезть в душу друга ему не хотелось.

— А братва что?

— Они ему не поверили и дали мне время самому разобраться.

Разобраться означало: или Осип берет свои слова обратно, или его нужно убить.

Виктор всегда с уважением относился к старым воровским понятиям, но здесь что-то было не так. Если

предположить, что тогда Игорька, двенадцатилетнего пацаненка, по беспределу опустил Осип, то это, как минимум, не по понятиям. Но подобные предьявы ставили и самого Осипа в невыгодное положение. Он просто становился негодяем.

Виктор знал, что по Беларуси прокатилась волна беспредела, и новые, только что испеченные авторитеты пытаются старые правила и устои трактовать по-своему. Многие старшие братья Беларусь просто объезжали стороной, брезгливо глядя на то, что здесь происходит. Борисов превращался в маленькое Палермо, как часто с гордостью называли его негодяи, ставшие на некрасивых поступках в авторитете. А чем гордиться? Тем, что насилуют налево и направо девочек, ломают руки и черепа на разборках нормальным людям, что воров поносят. Моськи всегда самоутверждаются, унижая слабых, саякая на великих. Как человек, сидящий на игле, сидевший за изнасилование, может быть в авторитете и править судьбами людей? Им бы на сходняке поломать негодяя Осипа, а они практически отправили своего парня на мокруху. Как еще мог Игорь защитить честь свою?

Виктор видел, как этих авторитетов ставят на место на рамсе серьезные люди. И куда их крутизна дается. А как только возвращаются в свою местечковую «малину», за две копейки готовы убить человека. Здесь уже действуют не воровские законы, а самые что ни есть тупые бандитские отношения.

Да и многие бродяги, относящие себя к воровскому миру, были мелкими воришками-крадунами, а если говорить прямо, то они банально крысятничали у близких. Кольцо обручальное заныкал у жены род-

ственника и пятый срок потянул. Выходит, падайте перед ним все, целуйте в руки золотые — воровские.

Не понять им, что вор — это мировоззрение, если хотите, целая философия со своими устоями, законами и правилами игры. Сколько сидит по лагерям воришек, а воров — единицы, так как стать вором, купив корону, практически нельзя. Вором нужно родиться. Если нет в тебе этого стержня, так и не дано корчить из себя авторитета. Надо быть просто на своем месте.

— Да, Игорь, — уже вслух сказал Витек, — что-то не так стало в этом мире. Слишком большое место в той дыре, где должна быть душа, занимают деньги и прочий человеческий мусор.

— Ты знаешь, это Борисов, а здесь свои правила игры.

— А почему ты своих пацанов не задействуешь? — поинтересовался Витек.

— Я не хочу посвящать их в это, да и домушники они, на мокруху не пойдут, особенно после предьявы. Помоги, брат, больше не к кому мне обратиться.

— Что нужно от меня?

— Понимаешь, он, сука, здоровый, мне одному не справиться. Менты знают о предьяве. В наших рядах стучащих дятлов больше, чем порядочных парней. Если я его завалю, они сразу поймут, что это я сделал. Труп нужно будет спрятать. Помоги мне, — еще раз попросил Игорь.

В его глазах были отчаяние и мольба.

— Хорошо, брат, мне даже неинтересно, прав ты или нет. Ты мой друг, а значит, я не могу отказать тебе в помощи в трудную минуту. Что мне надо делать?

Игорек повеселел.

— Мы поджидаем его у дома. Я все отследил. Живет он с братом, брат Осипа, тоже отребье редкое, сидел за изнасилование малолетки, откинулся недавно, представляешь, какая семейка?

— Ну, а что дальше?

— Живут они на улице Луговой, в частном доме. У дома ты набрасываешь удавку, а я его колю заточенной отверткой, дальше забрасываем в багажник «москвича», везем к озеру, пробиваем лунку, его в мешок, груз к ногам и под лед, пусть эта сука рыбу кормит.

— Игорь, но ты же не водишь машину?

— Вот в том-то и дело, машину я возьму у кореша, он даже не будет знать, а ты поведешь.

— А зачем отверткой, если проще ножом?

— Пока я парился на нарах, многое от старших узнал. Ножом — крови много, к тому же отвертка не рассматривается как холодное оружие. Витя, если что, все беру на себя.

— Хорошо, Игорек. Когда?

— В понедельник, все после работы по домам сидят, свидетелей меньше.

— Только вместо удавки я нунчаки возьму, для меня проще.

— Ладно, Витя, это твое дело.

Игорь пришел в воскресенье, как и договаривались, утрясти последние мелочи.

— Лажа, Витек, все сорвалось, — с порога зарядил Игорь. — Ушел он от меня на этот раз.

— Как ушел, куда ушел?

— Этот подонок вчера вечером опять кого-то изнасиловал, а утром его менты забрали, уже четвертая ходка и все по сучьим статьям.

Виктор в последнюю ночь не спал. Волновался. Пусть негодяя и подонка, но ему нужно было убить человека. Виктору, в прошлом бойцу спецназа, не составляло большого труда устранить Осипа, но одно — за Родину-матушку и совсем другое — на гражданке, пусть даже нелюдя, но божью тварь.

— Нет человека — нет проблемы. Кто тебе сейчас предъявит, он же за решеткой, да и кто будет насильника там слушать? Самого опустят на этот раз.

— Не опустят, это Беларусь, ты знаешь. Мусорам проще мужика от сохи отнять и на растерзание отдать, а Осип столько раз сидел по негодяйским статьям и ничего. Значит, это кому-то нужно? Я всю жизнь во сне видел, как ему отомщу, сколько раз я убивал его в мыслях, а тут такая возможность. Его как будто сам черт от меня за решетку спрятал.

Виктор задумался. Тогда, в «Зеленом городке», произошло что-то более серьезное, но Игорь молчал.

— Не ему черт, а нам Бог помог, нужны мы Боженьке зачем-то, если от убийства нас отвел. Мы не палачи, если, конечно, нашей жизни, нашим детям и друзьям угрожать не будут смертью.

— Ты, как всегда, прав. А давай винца глотнем по этому поводу, угощаю. Пацаны вчера выставили хату, а там целый ящик импортного вина, «сангрия» называется. Ты на гитаре, как в старые времена, сбациаешь что-нибудь наше, а Витек?

— Ребенок спит, но на гитаре на кухне сыграю что-нибудь. Только я не пью.

— Ты че, так и не научился пить?

— Нет, Игорь, у меня по две тренировки в день.

— Можно, я хотя бы закурю?

— Ты же знаешь, я не курю и дым не переносу.

— А помнишь, как мы с тобой срубили у моего бати папиросы и курнули около интерната, потом так было плохо, блевали, как коты драные, и на клумбе валялись. Тогда мне было десять лет, а тебе восемь, мы только познакомились, интернатские хлопчики, постоянно сбегавшие оттуда беспризорники.

— Да, были времена.

Как жизнь меняет людей. Вот и Игорек сломался. Просто взламывать квартиры ему стало неинтересно. Мелочь, типа обручальных колец и трудно продающейся аппаратуры, его не устраивала. И он занялся грабежами. Приобрели с подельниками четыре ствола и спецназовские маски и стали звонить в двери доверчивых граждан, часто по наводке, используя милицейскую форму. А там все средства хороши: и утюги и паяльники. На редких встречах, по пьянке, делился друг детства Игорек, как и кого. Целовал крестик золотой, нательный, приговаривал, что ему Боженька помогает, что, когда идет на дело, крестится и молитву читает.

Виктор, еле сдерживая негодование, спросил:

— Ну и какую молитву?

— Как, какую? — пробормотал Игорек. — Нашу, «Отче наш».

— И что, помогает?

— А как же, помогает. Вот я батюшке на храм жертвую всегда, десять процентов в общак, пять процентов в храм, купола будут в соборе менять, вот и наш с братвой вклад есть. Любит меня Боженька.

— Ты считаешь, что именно Бог вам помогает? Нет, Игорек, Бога с вами уже давно нет, противны вы ему.

— А сам ты чистый? Сам-то один из первых бригаду спортсменов сколотил. Я же помню, как вы долги выбивали.

— Долги, Игорь, это совсем другое. Как это можно взять крупную сумму денег у друга по бизнесу и не отдать? И еще, то барыга пришел к смотрящему, вобщак десять процентов принес, типа это на воровское, только крышу предоставьте на случай разборки. Нет, если ты коммерс, торгуй, а вор — воруй. А он кинул друга и решил кинуть и пацанов. Конечно, мы его в лес отвезли, руку сломали. Деньги, пятьдесят процентов, сами честно отдали его проброшенному товарищу, хотя он к нам не обращался за помощью, а остальные между братьями разделили.

— Ну и дурак ты со своими принципами ебнутыми. Зачем было самим возвращать деньги тому лоху, который даже у вас об этом не просил?

— Не поймешь ты, не дано тебе. Знаешь, не хочу я криминалом заниматься. Если и быть кем-то, то генералом. Я слишком резкий и бескомпромиссный, боюсь однажды просто в приступе ярости убить кого-нибудь. Если не я, то меня замочат, это факт. Понимаешь, если ты в криминале, значит, должен быть готов провести многие годы за колючкой, должен быть готов к тому, что жены и детей никогда не будет, а если будут, то на стороне. Нет, я не боюсь тюрьмы, и там живут достойные люди, я просто не хочу занять чье-то место в жизни, а свое не найти. Мне импонируют воровские законы, но есть у меня чувство, что страна наша очень скоро скурвится на бабках, уже не будет честных и благородных воровских законов, будут править такие беспредельщики, как ты. Я никогда не приму таких правил игры, как у «Крестного отца», я максималист и романтик по жизни. Если дружить, то до смерти, если любить, то навсегда. Воры старой закалки, последние из могикан, умирают потихонь-

ку или им помогают умереть. Ментов настоящих мало, но они есть. Мусоров больше стало, и им не нужны воры с их старой и правильной философией. Им нужны бабки, а значит, нужны наркота, проститутки, грязные деньги и, естественно, нужны бандиты. И будут они этих бандитов крышевать.

— Нет, Витек, — огрызнулся Игорь, часто приходящий в ярость от Витькиной прямооты, — пока всех крышуем мы и мусоров крышевать будем, попомнишь мое слово. Я слышал, в Москве ореховские пацаны давно ментов под ноготь взяли.

— Дурак ты и пьешь много. Только дебил не понимает, что эта ваша бандитская лафа скоро накроется медным тазиком.

— Нет, Витек, ты не наш, не жиган ты.

— Игорь, жиган — это стержень, дух, воля. Это правила игры. А какие у тебя правила есть? Заскочил, избил, отобрал, изнасиловал. Это не жиганское, это беспредел. Ладно, мы опять ни до чего не договоримся. Пацаны давно подбивают меня похитить с целью выкупа сыночка одного еврея-цеховика, а я им запрещаю. Дети — это святое. Бог не простит. Чувствую, что они мое убеждение за слабость принимают. Да и устал я от вечных разборок, потому стал охранять этих коммерсов, возвращать им долги, подставляясь под пулю или нож. Не готов я принять ваше бандитское, а воровское, к сожалению, уходит. Пойду я лучше учиться. Нравится мне медицина, да и песни я неплохие пишу. Вот подумаю и — на следующий год в институт.

— Так я тебе, Витек, и говорю, слабак ты, пой лучше песни. Бить в грушу по пять часов в день — это одно, а воров — совсем другое. Ты не нашей масти.

— То, что не твоей масти, это ты правду сказал. А по-жигански, Игорь, утюги на живот ставить, иголки под ногти вставлять женщинам?

— А они сами виноваты, мы им говорим: «Отдайте, господа буржуи, нечестно заработанные брюлики и «рыжье», и продолжайте воровать у государства и дальше». А они: «Нет да нет». А как только иголочку-вторую засунешь под ногти, орут так, что скотч рвется на губах, все отдают, родимые. Нам Бог простит: мы же Богу отдаем в храмы много денег.

— А батюшки знают, от кого берут?

— Так как им не знать, знают. Но только перед носом зашуршит пара соток «зелени», на храм и паству их, так сразу слепыми становятся. Мы, естественно, не говорим, что и как, но, я думаю, они и сами догадываются. Грехи нам отпускают, машины наши освящают.

— Нет, вы с чертями сделку заключили и сами чертями стали. Это не священнослужители, это продажные попы. Если и в церкви такое происходит, значит, времена Смуты наступили, эпоха перемен. Только моя вера в Бога лишь укрепитя. Я знаю священников настоящих. Ты думаешь подкупить Бога, дав ему долю от награбленного? Ты просто, Игорек, отморозок, и не был бы мне другом, получил бы по тычке. Помнишь слова Игоря Талькова: «Наступает этап, когда каждый из нас у последней черты вспоминает о Боге». Не путай, Игорек, бандитские понятия и воровские законы. Ты был крадуном, а считал себя вором. Лучше бы ты продолжал жить в мире своих иллюзий. А стал бандитом-отморозком. Знаешь, время покажет, кто есть кто. Лично я прыгаю с паровоза. Это просто не мое. У меня, кроме тебя, есть друзья, настоящие генералы дворов, это мои пацаны: Гера, Вора,

Заря. Знаешь, им, как и мне, ты не нравишься. Давно на тебя зуб точат, только я не позволяю тебя трогать.

— Ну и проваливай к своим пацанам, я давно тебя из своей жизни вычеркнул, — уходя, бросил Игорь.

...Сейчас, вспоминая жизнь с высоты прожитых лет, Виктор спрашивал себя, а был ли выбор у тех пацанов перестройки, детдомовцев, у товарищей по интернату? Маловероятно. Сколько выдающихся спортсменов оказались выброшенными на улицу?! Сколько друзей, которых он повстречал в зонах боевых действий, возвращались на гражданку с искалеченными душами, но оказались ненужными своей стране, обильно жирующей на их ранах и достижениях?! Молодые, сильные парни были отвергнуты и сданы в утиль, как отработанный материал. Чувство колоссальной несправедливости заставляло их объединяться в группировки, забирать силой то, что им по праву принадлежало. Сколько крови пролилось, сколько тысяч парней полегло на полях войны беспредела? Сколько матерей потеряло своих сыновей и сколько детей не родилось или осталось сиротами? Далеко не все они были беспредельщиками, было много и достойных парней, настоящих генералов дворов. А босо-та, выходящая из лагерей? Какой у них выбор был? Заводы и предприятия разграблены, безработица. Со справкой об освобождении можно было устроиться только жмуриков в морге мыть да могилы рыть. Я не осуждаю этих парней. В том, что тогда происходило, виновато только государство и сучьи дерьмократы. Для государства все было в сиреновом цвете. С преступностью можно было бы покончить в течение не-

скольких лет. Но почему ему невыгодно искоренить преступность под корень? Да потому, что все срослось в один организм, и непонятно уже, где преступник, а где праведный. Государству нужна преступность как средство запугивания народа, чтобы затем в предвыборных лозунгах использовать борьбу с нею же как козырную карту в игре за человеческие судьбы. Нужна она государству как кислород.

Неужели менты, чиновники и депутаты откажутся от многочисленных откатов, крышевания нарко-трафиков и наркобизнеса? Их не волнует, что вымирает нация. В девяностых погибли сотни тысяч парней и молодых людей от беспредела, сейчас вымирает народ от водки паленой и наркоты. Что, нельзя перекрыть краник спиртовой? Полгода и этого явления не будет. Смогли же покончить с левой водкой в Беларуси, а почему в России нельзя? Стало быть, не выгодно чиновникам и Президенту Беларуси дербанить такой лакомый и вкусный кусочек, как алкоголь, в течение нескольких месяцев извели мелких конкурентов. Нет, у многих там, наверху, свои интересы в криминальном мире. Невыгодно государству что-то менять. Но также невыгодно иметь у себя под боком воров, да еще со своими принципами и понятиями о чести. Ручных, мультяшных авторитетов давно уже прибрали под себя, а воры им уже не нужны. В это трудно поверить, но именно воры во многих городах России не пропускают наркоту на свои территории, мешая мусорам наживаться на горе и смерти наших детей. За свои убеждения и праведные дела полегло много хороших людей из воров. Джем, какой был вор, красавец, но стал как кость в горле у местной власти, вот и нет Джема, вкололи менты ему какую-

то гадость, и у молодого, здорового мужика случился обширный инфаркт миокарда. Жаль. Наркотики продаются детям, а мусора контролируют этот бизнес на Дальнем Востоке, да и по всей России-матушке. Кому-то это выгодно.

Как при таких раскладах не стать поэтом, как не писать стихи.

Я не верю в плохую погоду и не верю в хороших ментов,
Перднешь громче, отнимут свободу или скажут, что ты не здоров.
Я не верю, что смертная казнь может что-то исправить в природе,
И не верю, что есть в мире грязь, что была бы когда-то не в моде.

Я не верю, что телемура может вакуум заполнить в душе,
Что любовь это просто дыра и не может быть рай в шалаше.
Я не верю, что жизнь это тряпки, а держава — всего сэкен хенд,
Что не пахнут грязные бабки, ведь на подлость не нужен патент.

Я не верю в добрые лица, говорящие в шутку со зла,
И не верю, что можно напиться и любить за подачки козла,
Что бывает на свете забор, за которым живет спокойно,
Я не верю, что честь — это вздор, что разбиться о камни не больно.

Я не верю, что есть президент, для которого чуждо корыто,
Президент — он продвинутый мент, только жезл поменяли на битку.
Я не верю, меня хоть убей, в абсолютность зла и добра,
Лучше водки, браток, мне налей, окатите водой из ведра.

Я не верю в законность закона, от которого глупо бежим,
Этот мир лишь закрытая зона, а тебе лишь меняют режим.
Я не верю ничуть депутатам, в их священные честные рыла,
Чтоб общаться, достаточно мата, чистым быть, недостаточно мыла.

Верю в то, что церковь есть храм, где сам Бог отпускает грехи,
Пусть за шкварку и скромных сто грамм просят блага и деньги лохи.
Верю в Бога Отца, во Христа, верю в душу, любовь и судьбу,
Хоть живу столько лет без поста, верю в Русь и Россию люблю.

Жизнь все расставила по своим местам. Игорек заремел еще на шесть с половиной лет, кинув много народа и Виктора в том числе. По возвращении из зоны к первому, к кому пришел Игорь, был Витек.

— Вить, прости, был когда-то не прав. За шесть с половиной лет многое передумал, стал другим человеком. Только ты можешь мне помочь, и только к тебе могу обратиться.

Не знал Витек, что отказали ему все друзья и подельники, отказал в помощи даже обшак, в который он столько денег принес когда-то. Дал ему смотрящий двести долларов и сказал, что обшак пополнять надо, надо работать. А работать Матусу уже не хотелось, как не хотелось попасть туда, откуда только что прибыл. Виктор опять наступил на прошлогодние грабли, принял и обогрел, как ему казалось, друга и бродягу. Игорь жил в Минске, в его квартире четыре месяца. Виктор давал ему постоянно деньги, знакомил с друзьями, в кабаки водил, а он взял и... обокрал его дом. Нет, даже не обокрал, он скрысятничал у друга, ибо воровать — это выбор человека, а скрысятничать — его кара.

Знал Игорек, что Виктор не сможет сдать его ментам, это противоречит его внутренним убеждениям, и наказывать не станет в память о детстве.

Вернулся Игорек в Борисов. В это время Осип в очередной раз откинулся и опять замутил бодягу среди пацанов. Перед Игорем стал выбор: сохранить и защитить свою честь, а это означало убить и на двадцать пять лет в лагеря, или спрыгнуть с паровоза. Выставив со своим сводным братом Ваней и парочкой сотоварищей достраивающийся дом Виктора на пять тысяч «зеленых», Игорь сколотил бригаду строителей

и «спецов» по евроремонту и очень просто, зная все слабости в охране домов, их же во время или после ремонта и выставлял.

Если ты воруеть и боишься тюрьмы, боишься, что братья примут не так в лагере, что раскроют гнилую душонку-тушенку, тогда не воруй, иди кукурузу колхозную охранять. Если ты с нутром жигана, то жиганом останешься на всю жизнь.

Вот такая жизнь и судьба человека. Не было у него ничего за душой — ни философии, ни стержня, ни духа. Косил всю сознательную жизнь под крутого, а был просто всмятку.

Пароходы, пароходы, пароходики,
И считали наши судьбы грустно ходики.
Пароходы, пароходы, пароходики
Разменяли свои жизни мы на годики, —

пел шансонье свою песню.

Виктор проехал Борисов, а времени заехать к друзьям детства не нашел. «Надо после съёмки заскочить, проведать Светлану Петровну, зауча по воспитательной работе школы-интерната, которая по странному стечению обстоятельств бросила Москву, где работала заведующей детского дома № 48, и переехала жить в этот город, и дворника Михалыча надо посетить. Сколько Михалыч выручал меня, заступался, покрывал, подкидывал мне, голодному, то пряник, то шоколадную конфету», — подумал он.

До Минска осталось пятнадцать километров. Очень хотелось есть. Все-таки надо было заехать в

Борисов к своему другу детства Володе, теперь преуспевающему бизнесмену, хозяину крупнейшего предприятия «Автомаркет». Как он всегда встречает! И даст команду машину помыть до блеска, даже если она чистая, и накормит в своем кафе, как близкого родственника. Молодец, ничего не скажешь. Начинал с ларька, а смог стать лучшим в крупном городе, да еще, что редко бывает, остался порядочным и честным человеком и другом. Не так, как другие, из так называемой новой «бизнес элиты», ворочая колоссальными деньгами, не только не сделают скидку, но и смотрят, как бы поиметь задарма певца.

«На окраине Минска, около поселка Боровляны, есть уютное кафе “Очаг”, — вспомнил Дворжевский, — там всегда хорошая кухня».

...День начался плохо. Наверно, не с той ноги встал, решил Вован. Да и вообще, как только переехал из Гомеля в Минск, все не заладилось. Срывались сделки, соскакивали компаньоны с козырных тем. Вот в старые времена все было проще. Взял под крыло десяток торговых палаток и парочку магазинов и стриги себе «капусту зеленую». Красивая жизнь была, девочки, кабаки. Но новые времена настали с приходом к власти «Батьки». Отстрелили в Беларуси всех криминальных лидеров, других просто по сфабрикованным делам отправили на нары, а те, что выжили, в Москву подались. Мутно стало. Остались одни беспредельщики или наркоманы. Пошла новая волна в стране, волна беспредела. Даже Вован ходит теперь вечером по улице с ножом. Разве скажешь наркоману обдолбленному, что я Вова Пузырь — гроза огромного райо-

на в Гомеле? Завалят тебя, как быка, и потом только посмеются.

Конечно, Вован еще благовал бы. Но когда в последний раз его взял отдел по борьбе с организованной преступностью и предложил отдохнуть пару месяцев на шконаре в СИЗО, Вован подумал, что все, на этот раз приплыл точно не к той пристани.

Отец Вовы был прокурором в прокуратуре Гомельской области, и только его влияние и связи долго не позволяли ему попасть в цепкие лапы закона. Обращались к нему серьезные чины помочь замять то или иное дело. Он понимал, что это сделка, но, ради единственного и любимого сыночка, готов был идти на любую сделку. Вот и в этот раз помогли, вернули одинокому отцу нерадивого сына, но предупредили, что в последний раз, больше помощи не будет. Уж слишком много накопилось на него серьезной информации.

Президент ясно дал понять, что не потерпит в рядах органов МВД перекрашенных. Проверки шли сплошной чередой, да еще и ОСБ лютовать стал. Вован сам понимал, что после того, как «матюшковские» расстреляли Витю Кабана, самого отчаянного авторитета Гомеля, под которым и он ходил, ловить что-то в этом городе стало трудно. Разбежались бойцы Вити Кабана по бригадам, а кто просто — по домам, а Вова подался к «матюшковским», на милость победителя сдался. Только работы, стоящей, не получил от нового босса, не доверяли ему серьезные дела, а все больше — дань по ларькам собирать.

А вот Витя Кабан был настоящий авторитет, спортсмен, чемпион СССР по борьбе, мастер спорта международного класса. Вован втайне всегда завидовал его силе и дерзости. Но, как и всегда, ему не по-

везло. В начале 1993 года он собрал несколько человек под своим крылом и, вооружившись обрезом, попытался оторвать кусочек маленького пирога в городе. Первое дело прошло успешно. Заскочили они в маскав в бар с экзотическим названием «Сюрприз», постелили двух охранников на пол, забрали всю вырубку. Предупредили хозяина, что платит он с этого дня им. Где было знать начинающим отморожкам, что бар крышевал грозный авторитет Витя Кабан? На следующий день всех гангстеров успешно и по-тихому отловили бойцы Кабана, вывезли в лес, дали по лопате и заставили рыть большую братскую могилу. Может быть, и убили бы их тогда, но Вован, поскуливая, сказал бригадиру: «Мы, конечно, накосорезили, но можем отработать любой штраф. Да, ко всему прочему, у меня отец работает в прокуратуре, а значит, прикрывая меня, всегда прикроет и вас. Возьмите нас под себя, а мы докажем, что не шалопаи мы колхозные, а нормальные пацаны».

Отрабатывали они полгода. Засылали их на стрелные стрелки, за простых солдат, а то и просто как торпеду брали на разборки, но время прошло, и штраф отработали парни исправно.

Начинались собственные дела. К этому времени в городе все было поделено, а что-то отобрать у других не было сил. Метался Пузырь по городу как белка в колесе, а выхлоп был минимальный.

Был у Вовы свой комплекс — это его полнота. Девчонки с детства смеялись над ним за его жировые излишки. А тут влюбился Вовка в одноклассницу, да так, что не спал ночами. Думал, как обворожить красотку Лену. Что только не делал. И за косички дергал, и шоколадки пытался дарить, благо в шоколаде не

было недостачи: отца-прокурора щедро задаривали конфетами, шоколадками да пятизвездочным коньяком. Только Леночка не принимала от него подарки, слышала от подружек, что если мальчик дарит подарок, он всегда хочет этого...

— Чего, этого? — спросила Лена подружку Катю.

— Ты дура, что ли? Секса, сама должна понимать.

Леночка приняла слова подружки близко к сердцу. Тут, как назло, Вовчик отважился и написал записку с признанием в любви. Засунул ее на перемене в ранец любимой и стал ждать. Ленка нашла записку и стала читать. Она покрылась густой розовой краской, затем собралась, вышла к доске и попросила внимания. Одноклассники замолчали, как по команде. Ленка была не только старостой в классе, но и правильной активисткой.

— Мне сейчас была подброшена записка, и, чтобы все расставить на свои места, я должна ее прочесть.

Вова замер в шоке, этого он не ожидал. Во время чтения Ленка краснела все больше, а Вовчик побледнел как смерть, затем выскочил из класса. На урок он не пошел. Злость и отчаяние, смешанное с чувством стыда и бессилия, целиком наполнили юного Ромео.

Был у Вовчика гипсовый поросеночек, в который собирал он деньги, чтобы купить себе самую лучшую девчонку. Он был уверен, что будет владеть самыми лучшими девчонками в мире. Время шло. Вовчик к десятому классу насобирал не одну сотню баксов, но так и не решился подойти к проститут-

ке. Одноклассники уже рассказывали о своих любовных похождениях, а он с прыщавым лицом, стыдясь своей полноты и юношеских угрей на лице, мог позволить себе, закрывшись в ванной комнате и обложившись журналами с красивыми, голыми девушками модельной внешности, онанировать. Так и рос Вова, по кличке Пузырь, с мыслями о том, что, заработав много денег, он сможет купить себе абсолютно все. В армию Вова ушел девственником, девственником и вернулся. Теперь ему нравились сильные и мужественные бандиты из американских боевиков, которые в изобилии демонстрировали на ТВ. Мечтал стать сильным и грозным гангстером, и что ему, как всем героям его любимых фильмов, женщины будут отдавать свою любовь и нежность. Записался в секцию каратэ-до, не пропускал ни одной тренировки. Пошил себе кимоно и часами стоял у зеркала, отрабатывая уракены руками и маваша ногами. Он твердо верил, что, благодаря старанию и навыкам, станет великим мастером. Понял Вова, что силой всегда можно получить желаемое. Вот и собрал бригаду молодежи, убедил их в своей крутизне и обещал всем устроить сытую и беззаботную жизнь.

Позже, оказавшись в шестерках у Вити Кабана, Вова все-таки лишил себя девственности, переспав с проституткой из сельмаша. Кроме девушек легкого поведения, у него никого не было. И он озлобился. После секса с проститутками их же и избивал. Наслаждался Вова, унижая и избивая падших женщин, а страх в глазах своих жертв доставлял ему особое удовлетворение. Избивая женщин, он мстил Леночке-недотроге.

...Пузырь умылся, почистил зубы, затем подошел к окну. Солнечный февральский день предвещал приближение весны. Именно сегодня он решил сделать предложение своей подруге. Вова взял с журнального столика бархатную коробочку с обручальным кольцом и открыл ее. Бриллиант в белом золоте засиял в лучах утреннего солнца. Бирка с указанием цены продолжала висеть на кольце. Вова подумал, может, убрать ее, как-то нескромно вроде? Но что-то внутри говорило, пусть эта сучка знает, что не подделка с феонитами, а настоящий бриллиант в 0.9 карата красуется в оправе. «Теперь точно не устоит эта “принцесса на горошине”». Недотрога нашлась, подумаешь, актриса театра, я тоже не оборванец, вот уже на квартиру элитную денег накопил, дело свое имею, тачку почти новую купил, BMW седьмой серии, это вам не шухры-мухры, это круто. Целый месяц на ее идиотские спектакли хожу, на одни цветы сколько бабла выложил, два ТО “бумеру” можно сделать, а она даже не позволила поцеловать в губы. Стерва-карьеристка. Подавай ей принца. А где эти принцы? И чем я хуже?»

От мыслей Вову оторвал звонок мобильного.

— Алло, — грубо, с понтом в голосе, рявкнул в трубку Вован.

— Здорово, Пузырь.

— Мне спеть или станцевать, если я и Пузырь?

— Ты нотки в голосе подточи, с братьями так не говорят.

Вова застыл от неожиданности, узнав Жеку Бешеного, дерзкого бойца из бригады «матюшковских».

— Жека, брат, — заискивающе залепетал Вован, ну как ты поживаешь?

— Кому брат, а к кому пиздец пришел, — рывкнул Жека.

Знал Пузырь, что Жека за всю свою жизнь на свободе был пару лет. И все ходняки имел за убийства и разбои.

— Что стряслось, Жека? Почему обо мне через столько лет вспомнил?

— Так соскочил ты некрасиво, Вова, братьев забыл, воровскому не уделяешь.

— Жека, не гони. Я воровскому всегда отстегиваю со своих схем. Говори, что нужно?

— Знаешь, Пузырь, замели парней Пожарника, сам он с остатками братвы в бега подался, в Москву, но, думаю, и там его отыщут мусорские. Докопались ментяры до твоего бывшего хозяина, Вити Кабана, и еще десяток мокрух повесить на нас хотят. Сейчас в бегах я, да и работы нет, может, чем поможешь?

Пузырь знал, что в Кабана стрелял Жека и еще двое малолеток по семнадцать лет, знал, что и менты об этом знают, только доказать не могут. Взяли все на себя эти два малолетних хлопчика, но Жеку пока не сдали, молодцы. Громкое убийство Вити Кабана никому чести не сделало. Его со всей семьей прямо в машине около дома расстреляли. Первой очередью просто отрубило по плечо руку Вити, которой он держал сына. Жена Лена, будучи беременной, также пострадала. В машине находилась еще пара человек, и так же, как Витя Кабан с ребенком, были практически растерзаны очередями. Отморозки, что сказать. Все знали, что Кабана можно было устранить в пять секунд. Он никогда ничего не боялся, охраны принципиально не имел.

Знал Вова, что руки у Жеки по локоть в крови, знал и боялся. Получить такого киллера к себе в подручные было за счастье. Но только не с огнем ли ты, Вова, играешь? «Ладно, если надо, то от него избавлюсь сам, кто его хватится, в бегах он».

— А каким местом ты к беглым «пожарникам»? — спросил Вова.

— Пузырь, много вопросов задаешь, но тебе скажу, подрабатывал я временами у них. И теперь, если сыпаться начнут его люди, менты кое-что могут узнать о моей внеурочной работе на Пожарника.

— Жека, давай завтра встретимся в ресторане «21-й век», суши поедем, sake выпьем, потолкуем.

— Это чьи мы уши есть будем?

— Не уши, Женя, а суши. Это свежая рыба в рисе, последняя фишка в правильном питании, японская кухня.

— Слушай, Пузырь, если тебе хочется живую рыбу, сам ее и хавай, а мне приятнее просто кусок мяса и наша, беленькая, и без сока там всякого.

«Крест колхозный, — подумал про себя Вова, — что с ним базарить о правильном питании. Шестнадцать лет по лагерям, кроме баланды, ничего другого не жрал».

— Хорошо, там во вкусах и определимся. Давай вечером, часиков так в девять.

— Добазарились, но если не придешь, тебя придется убить, — заржал Жека и положил трубу.

Пузырь побледнел, хотя и была эта шутка, но когда Жека шутит, тут не до смеха.

Девять утра. Вовану не терпелось позвонить Оле и предложить срочно встретиться.

Он набрал номер ее телефона. В трубке послышались длинные гудки, затем сонный голос Оли.

— Алло.

— Оленька, красавица моя, вставай, солнышко. Это твой персональный будильничек.

— Это ты, Вовка? — вяло, с нежеланием и равнодушием ответила Оля.

— Котеночек, угадай, что твой пупсик тебе сегодня подарит?

Оля уже более бодрым голосом спросила:

— И как это ты, мой толстячок, вдруг решил на такой серьезный поступок, подарок для меня купить?

Вова от природы был скуповат, но жадным не был. Он всегда говорил, что никакого толку нет этим лярвам, корыстным, что-нибудь дарить. Вот встречу ее, свою судьбу, тогда и подарки будут, и дом полная чаша, и шубы там всякие.

— Котик, это колечко, а колечко не простое, а колечко золотое с брюликом.

— И что?

— И ничего. Вставай, собирайся. Через час за тобой заеду, поедem в одно уютное кафе на окраине города, позавтракаем, а потом тебе сюрприз покажу.

— Через час? Я не успею. Давай попозже.

— Какое попозже? После обеда у тебя в театре репетиция, а вечером спектакль. Вставай, солнышко, я уже еду.

— Ладно, только, подъезжая, позвони. Я выйду, а то маме, ты знаешь, не очень нравятся наши с тобой отношения.

— Заметано, — ответил с раздражением Вован, — не может же твоя мама жизнь за тебя прожить, как никак двадцать шесть лет, надо самой в жизни определяться.

— Когда определюсь, тогда и поговорим. Жду.

Телефон запикал короткой очередью. «Разберемся, красавица, и с тобой, и с мамой твоей, интеллигентской престарелой, разберемся», — пробормотал Володя вслух.

Виктор свернул, не доезжая до Минска, в сторону Боровлян. Утро было в самом разгаре. Неизбежность в образе весны уже врывалась через ноздри в мозг, разогревая душу и прогревая сердце ото льда долгой зимы.

Слова новой песни сами мурлыкались себе под нос:

Неприлично задержалась на дворе зима,
Скалит зубы и смеется мне в лицо она.
Вот блудила, замутила с мартом делюгу,
Про какие-то разборы гонит мне пургу.
Я сказал ей пару нежных про ее то мать.
Ну она же попросила ей поцеловать,
А куда вот не сказала, видно стало стыдно,
И, наверное, еще за себя обидно.

«Какая весна пробуждается, тридцать восьмая в моей жизни, — подумал Виктор Дворжевский. — Да, “наши годы, как птицы, летят”». Припарковав авто, он зашел в уютный дворик территории кафе. На входе его встретил приветливый молодой человек:

— Будем кушать?

— Будем завтракать, дружище, — ответил Виктор.

Виктора провели в большую и отапливаемую кабинку, положили меню. Официант, молодой человек, с любопытством его рассматривал.

— Мне, пожалуй, соляночку, она в прошлый раз мне очень понравилась. Нет, лучше двойную и кофе по-американски, тоже лучше двойной.

— Это все?

— Утром есть много вредно, молодой человек, — пошутил Виктор.

— Извините, а не дадите ли вы автограф? Не часто у нас останавливаются такие известные артисты.

— Автограф? За счастье. Давай, неси, на чем расписаться.

Спустя несколько минут официант принес дымящуюся солянку в сопровождении интересной девушки. Она расплылась в милой улыбке и протянула три календарика с изображением кафе «Очаг».

— А можно, для нас троих вы распишетесь?

— Почему нельзя? Можно. А как тебя зовут, красавица?

— На Наташу отзываюсь, — начала было мяться девушка.

— Если бы даже не приближение весны, я все равно бы подумал, что весна нарисовалась в твоём образе, красотка, — глядя в глаза симпапуле, сказал Виктор.

Девушка покрылась легким багрянцем.

— Тогда с весной тебя наступающей, — и размашисто написал: *«Для Наташи, фарта и сексуального азарта, с пожеланием, Виктор Дворжевский»*.

Проглотив солянку, Дворжевский принялся за кофе. В этот момент в кафе зашли двое, красивая девушка и полный, неуклюжий мужчина, лет тридцати. Мужчина посмотрел на Виктора с презрением и высокомери-

ем, снял куртку, бросил ее на соседнее кресло, приземлился на стоящий стул. Дворжевскому показалось, что стул покосился, но достойно принял массивное тело посетителя. Девушка была смущена невниманием партнера, сама сняла с себя черное кашемировое пальто, присела напротив. К столику подошел официант, протянул меню.

— Мы не заказываем, мы сами берем, что пожелаем, — ухмыльнувшись, съязвил новый посетитель. — Мне 100 граммов водки «кленовой» накапайте и шашлык из баранины граммов четыреста, а лучше пятьсот. Оля, — обратился он к спутнице, — ты выбрала?

Оля вяло перелистывала страницы меню и никак не могла определиться. Есть ей не хотелось, но раз приехала, нужно было что-то заказать.

— Пожалуйста, молодой человек, — обратилась к официанту Оля, — мне кофе и мороженое с фруктами.

В диалог вмешался толстяк:

— Оля, у меня сегодня особый день, поэтому, — переведя взгляд на грустившего официанта, — 100 граммов коньячку «хенеси» для моей девушки.

— Вовчик, у меня репетиция и спектакль, я не буду пить коньяк.

— Ты что, Оленька, у меня такой день, да и «хенеси» не так часто предлагают.

Желая как-то выйти из неловкого положения, Оля смущенно сказала:

— Ладно, будь не по-твоему и не по-моему, — бокал вина, если можно, французского.

— Есть «бордо» 2002 года, — смекнул официант.

— Вот и хорошо.

Вовчик был недоволен, надулся, но, понизив голос для солидности, добавил:

— Водку с лимоном и вино прямо сейчас, одна нога — здесь, другая — там.

Виктор внимательно наблюдал за пришедшей парочкой. Ему не понравилась манера общения этого толстячка, слишком много понтов и пафоса. Девушка, напротив, красивая, с черными вьющимися волосами, осиной талией и совершенно правильными чертами лица. «Красотка, — подумал Виктор, — что, интересно, она с ним тут делает».

...Виктор был неплохим психологом. Будучи от природы человеком наблюдательным и внимательным, он всегда интересовался типажамми человеческого лица и сопоставлял их с реальной природой человека. Скорее всего, этот толстяк в прошлом — мелкий бандитствующий элемент какой-нибудь группировки начала девяностых, сейчас — обарыжившийся спекуль, пытающийся быть крутым перцем, с комплексом неполноценности, связанным с избытком жировых складок. Поэтому он и пытается вести себя агрессивно и по-хамски. Унижая других, в первую очередь беззащитных и женщин, самоутверждается в обществе. Такие люди могут быть опасны не как бойцы, а как трусы, не играющие по правилам лицо в лицо, а наносящие удары из тени.

Его спутница, а скорее всего, случайная прохожая в его жизни, наоборот, красивая, утонченная, с доброй, теплой улыбкой. Виктор обратил внимание на ее руки. Длинные пальцы, такие бывают у людей творческих, с романтическим складом ума, поэтов,

музыкантов, актрис. Ногти не наклеенные, как сейчас модно, ухоженные и расписанные замысловатыми линиями и узорами. Женским пальцам Дворжевский уделял особое внимание, так как понятие женской красоты для него включало красивые, ухоженные руки.

Официант принес маленький графинчик водки и бокал вина. Толстяк налил полную рюмку до краев и, не глядя на Олю, залпом махнул ее целиком. Его рука судорожно потянулась в карман джинсов, откуда он извлек маленькую бархатную коробочку бордового цвета.

Оля, отпив глоток вина, безразлично смотрела, как ее спутник с волнением открывает коробочку.

— Оля, мы с тобой знакомы уже почти месяц и, мне кажется, настало время нам сблизиться. Я предлагаю тебе стать моей невестой и принять это кольцо в знак особого внимания и расположения, — выпалил старательно заученную фразу толстяк.

Он потянулся, чтобы примерить кольцо на ее палец.

Оля резко одернула свою руку.

— Постой, Вовчик, кольцо — это одно, но и его я не могу принять, а предложение, которое ты мне сделал, — совсем другое, я тем более не готова принять его. И совсем не готова перевести в русло серьезных отношений наше знакомство.

Рука с кольцом зависла в воздухе в нелепом положении. Лицо побагровело и быстро приняло те же наглые черты. Но он быстро пришел в себя и умоляюще, слегка заикаясь, затараторил:

— Оля, я, конечно, поспешил, просто никогда не видел таких женщин, как ты. Мое намерение самое

чистое и открытое. Я прошу тебя принять это кольцо. Просто, как подарок, без всяких там обязательств, в честь нашего знакомства. Не обламывай меня, как дешевого фрайера.

Теперь и Оля была растеряна. Каким-то жалким и ничтожным показался ей Вовчик. Стало неудобно, да и жалко его. «И зачем только стала с ним встречаться», — подумала она.

Оля тогда рассталась с мужчиной, с которым встречалась два года, и пребывала в состоянии депрессии. Как раз в тот момент и появился Володя. Такие «ухажеры» ей никогда не нравились, но в тот момент хотелось отвлечься и попытаться забыть все, что было связано с неудавшимся романом.

Оля протянула безымянный палец.

— Вовка, не обижайся, принимаю подарок, чтобы тебя не обидеть, только давай договоримся, я тебя воспринимаю как друга и хочу, чтобы ты таковым и оставался.

Толстяк с размаху насадил кольцо на палец и с облегчением вздохнул. Бирку с ценой он важно положил в футляр и протянул его Оле.

— Мои чувства мы закрываем временно в эту коробочку, и, я надеюсь, ты когда-нибудь изменишь свое решение.

Внутри у Володи все кипело. Про себя он думал: «Вот стерва, я ей такое кольцо, всю душу вывернул наизнанку, а она так со мной обошлась». Злость на самого себя, на Олю и на весь мир быстро разгоралась внутри.

Подошел улыбающийся официант с подносом, на котором были уложены румяные куски мяса.

— Ну че ты лыбишься, как пидор? Ты кто, официант? Вот и зарабатывай свои чаевые правильно, а

свою лживую харю мне не показывай, петух. Понял?

Смушенный официант не знал, что ответить. Толстяк продолжал:

— Рот закрой и иди работать дальше.

Официант извинился и быстро ретировался.

Оля от неожиданности чуть не выронила чашку кофе на себя.

— Вовчик, ты что? Он же хотел, как лучше. Хороший паренек, а ты его такими страшными словами. Я никогда такого за всю свою жизнь не слышала.

— Так слушай, — огрызнулся толстяк, — а то от ваших интеллигентных муси-пуси тошнит иногда.

— Володя, а ты — хам и совсем не такой, как мне представлялся.

Толстяк завелся еще больше. Подтянул к себе тарелку с бараниной и принялся поглощать мясо.

«Странно, — подумала Оля, — я никогда не видела, как он ест».

А жрал Вован, как и жил. Немытыми руками брал куски мяса, окунал их в специальный соус и с чавканьем, особо не пытаясь пережевывать, проглатывал их целиком. Не обращая внимания на свою спутницу и на то, что часть соуса проливается на его рубашку, почмокивая и похрюкивая от удовольствия, толстяк в считанные секунды отправил содержимое подноса себе в желудок.

Вдруг его взгляд остановился на посетителе, который сидел напротив и, как показалось, внимательно рассматривал его. Вован быстро оценил незнакомца взглядом: «Здоровый, бля, опасный соперник». Интуиция его редко подводила. Слету он понимал, на кого можно наехать, а от кого нужно держаться по-

дальше. «Где-то я его видел, — и вдруг осенило, — так это певец, как его там, да, точно, Виктор Дворжевский». Он еще раз посмотрел в сторону артиста и обернулся к Оле. Она тоже обратила внимание на сидящего незнакомца. «Наверное, узнала», — подумал Вовчик. Ревность, смешанная с обидой, заиграла у него в душе.

Он бросил резкий взгляд на Олю и жестко сказал:

— Послушай, краля, я же с тобой разговариваю, а ты на меня не смотришь. Я, как дурак, купил кольцо с брюликом за полторы тонны баксов, пригласил тебя провести часок вместе, а ты готова куда угодно тарашиться, но только не на меня. Вы, бабы, как шлюхи дешевые, себя ведете.

Оля от неожиданности и негодования открыла рот. Волна возмущения перехватила дыхание. Она попыталась собраться с мыслями и что-то ответить, но из уст слетело только: «А-ах т-т-ы, х-а-а-а-м!».

Но толстяк продолжал свой наезд и никак не мог остановиться. Осознавая, что Оля его уже не простит, и он потерял ее навсегда, хотелось причинить этой высокомерной интеллигентке как можно больше боли. У него перед глазами опять воскресли воспоминания из детства, как Лена-одноклассница его унизила, отказала перед всем классом, как смеялись все над его полнотой.

Оля вскочила, чтобы уйти, но тяжелая рука грубо усадила ее на место.

— Сиди, лярва. Пока я не скажу, никуда не пойдешь.

Виктору было не по себе от происходящего рядом. Что-то говорило ему: «Накажи подлеца». Хотелось

встать и дать по роже этой жирной свинье. Но сколько раз Виктор встречал вот так за женщин и сколько раз он за это расплачивался. Не было и года, чтобы на него не заводили дело за хулиганство или превышение мер вынужденной самообороны.

В его жизни был случай, который не мог он забыть даже через шестнадцать лет. Виктору тогда было двадцать два. Только полгода, как вернулся из зоны боевых действий на Кавказе, куда судьба его занесла в качестве солдата удачи. Вернулся с оторванным пальцем и контузией и с головой ушел в спорт. Одна тренировка на общефизическую подготовку и качь, вторая — чисто рукопашный бой. В те времена страну сотрясали последствия бездарной перестройки. Не было даже бензина. Автобусы ходили только утром до 10 часов, затем с 14 до 17 и с 22 до часа ночи. На остановках стояли огромные очереди желающих добраться до дома, на работу и с работы. Виктор спешил и, заметив стоящий автобус, попытался протиснуться поближе к двери. На пути стоял человек, лет тридцати двух. Виктор вежливо посторонил его и вскочил на подножку. Дверь попыталась закрыться, но, столкнувшись с препятствием в виде мускулистой спины Виктора, беспомощно замерла. По технике безопасности автобус не мог тронуться с открытой дверью. За спиной послышалась нецензурная, унижительная брань в его сторону. Виктора как жаром обдало, он попытался выскочить, но дверь за спиной закрылась, и автобус тронулся. Что-то заклинило в голове. Он, лидер одной из первых криминальных группировок города, авторитет, так позорно унижен каким-то ханьгой на глазах у сотни зевак, сейчас трусливо уезжает.

— Командир, — крикнул Виктор, обращаясь к водителю, — останови, жена с ребенком на остановке осталась.

Хитрость удалась. Передняя дверь открылась, и Виктор выскочил из переполненного автобуса. Его обидчик размашисто, вскинув две руки, двигался на него. Кровь наполнила глаза, стучала в висках. Дикая ярость овладела им. Короткая тенниска с голыми руками, которые были все в наколках, замастевана была даже шея. Вместо кулаков огромные вазелиновые кувалды — тогда многие загоняли вазелин в кулаки, делая из них «боксерские перчатки». Виктор всегда открыто посмеивался над такими «бойцами». Иметь колотушки — ничего не иметь, ими нужно еще ударить. Делали это часто в детстве по дурусти или от чувства неполноценности и недалекого соображения дебилы, отморозки, по бакланке отсидевшие какое-то количество лет за колючкой.

В то время начиналась дележка криминального рынка. Многие парни, сидевшие за воровство, вдруг решили переквалифицироваться в бандиты. Интересы спортсменов и «перекрашенных» часто пересекались, но силы были не равные. Сильные ребята, часто прошедшие не только армию и лагеря, но и зоны боевых действий, не хотели отдавать то, что уже завоевали, разработали и взяли под себя. Трудно было смириться и другой стороне. Они не хотели делить со спортсменами, часто не сидевшими, а значит, не заслужившими таких благ, то, что украли или отобрали. Неприязнь была взаимной.

Для Виктора не имело принципиального значения, кто и что прошел. Надо просто жить в мире, уважая интересы конкурентов. Важно кто есть кто. Вик-

тор уважал представителей воровской масти, умудренных опытом и знаниями старших. Часто он даже не представлял, с кем разговаривает, с жуликом или преподавателем этики. Авторитетные старшие даже лагерных наколок не имели, общались без матов и оскорблений, применяя феню чисто по месту и делу. Редко от них можно было услышать такие выражения, как петух, козел и прочее, без веских на то причин. Они всегда говорили: как базарить — это дело каждого, но за базар надо отвечать обязательно.

Баклан приблизился к Виктору и с отмашкой, по колхозному, занес руку, намереваясь нанести удар вазелиновой перчаткой. Выбора не было. С ходу, вложив весь вес, всю злость на опережение, Виктор нанес удар в голову соперника. Он даже не ударил, выстрелил. Удар был такой силы, что нападавшего подняло в воздух, а приземлялся он уже на голову. Поверженный соперник лежал на асфальте с распростертыми руками без признаков жизни. Кровь лилась со сломанного носа и ушей. Виктор понял, если не убил, то причинил значительные телесные повреждения, а это — серьезная статья.

На следующий день к нему зашел друг Мишаня, который входил в бригаду Виктора, и сообщил, что умер очень нехороший человек, с погремухой Чирия. Вдова Чирия говорила, что пришел ее муж пьяный, весь в крови, со сломанным носом. Сказал, что дрался с толпой каких-то уродов и что всех перебил. Заснул и не проснулся. При вскрытии было установлено, что умер он в результате черепно-мозговой травмы, повлекшей за собой кровоизлияние в мозг.

Уголовное дело завели, а тех «многочисленных уродов» не нашли, да и искать особо никто не соби-

рался. Ментам только на руку было списать на бандитские разборки смерть так им насолившего, неоднократно судимого бакланщика Чиря.

После этого случая Виктор стал рассудительнее и предусмотрительнее в драках. Понимал, что его кулак — опасное оружие для других, но в первую очередь для него самого. Много было переживаний и угрызений совести, но что произошло, то произошло.

Были и другие неоправданные поступки, за которые по сей день стыдно. Ему казалось тогда, что жизнь — это война. Что счастье и место под солнцем можно завоевать только своей силой и умом. Вот и лез, сломя голову, во все разборки и передраги. Драка была его стихией, а опасность, бесшабашная смелость и дерзость — его дворовая, уличная философия. Понимание того, что ударить легко, трудно не ударить, еще труднее простить, пришло позже.

Чтобы не быть вовлеченным в бытовую разборку, Виктор положил под чашку с кофе расчет и вышел из кафе. Но тут же, следом за ним, выбежала девушка и бросилась за ворота. До города километров пять, а вокруг ни машин, ни людей. Беспомощно, с досадой она присела на скамейку и расплакалась. У Виктора все сжалось внутри. Он не мог смотреть, как плачет женщина, и этим часто пользовались его подруги. Он подошел к рыдающей незнакомке:

— Девушка, может, вам помощь нужна? Я готов вас подвезти до города.

Оля зарыдала еще сильнее и нерешительно отвергла предложение о помощи:

— Спасибо, но только я сама дура, сама во всем виновата, сама и разберусь.

— Сама, так сама, — Виктор направился к своему автомобилю.

Но тут из кафе вывалился толстяк, который завтракал с девушкой в кафе.

— Послушай, Оля, некрасиво так поступать с человеком, который сделал тебе такой подарок. Давай вернемся к столу и все обсудим.

— Да пошел ты, урод, — ответила девушка, — и забери свой подарок.

Она сняла с пальца кольцо и бросила толстяку прямо в лицо. Кольцо ударило его в лоб и упало в снег.

— Ах ты, сука расфуфыренная, — и он бросился на девушку.

Девушка попыталась убежать, но толстяк в два прыжка ее догнал и схватил за плечо.

— Тварь, — крикнул он и ударил ладонью по голове.

Девушка упала на снег, а пальто осталось в руках опешившего толстяка.

Все произошло в считанные доли секунды. Виктор рефлекторно рванулся к толстяку, который уже нагнулся, чтобы схватить несостоявшуюся невесту, и провел подсечку. Толстяк, как подкошенный, рухнул на снег.

— А тебя, музыкантишка, я прямо сейчас заваляю, — пробормотал толстяк, пытаясь подняться. Но сильный удар сверху опять отбросил дебошира в снег.

— Поднимайся, — Виктор протянул руку растерявшейся от пережитого девчонке и быстрым шагом повел к автомобилю.

Девушка, не успев опомниться, сидела в авто на заднем сиденьи. Автомобиль резко рванул с места в

сторону города. Виктор чувствовал, что толстяк не блефовал, когда грозил пристрелить его. У него явно было оружие.

— Девушка, я слышал, вас зовут Оля.

— Да.

— Что ж ты, красавица, так неразборчиво подходишь к выбору мужчин.

— Я его не выбирала, он как-то случайно оказался рядом со мной.

— Случайно, не случайно, а кольцо обручальное тебе дарил.

Оля молчала, глядя на мелькающие весенние пейзажи. Виктор в зеркало заднего вида попытался ее рассмотреть. «Красивые глаза, — подумал он, — жалко, что карие, голубые или зеленые мне нравятся больше». Что-то знакомое было в ее облике, только он не мог вспомнить что. Оля время от времени со страхом поглядывала в заднее стекло автомобиля. Чтобы разрядить обстановку, Виктор сказал:

— Оля, не бойся, ты в безопасности, со мной тебе ничего не грозит. Меня, между прочим, зовут Виктор.

— Дворжевский, — добавила девушка.

— Так ты меня еще и знаешь?

— Кто вас не знает, все музыкальные каналы только вас и крутят, да и лицо у вас необычное, запоминающееся.

— Знаешь, Оля, я за тобой внимательно наблюдал, ты случайно не актриса?

— Актриса.

В этот момент Виктора осенило:

— А я тоже тебя узнал, ты Оля Фурсова, играешь в сериале «Солдаты новой России».

— Да, я там играю.

— Я не смотрю сериалы, нет времени, но как раз этот мельком видел. Прикольно ты играешь, смешно.

— Только сейчас не до смеха, — прошептала она.

— Да, попала ты в историю. Но не отчаивайся, я думаю, что этот пухлый грубиян дорогу к тебе забудет. Куда едем, красавица?

— Меня, если можно, домой. Это на Немиге, я покажу.

— Я куда угодно готов тебя везти, ты только не плачь.

Оля улыбнулась.

— Ну вот, улыбаешься, как Мадонна. Вытирай слезы, все плохое уже в прошлой жизни.

— Спасибо за все, что вы сделали для меня. Если бы не вы, я даже не представляю, что бы он со мной сделал.

— Оля, давай сразу договоримся, на вы меня будут к старости называть, давай просто на ты, ладно?

— Хорошо, спасибо тебе, Виктор.

— Ну сколько ты будешь благодарить, я по-другому и поступить не мог.

Оля задумалась. Автомобиль въехал в город. «Красивая, — подумал Виктор, украдкой поглядывая на случайную пассажирку. — Может, попросить телефончик, — мелькнуло у него в голове. — Да нет, как-то неудобно. Вроде только помог девушке избавиться от злодея и сразу телефон, как награду за поступок, просить. Некрасиво как-то».

Автомобиль, не спеша, ехал по весеннему, но еще заснеженному городу. Мысли захватила муза. Стихи начали приходиться сами по себе, в виде картинок, где-

то там, глубоко в сознании. Из этого творческого состояния вывели его слова Оли:

— Сейчас направо, к следующему дому и у первого подъезда останови, пожалуйста.

«Да, жалко, что так быстро приехали», — подумал Виктор. Остановив машину у подъезда, он вышел, открыл дверь, протянул Оле руку. Ее ладонь была нежная и теплая. Она вышла из машины и застыла на мгновение, глядя в лицо своему спасителю.

— Знаешь, Виктор, а ты на экранах телевизоров выглядишь хуже, чем в жизни. В жизни ты совсем другой.

— Мне часто об этом говорят.

— Между прочим, ты в этой стране популярен. О тебе только и говорят.

— А что, плохое или хорошее? — улыбнувшись, спросил Виктор.

— Разное. Одни говорят, что ты бандит и сидел, другие просто влюблены в тебя.

— Это касается женщин? Важно, что нет равнодушных. Плохо — это другая сторона хорошо, и кто знает, как крутанется эта монетка.

— Я тоже тебя представляла по-другому. Спасибо, и будь счастлив.

— И тебе удачи, Оля, и только главных ролей и талантливых картин.

Оля поцеловала Виктора в щеку и вошла в свой подъезд. Виктор с грустью посмотрел вслед уходящей девушке. Какая-то тоска подступила к груди. «Да, жаль, но не все бриллианты мне одному. Кто-то будет еще очень счастлив с такой женщиной. Она достойна, чтобы ей писали стихи, посвящали песни, носили на руках, целуя ее красивые и тонкие руки, на-

слаждались красотой и правильностью ее лица. Мир и вправду спасет красота».

Виктор ехал по городу, и в сознании зарождалась новая пеня:

По щекам поплыла тушь ресниц,
Я ее платком сотру неловко,
Губы, очертанье двух границ,
Как похожи мы с тобой, девчонка.
И везет нас сквозь метель авто,
Двух романтиков большой любви,
Ты же, застегнув свое пальто,
Вдруг сказала: «Здесь останови».

Вован пришел в себя и начал рыскать руками по снегу в поисках кольца. Губы и нос были в крови, голова гудела. «Вот, сука, — думал несостоявшийся жених, — я его, падлу, найду, жизнью заплатит за свой косяк. Рамсы мне не надо, я его по-тихому удавлю. Важно, что я знаю, кто он такой. Найти его будет несложно, слишком известный этот Виктор Дворжевский. Популярный российский шансонье, — повторял про себя Вован, вспоминая слова из рекламного ролика. — Надо только пробить, что за фрайер, кто его поддерживает, связи там и прочее. Деньги все положу, но его найду и убью, зря он встал у меня на дороге. Вова Пузырь такого не прощает. А сучка эта пока пусть живет, разберусь с защитничком слабых и угнетенных, займусь ею. Мечь — это такое блюдо, которое подается холодным. — Пальцы нащупали кольцо в снегу. — Вот и ладненько, колечко у меня». Вова посмотрел в сторону скрывшегося автомобиля и громко сказал: «Летите, лебеди, летите, только жизни береги-

те, — и уже про себя сосчитал детскую считалочку, — раз, два, три, четыре, пять, я уже иду искать».

Он набрал номер телефона Жеки:

— Есть хорошо оплачиваемая работа для тебя.

Дворжевский погрузился в размышления:

— Как коротка жизнь, а мы ее прожигаем по мелочам, растрчивая на «нужных» людей и какие-то связи, тратя время на случайных женщин и случайных прохожих. Что-то защемило в душе? Настя. Давно не видел ее, — подумал Виктор. — Может, навестить? Все равно же в Минске. Нет, не ради близких отношений, просто ради встречи. Может, и она одиноко смотрит в окно своей квартиры, вспоминая обо мне. А вдруг она уже не одна, а я как дурак припрусь с цветами, здрасьте мол, я пришел навестить и поскучать. Дворжевский увидел ларек с цветами и неожиданно затормозил. Выпрыгнув из машины и подойдя к магазинчику, замер. А может, это все зря? Но ранний посетитель был ласково принят продавцом. Интересная, но уже не молодая женщина бросила ему на удивление не дежурную фразу:

— Если думаете, покупать цветы женщине или нет, лучше купите. Даже если вас не ждут с букетом, лишним он не будет. В такую метель, может, для нее цветы будут постучавшейся в сердце весной, — с улыбкой на лице сказала она.

— Думаю, вы правы, дайте лучший букет, — уже решительно ответил Дворжевский.

Дворжевский въехал в знакомый дворик. С букетом цветов он двинулся к двери подъезда, где когда-то попытался отыскать свою любовь, любовь оказалась только хорошей, уважаемой, теплой, но не любимой. Где-то здесь, на втором этаже, должно быть то

окно, глядя в которое так часто любила грустить она. Глаза Дворжевского остановились и замерли. У окна стояла Настя и грустно смотрела прямо в глаза Виктору. Дворжевский остановился и замер. Вот она не любимая любовь, все такая же, как несколько лет назад, благородная, гордая, и все еще любящая женщина, только какая-то несчастная и потерянная. Дворжевский, не отрывая глаз, двинулся вперед, но в этот момент к Насте подошел мужчина и, обняв ее, поцеловал. Настя даже не отреагировала на поцелуй, продолжая смотреть в глаза Виктору. Дворжевский отвернулся и резко двинулся к машине, но неожиданно остановился. Маленькими зелеными глазенками на него смотрела Настя, только лет на тридцать моложе. Красивая девочка, лет десяти, так же внимательно рассматривала его. Виктор подошел к ней и присел на корточки. «Неужели узнала?» — мелькнуло в его голове, — ведь лет семь, как он не видел ее.

— Тебя как зовут? — поинтересовался Виктор.

— Ангелина, — смущенно ответила девочка.

— А ты меня знаешь? — с какой-то необъяснимой надеждой и дрожью в голосе спросил он.

— Да, я вас часто вижу по телевизору, вы певец, Виктор Дворжевский.

Дворжевский грустно вздохнул.

— Да, маленькая, все правильно, я певец.

Он погладил девочку и поцеловал в лоб.

— Будь счастлива, Ангел.

Дворжевский протянул совсем уж растерявшемуся ребенку букет цветов и, не оборачиваясь, пошел в сторону машины. Сев за руль, он включил аварийки, поморгал растерянной девочке, которая, в свою очередь, махала ему красивым букетом ярко-алых роз.

Эти прощальные огни фар предназначались и его, уже совсем далекой Насте, которая наблюдала за происходящим во дворе и, глядя ему в след, прощалась навсегда со старой мечтой: любить его и быть любимой. Дворжевский не видел, как слезы сдержанно устремились из глаз Насти по щекам, падая на цветок белой лилии, для этого времени года так необычно цветущей на подоконнике обычной коммунальной квартиры.

Дворжевский испытывал безумное одиночество, без повода катаясь по улицам города. Странная штука, эта жизнь. Чем выше человек поднимается вверх, даже не по социальной лестнице, а скорее по духовной, тем более одиноким он становится. Живут так в мире одиночества и не могут друг друга найти. И окна их часто смотрят глаза в глаза, и дождь на стеклах плачет от одиночества этих душ, а они все не могут встретиться.

Намазаны на жизнь противоречия,
Посыпаны не сахаром, а солью.
Встречаются забытые наречия.
Расходятся, и отдаются болью
Две колеи, два разных одиночества.
Пытаются забыть свои сомнения
Два имени, и два обычных отчества,
Два сердца, две души, одно мгновение.
А в глазах гуляет грусть, ну и пусть.
И глубокая тоска у виска,
А года сквозь пальцы словно вода.
Одиночества стоят у окна.
Свет фар авто, расплавив темноту,
Стремится жизнь найти в уснувшем городе.

Два одиночества, презрев черту,
Устало ежятся в собачьем холоде.
Два одиночества глядят в окно
И не решаются задуть свечу.
Двух судеб старомодное кино
Я в памяти своей его кручу.
И в этой жизни им уже не встретиться,
А в следующей, дай Бог найти друг друга.
Надеждой и любовью шар наш вертится
И наш забег, всего, лишь бег по кругу.
Мои слова, как древние пророчества,
Записанные в нотах, на бумаге
Высочества, два редких одиночества,
Затерянные в мире, два бродяги.

Дворжевский резко вдавил педаль газа в пол. До встречи в следующей жизни, Настя!

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

Виктор Дворжевский был взволнован. Предвкушение чего-то особенного не оставляло его ни на секунду. Сегодня не просто хороший июньский день, сегодня все старые друзья решили собраться вместе. Об их дружбе книги можно писать. Редко бывает, чтобы с самого детства и до сей поры вместе. Дворжевский приехал в очередной раз в Беларусь, чтобы дать несколько концертов в Минске. Естественно, слухи об этом мгновенно дошли до Геры. Несмотря на свою природную застенчивость и скромность, он не мог не позвонить Виктору. Он знал, что на Дворжевского лучше наезжать по-тихому:

— Витек, друг мой, ты что шифруешься от нас? Не хорошо. Бываешь в Беларуси раз в месяц, а встречаемся мы раз в году. Неправильно это.

— Гера, дружище. Честно, очень рад слышать. Как тут зашифруешься, если рекламу день и ночь по телевизору крутят.

Да, Виктор, музыкальный канал не дает твоим поклонникам расслабиться. Только ты меня стал забывать.

Генералы дворов

— Какое там забывать? Только мыслями о друзьях и живу. Так что, Гера, не гони волну, корабль дружбы не утонет.

— Позвонил Заря из Смоленска. Обиделся он на тебя. Проезжал рядом и не заехал. Он же тебя полгода ждет. Ты скажи, сколько раз с концертами навещался сюда из Москвы? Что, трудно было заскочить в Смоленск? Он же находится в восьми километрах от трассы.

— Стыдно мне, не доставай. Чем я могу искупить свою вину?

— Вот это другое дело. Санька Зарянов предложил всем вместе приехать на эти выходные к нему в Смоленск. Говорит, сутки потусуемся в доме отдыха «Пржевальское», а затем в его ресторане закатим гуляночку. Скажи только, когда заряжать пацанов на встречу? Вора из Ростова приехал на родные места посмотреть, мать проведать. У бывшей жены из Калининграда забрал на все лето сына, теперь возится днями с ним, отложил даже очень серьезные дела ради него. Говорит, что намеревается жениться и еще одного ребенка хочет. Невыносима для него разлука с сыном.

— Так, давай, Гера, сегодня я свободен, а завтра у меня концерт, а вот в пятницу я готов к полету.

— Раз ты сегодня свободен, Вару выдернем и по клубам, по девочкам, вспомним молодость.

— Что у вас в женском плане? Ты же знаешь наших хитроумных белорусских «недотрог». Подходит к ним Вася в порванном трико и тапочках на босую ногу и берет все, что захочет, а за тебя, Дворжевский, только замуж. Если скажешь, что решил жениться, очередь стоять будет, как на кастинг, а вот с сексом на шару пролет. Что подделаешь? Такая уж судьба у звезд.

— У тебя же в Беларуси фанклуб, ты же сам говорил, что только в Минске сотня поклонниц в членах клуба состоит.

— Что ты, с поклонницами табу, нельзя, это чревато. Как-то одна фанка в Омске умыкнула зубную щетку, а потом сказала, что беременна. Пусть лучше со стороны меня любят.

...Дворжевский задумался, классные у него друзья. Гера Адамов, добрейший человек, безотказный, но со своей точкой зрения абсолютно на все. Познакомился Виктор с ним еще в детстве. Жил Гера на соседней Заводской улице и всегда возился с фотоаппаратом и фотографиями. В отличие от Виктора, хорошо учился, но всегда тянулся к тем, кто был сильнее. Так и попал однажды Гера в компанию хулиганов района, в которой заводилой был Витек. Чем-то еще тогда, в детстве, он понравился Виктору. Спокойный, до неприличия честный, всегда мог прийти на помощь, если нужно, прикрыть. Был похож он на льва из сказки «Волшебник Изумрудного города», которой Виктор в детстве зачитывался. Так и Герке какой-то волшебник подарил внешнюю мягкость и доброту, а внутрь — бесстрашное сердце льва. Увлекался Гера не только фотографией. Он собирал все, что можно было собирать: марки, монеты, составлял гербарии и прочее. Был он какой-то отдушиной в компании вечно дерущихся, спорящих уличных беспризорников.

Ни одна тусовка не обходилась без Геры. Он хотел быть похожим на своих авторитетных друганов, первым бросался в драку. Друзья всегда сгребали его в охапку и задвигали в глубь дерущейся шеренги. Зна-

ли, что он не умел драться. Но, не желая прослыть трусом, он всегда старался быть в первых рядах. Отличался большим чистоплотием. Покупал самую лучшую зубную пасту. Тогда только появилась новая «Аквафреш». Стоила по тем временам немыслимых для пацанов денег — один рубль.

Как-то компания всем составом направилась погулять в город, так они называли район за железной дорогой. Многоэтажные — в три, пять этажей — дома казались небоскребами по сравнению с их частными строениями. Любили пацаны выйти в парк имени Горького, покататься на аттракционах, на ходу запрыгивая на уже раскрученную карусель. Или запрыгнуть на колесо обозрения с ветки дерева. Это считалось геройством. Конечно, внизу их уже поджидали работники аттракциона, часто с сотрудником милиции. Но разве мог их остановить милиционер? Так же, на ходу, с карусели или колеса обозрения они прыгали и разбегались. Разное было, но вывихи, ссадины и порванная одежда только вдохновляла пацанов к дальнейшим набегам на аттракционы.

Как-то Гера купил на деньги, которые сэкономил на обедах, зубную пасту. Вся компания рассматривала загадочный заморский тюбик, пробуя на вкус и восторгаясь разноцветным изображением на нем. Витка вдруг сказал:

— А давай махнемся, ты мне зубную пасту, а я тебе новый велосипед?

— Так у тебя же нет велосипеда.

— Как это нет, вот, у магазина стоит.

— Так это же чужой.

— Был чужой, стал мой. Тебе велосипед нужен? — прямо спросил Витек.

- Ну, нужен, конечно.
- Будем меняться?
- Ладно, давай.
- Тогда вы все идите на пристань, а я сейчас приеду.

Компания бросилась подальше от магазина к пристани, с которой начиналась территория их района. Виктор вошел в магазин и, сообразив, что все заняты покупками и в ближайшую минуту навряд ли хватятся, быстро вспрыгнул на велосипед и дал, что называется, по газам.

Ветер шумел в ушах, проносились мимо машины, а Витька, дрожа от страха и куража, счастливый и гордый, летел на велике к пристани. Он гордо подъехал к корешам, слез с велосипеда и не менее гордо сказал: «Тебе — велосипед, а мне — зубная паста». Ватага пацанов окружила велосипед и с восхищением стала его рассматривать. Велик был почти новый. Все уселись, кто на раму, кто на багажник, и по очереди катались, с восторгом восхваляя поступок друга. Считалось, все, что попадало в «Болото», там бесследно и «тонуло».

Был еще один запомнившийся случай. Компания друзей совершала очередной набег на яблочные сады. Конечно, у всех в частном секторе были свои огороды и сады, но, как говорят, самые сладкие яблоки те, что растут у соседа. Между улицами Фанерной и Гвардейской находилось тогда неосушенное болото, с трясиными и топями. Подойдя с тыла, через болото, пацаны, оторвав парочку подгнивших досок, вторглись на территорию соседского сада, в котором произрастали вкуснейшие яблоки «белый налив». На земле их было мало, а значит, надо было сбивать с яблони. Витек с Ворой залезли на яблоню и начали изо всех

сил трясти ветки. Пацаны понимали, что в их распоряжении есть тридцать — сорок секунд. Видели они, что пожилой владелец сказочного сада находился дома. Гера с остальными товарищами, заправив рубашки в штаны и подвязавшись веревками, чтобы яблоки не высыпались, пытались забросить как можно больше трофеев за пазуху. В этот момент кто-то крикнул: «Шухер, пацаны». Это был знак к бегству.

Спрыгнув с дерева, вся банда бросилась врассыпную. И тут Виктор увидел, что за ними гонится пожилой хозяин с вилами. Попасть под раздачу так глупо ему не хотелось. Еще немного и — забор в прыжке взят. Но страх все гнал и гнал его через кусты и заросли. Он не разбирал, куда бежит, и вдруг со всего размаху влетел в топкую трясины. Болото издало хлюпающий чмок и потянуло его к себе. Трясина все глубже и глубже засасывала неосмотрительного героя. Виктор уже ощущал зеленую жижу на уровне носа, и, чем больше он пытался бороться за жизнь, тем меньше шансов у него оставалось. Из последних сил он схватился за маленькую, сантиметров тридцать, березку, которая росла на самой окраине трясины, но деревце, не выдержав, начало вырываться с корнем из мягкого торфа. В рот попала болотная, зловонная вода. Последнее, что увидел, — это рука друга Воры. Он схватил Витьку за волосы и изо всех сил потянул вверх. Виктор высвободил руку из грязи и подал ее другу, но дальше выбираться сил не было. А Вора был слишком мал для того, чтобы вытянуть его из болота. Витька кричал: «Вора, держи меня, не отпускай только». Вора заплакал, но изо всех сил держал друга. Слезы брызнули из глаз Витьки. Оба, хлюпая носами, заорали, что было сил, прося о помощи. Вора говорил: «Не от-

пушу, или вместе утонем, или я тебя вытяну». И когда уже рука начала съезжать от усталости и скользкой грязи, нарисовался Герка. Он ухватил Витька за волосы и вместе с Ворой вытянул его на твердую землю. Разве могли они тогда до конца осознать, что Витек был на волоске от гибели, и они подарили ему еще один шанс — жить? Обмывшись в болотной воде, гордые и счастливые, они рассказывали друг другу все тонкости налета на сад, преувеличивая и придумывая то, чего не было, с жадностью уплетали самые вкусные и дорогие яблоки в мире.

Сколько раз жизнь давала им шансы, сколько раз они, рискуя, помогали друг другу, поднимая споткнувшихся и оступившихся товарищей. В голове Виктора мелькали те детские события, в память о которых он написал столько песен.

Я помню детство наше, Герка,
Мы были дерзкие парнишки,
Включали мы с тобою дурку
И лазили в сады, воришки.
И, сдав папанины бутылки,
В кафе мы зависали метко,
За то, что промотали филки,
Папаня бил нас крепко сеткой.
Мы, хулиганы, блатовали
Район стоял весь на ушах
И три аккорда блатных знали,
Шалавам пели в шалашах.
И комсомольские бригады
Ловили нас в кустах, сучье,
Мы сочиняли им баллады,
Они их пели, дурачье.

Вот так они и формировались, жадными к жизни, дерзкими и злыми к врагам, открытыми и верными для друзей. Как странно, столько лет прошло, а все как будто вчера было.

Какие были времена...
Мы дрались только раз на раз,
Не наша, брат, с тобой вина,
Что голод гнал на подвиг нас.
Нас называли часто голью,
Мы, пацаны, за жизнь цеплялись,
Обиды отзывались болью,
Обидами мы закалялись.
Мы попадали под раздачу,
Ведь мы мальчишки-хулиганы,
Обидчикам давали сдачи,
Потом зализывали раны.
Мы начинали все с нуля,
Горели мы не раз вчистую,
Не купишь нас на буду, бля,
Мы жизнь с тобой прошли лихую.

После армии, женившись во второй раз и, наконец, испытав чувство настоящего семейного счастья, Гера Адамов перебрался в Минск. Открыл несколько ресторанов, подобрал под себя основную сеть фотосалонов «Кодак», в течение нескольких лет скупил недвижимость по всей стране. Нет практически такого города, где бы Гере не принадлежал бар, ресторан, Дом быта с оказанием услуг населению или фотолаборатория. Дворжевский всегда знал, что Гера далеко пойдет, высоко полетит.

...Концерт прошел, как и ожидал Дворжевский, с аншлагом. Долго не стихали аплодисменты. Еще какое-то время он раздавал автографы. Неоднократно звонил телефон, и в неотвеченных звонках числилось несколько знакомых номеров. «Торопятся выпиться, — подумал Дворжевский, — куда спешат, жизнь такая большая». Но мыслями он был уже с ними. Виктор прыгнул в новую, недавно купленную «BMW-735» и взял курс на Смоленск.

Дворжевский, разрывая «бумером» ночь, летел на встречу с друзьями. На спидометре стрелка перемещалась в плоскости 160—190. Гера с Ворой выехали еще днем, и он нагонял упущенное. Что для него каких-то триста пятьдесят километров? Проехал границу, свернул на шоссе Витебск—Брянск и вот уже через два часа въезжал в Смоленск. Прямо на въезде и находился ресторан «Семь сорок», учредителем которого был его друг Саня Зарянов.

Саня в жизни преуспел больше, чем остальные друзья. Кроме бизнеса в Смоленске, у него имелись фирмы в Минске и Москве.

...Познакомился Виктор с Саньком в 1986 году на соревнованиях по боям без правил в Смоленске. Мастер спорта по дзюдо, член сборной СССР среди юниоров, многократный призер Союза и победитель различных всесоюзных турниров, Саня пытался пробовать себя в новом виде единоборств. Подобные теневые турниры в те времена только начинали организовывать. Молодым бойцам коммерческие воротилы пере-

стройки сулили быстрое обогащение и признание во всем мире. Проходили бои подпольно, в подвалах или небольших спортивных залах, а то и на природе, ночью, при свете прожекторов и фар автомобилей. На таком турнире и встретились два бойца, жаждавшие славы и денег. Саня и Виктор были одногодками и даже в одном весе боролись, до семидесяти восьми килограммов. Но для боев подобного рода весовая категория была не важна. Часто соперником по бою могли поставить бойца на двадцать килограммов тяжелее.

Виктор только начинал заниматься рукопашным боем. Пробовал себя в каратэ-до и ушу, но его тянуло туда, где не всегда была важна исключительная техника, а ставка делалась на силу и умение драться на улице. Уличные бойцы использовали в своей практике небольшой, но перспективный набор приемов и ударов. Годами, оттачивая и шлифуя, доводили их до совершенства. А постоянная практика и опыт уличных драк, где не было мягких покрытий в виде борцовских ковров и татами, а приземляться приходилось на камни, асфальт и стекла, делала их практически неуязвимыми в подобных боях. Награда за выигранный бой — тысяча советских рублей, деньги баснословные в те времена.

Зарянов был техничнее в бою, но не мог ничего поделать с Виктором. Просто не хватало сил. Виктор обладал такой взрывной, дурной мощью, что мог разорвать любые клещи, не позволяя провести удушающий прием. Заметно выигрывал Виктор и в технике нанесения ударов руками и, что было важно, ногами, чувствовалась подвальная и уличная подготовка. Подсечки и удары действовали, как кувалды.

Саня, постоянно дравшийся в свободное от тренировок время на улицах у себя в городе с вечными врагами из криминального района «Кловка», сдаваться не просто не хотел, а по природе, по своему безумному духу не мог. Как и Виктора, его было проще убить, чем поставить на колени или заставить признать поражение. Разбитые лица, кровоточащие ноги не могли убедить соперников признать победу другой стороны.

Ставки делали на Зарянова, его спортивные достижения были известны, а это большие деньги на тотализаторе. Были и такие, кто поставил на Виктора. Терять деньги никому не хотелось. Дворжевского, за его мощную и мускулистую фигуру нарекли русским Рембо. Бой затягивался, а бойцы продолжали обмениваться ударами в корпус и голову друг друга. Два подготовленных спортсмена, два уличных бойца не могли доказать друг другу, кто сильнее. Заметив на секунду опущенные руки соперника и открытую голову, несколькими ударами Заря уложил Виктора на землю. Дворжевский на какое-то время потерял ориентацию, в голове шумело. Заплывшие кровью веки не позволяли нормально рассмотреть движения соперника. Во рту чувствовался металлический привкус, все признаки серьезной черепно-мозговой травмы были налицо.

Заря замер. Его всю жизнь учили честной и открытой борьбе, и стать мясником он не мог. Драка за деньги отличалась безжалостностью и цинизмом. По условиям договора, проигравшим считался тот, кто или потерял сознание, или по серьезным причинам не в состоянии был продолжать драться. Толпа была умолима. Десятки женских и мужских голосов в ди-

ком кураже и предчувствии выигрыша требовали добить Виктора. Саня стоял в нерешительности. Если перечить беснующейся толпе, то поединок может быть не признан, и тогда все надежды на деньги таяли, как дым, а страдания от полученных травм, которые не позволят в ближайший месяц ему выступать на соревнованиях и важных отборочных турнирах, будут напрасны.

Никто не мог противостоять Заре в уличных разборках. Даже взрослые, прошедшие армию и тюрьмы, бойцы были в страхе, если Саня решался подураться в районе. Но при всей своей дерзости Заря уважал соперника и по природе был великодушным и добрым. Внешняя напыщенность и раздутость были средством защиты от «природной слабости», которая досталась ему по наследству от матери. Как еще, не выдав себя, сохранить лицо и авторитет и при этом не проявить те внутренние, нравственные и духовные качества, которыми он был богат, но которые в обществе шпаны могли быть восприняты, как слабость.

Виктору хватило нескольких секунд, чтобы прийти в себя. Собрав всю волю и силы в кулак бойца, он выстрелил серией прямых ударов в лицо растерянного Сани. Один удар оказался настолько сильным, что нос соперника просто свернуло в сторону. Кровь ударила фонтаном. В долю секунды от переносицы до губы образовалась огромная, как мяч, гематома. Заря рухнул на землю. Теперь соперники поменялись местами. Дворжевский на какое-то время застыл в размышлении, добивать или пощадить. Толпа новых русских взревела еще с большей силой, разорвала в клочья вечернюю, притаившуюся от изумления и неожиданности тишину: «Добей его падлу!», — во-

пил толстый и лысый мужик, который за руку держал своего, такого же толстенького сыночка. Рядом целая компания подвыпивших девушек орала слова в защиту Зари: «Не трогай этого красавчика, мы его сами хотим поиметь за любые деньги». Поднявшись, через секунд тридцать, Заря в шоке попытался избавиться от непонятно откуда взявшегося шара на лице, который мешал ему видеть окружающих. С силой надавил на него, и из носа вырвался огромный фонтан крови. Толпа куражилась. К Виктору подбежали зрители, сделавшие на него ставку. Все это походило на сатанинские пляски в ведьмовскую ночь. Саня покачивался и старался не потерять сознание.

Огорченный организатор боев, Леха Бык, подошел к Заре и сказал: «Что ж ты, урод, так меня подвел? Ты знаешь, сколько мы потеряли на тебе денег? Пусть сам добирается до больницы, не хватало, чтобы кровью новую тачку залил», — показывая на новый ВАЗ-21093, добавил он охране и протянул Виктору пачку десятирублевых купюр, перемотанную банковской ленточкой.

— Держи, боец, сегодня ты победитель. Если пожелаешь, всегда буду рад выставлять тебя на поединки. Ты вырос в цене прилично.

Виктор взял деньги и бросился к истекающему кровью сопернику, приложил к его носу свою майку.

— Держись, Заря, — так его представил рефери, — сейчас я что-нибудь придумаю. Должны подъехать мои кореша.

На поляну выехала «копейка». Вора и Гера бросились к Виктору и попытались взять его под руки и посадить в машину.

— Да не мне в больницу, пацаны, а ему, — Виктор указал на своего соперника.

— Ты что, Витек, он же нам всю тачку кровью зальет.

— Вы что, не поняли? Он может умереть, быстро в машину.

Друзья схватили под руки теряющего сознание бойца, усадили его на заднее сиденье недавно приобретенной тачки. Ее неделю назад Вора выиграл в карты у шулера из Орши.

Машина на большой скорости понеслась в сторону Смоленска.

— Мало того, что на мой бой не приехали за меня поболеть и поддержать, так вы еще меня чуть не забыли, друзья называется.

— Витька, да не гони ты на нас, — виновато оправдывался Вора, мастерски перебирая одной рукой карты, другой — держась за руль.

— Виноваты мы, конечно, но нас менты тормознули. Не понравились им наши лица, а еще и доверенность я не успел сделать. Отвезли нас в отделение, хотели совсем машину арестовать до выяснения всех обстоятельств. Пришлось задержаться. Дали им двадцать пять рублей, так сразу, черти, и отпустили. И машина не числится в угоне, и мы сразу стали хорошими мальчиками. Предупредили, что сутки нас никто не тронет, а потом опять надо готовить четвертак.

— Совсем они тут, в Смоленске, зажрались. Где это видано, четвертной из-за какой-то бумажки, — огрызнулся, сплевывая кровавые сгустки в открытое окно, Дворжевский.

— Да ладно, Витек, меня мусора на три года упекли за решетку только за то, что самооборонялся, фактически, ни за что.

— Знаю я твое ни за что, — рассмеялся всей покосившейся гримасой Виктор. Смех Дворжевского больше напоминал страшный оскал зверя, нежели человека. Лицо превратилось в месиво. Губы разбиты, вместо глаз — две узенькие щелочки, синяки на скулах.

— Теперь мы знаем, что ты японец, а то маскировался под белоруса, — пошутил Герка. Все засмеялись.

— Да, классно ты нашего друга разрисовал, — бросив косой и недобрый взгляд на Зарю, сказал Вора.

— Так и он вроде со мной не любовью занимался, — простонал Саня в ответ.

— Сознание теряешь, а еще шутишь, — заметил Гера.

— Мне еще не так доставалось, переживу.

Машина подъехала к больнице, и Витек начал колотить в закрытые двери приемного отделения. На стук выбежала санитарка:

— Что шумите, умирает кто?

— Мамаша, если ты сейчас еще покудахчешь пару минут, пострадавший точно умрет, — возразил Вора.

— Вижу, умирать он не торопится, если так в двери стучит, — косо глядя на Витьку, заметила женщина.

— Не я умираю, а друг наш, — повысил голос Виктор.

На пороге, опираясь на Геру, стоял весь в крови Саня. Санитарка вскинула руки:

— Ой, Господи, убили мальчика, милицию скорей.

Вора, опешив от разворота событий, сказал испуганной санитарке:

— Мамаша, замолчите, ментов не надо, нас просто избили ваши местные смоленские хулиганы. Давай-те скорей дежурного врача.

На крики вышел заспанный врач:

— Что там у вас? — и, взглянув на Зарю, приказал: — Срочно в смотровую и позвоните в милицию, пусть пришлют кого-нибудь.

— Ну, ладно, мы пошли, — Вора быстро покинул помещение больницы. Виктор и Гера последовали за ним.

— Вы куда? — спросил врач. — Нужно будет показания дать милиции.

— Мы его таким нашли. Ничего не видели. Пусть сам расскажет милиции, что сочтет нужным.

Компания друзей, запрыгнув на ходу в машину, уезжала прочь, подальше от неприятностей.

— Вот, бля, весь салон в крови.

— Вора, ну не тебе рассказывать, что выбора у нас не было. Умер бы он точно от такой потери крови, а тем более по моей вине.

— Ладно, отмоем, только девушки сорвались, мы же им предоплату дали и номера сняли для будущего триумфатора. А наш герой не дружит с головой. На хрена те, Витя, этот спорт. Давай лучше воровать вместе будем.

— Нет, Вора, воровать, это не моя масть.

— Валишь нам надо отсюда, менты еще нас искать начнут, расколется твой кровный брат, а потом доказывай, что это по доброй воле ты его так измордовал. Да и тебе в больницу надо.

— Нет, пацаны, он мог запросто завалить меня, но не сделал этого, а я этим и воспользовался. Я ему должен. — Витек отсчитал пятьсот рублей, протянул их Герке. — Это отдайте ему. Он их заслужил. Будем считать, что ничья у нас.

— Я в первый раз такого придурка вижу, чтобы так по морде получить да еще отказать от честно заработанных лавешек. Нет, Витька, тебе серьезно, вид-

но, мозг повредили в этой драке. Жаль, что нас там не было, мы бы с Герой этого не допустили.

— Пацаны, поехали в ваш мотель. Завтра оклемаемся, вы слетаете в больницу, отдадите деньги, а я вас подожду в номере.

При въезде в мотель компанию парней ждала целая компания длинноногих красоток.

— Пацаны, — простонал ошарашенный таким конкурсом красоты Дворжевский, — если они не побрезгают потным и залитым кровью телом героя, я с вами.

Раздался оглушительный смех друзей:

— Вот это по-нашему, — смеялись пацаны.

— Глянь, Вора, — держась за живот, корчился Герка. — Ему бы в реанимацию, а штанина поднялась выше подголовника.

Вора сам лег от смеха:

— Брат, я знал, что ты великий мастер рукопашки, но что секс-мастер, да с такой жизненной силой, не думал.

Ночь по-юношески была бурной, а поутру Гера и Вора отправились в больницу проведать Зарю. Виктор ждал их до вечера. Начал волноваться. Позвонить было некуда. Когда начали сдавать нервы, друзья наконец-таки появились.

— Где вас носило, парни, что случилось? Я уже на измене сижу. Давайте, выкладывайте.

— А что выкладывать? — перехватил инициативу Герка. — Приехали мы, а ему уже операцию делают. Хорошо ты ему засадил, Витек. Какой-то важный сосуд был поврежден, еле кровь остановили. К нему только к вечеру пустили, да и то после ментов. А он, красавец, им целый час мозги сушил: «Шел, поскользнулся, упал, очнулся в больнице». Конечно,

они ему не поверили, но и настаивать не стали. В палату со следоком, знаешь, кто вошел? Догадайся. Твой наниматель, Леха Бык. Я этому бычаре прямо в коридоре хотел быка всадить, да только на улице стояла его тачка с подозрительными крепьшами. Передали мы деньги Заре, но он отказывался их брать. Сказал, что ты честно выиграл. К нему приехала мать, вот мы деньги ей и отдали. Обменялись адресами, на всякий случай. Врач сказал матушке, что если бы его привезли на полчаса позже, скорее всего, не выжил бы, много крови потерял.

— Ладно, пацаны, поехали домой, — бросил Витек, — а то меня мутит.

На выезде из мотеля, дорогу друзьям перегородила «девятка» черного цвета. Из нее вышли трое крепких парней и подошли к машине.

— У нас платят за пребывание в гостинице, — заявили они друзьям.

Друзья вывалились из своей старенькой «копейки» и приготовились к отражению наезда.

— А у нас платят за мутный базар и блудливые речи, — огрызнулся Вора.

— То у вас, а то у нас, — подметил рядом стоящий крепьш.

— А вы, чьи будете, парни? — с ухмылкой парировал Вора.

— Мы — бригада Вовы Могилы, слышали, аль нет?

— Не слышали, видно, из новых? А ты, случаем, сам не Могилой будешь?

— Какой ты догадливый, — съязвил крепьш.

Из машины вышел Витек.

— Парни, вы меня достали, давайте по-бырому сдернули отсюда, пока я не рассердился.

— Весь в побоях, а сердитый, — рассмеялся самый маленький и щуплый из троих начинающих рэкетиров и достал выкидуху-бабочку.

— Ладно, Витек, давай я отдам им все, что у меня есть, может, отстанут, — заявил Вора, и полез в багажник.

— Ну, так бы и сразу, малыши, а то че, да почему?

Из-за машины вышел Вора с обрезов двухстволки.

— Опаньки, чудики, я с вами хотел бы побазарить. Послушайте, засранцы, думаете я просто так по 201-й три года нары парил, насмотрелся я на таких крепышей, только теперь я решать буду, кому яйца отстрелить, с кем сигаретку подымить.

Было видно, как трое нападавших замешкались. Тот, что отозвался на Могилу, без страха заявил:

— Не только ты нары парил, я тоже свои шесть уже отбарабанил и тоже по этой статье. Вы бы представились сразу, кто такие, может, и базара не было бы. Мы своих не трогаем. Проститутки, с которыми мы кувыркались, нам шепнули, что лохи заезжие при деньгах ошиваются здесь, но лохи с обрезами не ездят, так, что неувязочка вышла, парни.

— Вот так бы и сказали сразу, а то с разбега, бери и плати, — обиженно, но зло заявил Виктор.

— А тебя, где так угораздило поскользнуться? — поинтересовался тот, что был поменьше, разглядывая Дворжевского.

— Как обычно, «шел, поскользнулся, гипс».

Все шестеро рассмеялись.

— А если по-серьезному? — спросил недоверчиво Могила.

— Если серьезно, то на тотализаторе дрался с вашим смоленским крепышом.

— Да ты что? — с неподдельным интересом отреагировал тот, что был поменьше. — Тогда держи краба, уважаю, — протягивая руку, добавил он. — Меня Витей Морозовым кличут, или запросто зови Морозом. А тебя-то как зовут?

— А я твой тезка, Виктор Дворжевский.

— Вот и познакомились, улыбнувшись вмешался в разговор третий из нападавших.

— А меня можно звать просто, Петя Хабот.

— А почему, Хабот? — удивился Вора.

— Да потому. Я цыган, но наполовину.

Уже совсем подобрев, тот, кто представился Витей Морозом, спросил у Дворжевского.

— А ты чем занимаешься? А то я лет шесть практику таэквондо. Тоже постоянно спарингуюсь.

— Я рукопашкой, но до этого и каратэ-до по школе шотокан, и кекусинкай, и киком немного, но рукопашка ближе всего адаптирована к боям без правил, на которых я баблосы рублю, это направление единоборств наиболее перспективно в уличных драках, — со знающим видом ответил Дворжевский.

Наконец из машины вышел третий из друзей с монтировкой в руках.

— Ну что, объяснились? А то я думаю, когда мой выход, — засеменял Гера.

Друзья покатались со смеха от решительного вида Геры.

— А это, что за боец такой у вас? — с ухмылкой спросил Хабот.

Дворжевский перестал смеяться и по-доброму представил:

— Это наша тяжелая артиллерия. Если бы вы нас начали валтузить, то неожиданное появление Геры с таким

серьезным вооружением наверняка вызвало бы панику в ваших боевых рядах. Знакомьтесь, это наш брат, Гера.

Опять раздался дружный смех. Новые друзья познакомились.

Окраина Смоленска походила больше на глубокую провинцию, нежели столицу большой российской губернии. «Бумер» со всего размаху влетел в глубокую выбоину. Дворжевский вслух выругался. Ругался он чаще сам на себя, чтобы снять стресс и напряжение. Если бы кто-нибудь услышал, какими выражениями и оборотами он материл себя в машине, подумал бы точно, что плохой человек этот Дворжевский. Улицы Смоленска и вправду были больше похожи на испытательный полигон.

Виктор позвонил Сане, и вся компания друзей вышла встречать запоздавшего гостя.

Друзья обняли друг друга за плечи и, как в детстве, став кольцом, совершили свой дворовый ритуал дружбы и верности.

— Твое любимое французское вино тебя заждалось, да и подкрепиться надо с дороги, — Вора на несколько секунд замешкался, поглядывая на игровые столы казино.

— Нет, Вора, — сказал Заря, — играть тебе у меня нельзя. Я знаю, что ты игрок и игрок отменный, по своим схемам играешь. В Москве, кажется, тебя ни в одно казино не впускают?

— Ну, ты гонишь, Саня, у меня серебряные и золотые карты почти всех казино столицы. Мне просто

играть не разрешают, я их всех опустил на большие деньги. Но я могу зайти, выпить любой напиток, калянчик курнуть, пингвинов посмотреть, например, в «Голден-палас». Но играть и вправду не дают.

На следующий день вся компания пробирались по проселочной дороге к живописному месту «Пржевальское». Все решили ехать на своих машинах. Друзья предпочитали активный отдых, с палатками у костра и песнями под гитару до утра. Прибыв на место, экспедиция романтиков стала лагерем в заранее выбранном уединенном месте. У Геры все было продумано основательно: большой запас воды, специальные костровые, уголь древесный, несколько вязанок дров. Даже свежемороженого угря и осетрину с собой взял. Друзья шутили:

— Гера, ты зачем дрова из Беларуси в Смоленск вез, здесь своих хватает?

Герка только ворчал:

— А если бы не было? А дождь если пойдет?

Виктор задумался. Да, годы идут, а мы не меняемся совсем. Какими были, такими и остались.

В армию Виктор попал вместе с Герой, в одну часть, даже в одной роте служили. Вместе написали заявление о желании исполнить интернациональный долг перед Родиной.

Ташкент. Учебка. Восемнадцатилетних пацанов готовили к переброске в Афганистан. Виктору, как подготовленному спортсмену, приходилось нелегко. А что говорить про Геру, который тяжелее фотоаппа-

рата никогда ничего не поднимал? За три месяца Гера сбросил пятнадцать килограммов, стал непривычно стройным и подтянутым.

Готовили их не только выживать, но и убивать. Дворжевский свободно стрелял из автомата Калашникова, укладывал не только мишени за четыреста пятьдесят метров, но и снайперские, ростовые за шестьсот, а то и восемьсот метров, при этом, стоя без упора.

Приземлились они уже под Кандагаром и во время обстрела. Минометная мина шлепнулась в ста пятидесяти метрах от их роты. На глазах у друзей скосило пять человек и десяток ранило. Вот таким «гостеприимством» встречала их чужая страна. Еще ближе тогда стали ребята друг другу. Война делает людей или братьями, или врагами. Много не хотелось вспоминать, а еще больше хотелось забыть. Но разве можно забыть, как Герка закрыл его своей спиной? Во время короткой передышки между атаками моджахедов Виктор укрылся за большим камнем, рядом с ним сидел Гера. Виктор пересохшими губами попросил:

— Брат, закончилась вода, дай глотнуть.

— Здесь немного, но губы смочить можно, — Гера протянул флагу другу.

В этот момент Виктор застыл от ужаса. На него через прицел винтовки смотрел заросший, бородатый душман. Доли секунды, и пуля, рассекая пространство и раздвигая рамки времени, летела навстречу со своей судьбой. Гера, не думая, рефлекторно, рванулся в сторону друга. Пуля вонзилась ему в спину. Виктору попала бы в сердце. Упав к ногам друга, Герка замер.

Виктор схватил автомат и в остервенении выпустил смерч огня в сторону того, кто только сейчас отобрал жизнь у его друга. Душман уже как минуту назад отпра-

вился к Аллаху, а Дворжевский стрелял, не останавливаясь, до тех пор, пока в рожке не закончились патроны. Он не мог поверить, что вот так, за два месяца до дембеля, его лучшего друга забрала старуха с косой.

На небе показались долгожданные вертушки. Пара минут, и все было кончено. Но эти сто двадцать секунд стали для Виктора вечностью.

Рассеялся дым. Санитары загружали убитых и раненых в вертолет. Виктор поднял своего друга на руки и понес к загружавшемуся телами вертолету.

— Это, скорее всего, двухсотый, — оценив взглядом, сказал молодой лейтенант.

— Не торопись, лейтенант, он, может, еще жив.

— Ладно, на базе разберутся, заноси сюда, если жив, то жить будет долго.

Следующей вертушкой забрали всех остальных.

Как только прилетели в полк, Виктор бросился к госпиталю. Подбежав к медсестре, он спросил:

— Сестренка, скажи, как мой друган?

— Как фамилия его?

— Адамов, Гера Адамов, — с надеждой в глазах почти шепотом ответил Виктор.

— Это из только что прибывших? Его уже прооперировали, тяжелый он пока, но жить будет.

— Он мне жизнь спас, понимаете?

— Сержант, тут каждый день кто-то кому-то спасает жизнь, как-никак война, а мы люди, — равнодушно ответила медсестра и закурила.

Геру отправили в Союз на лечение. Виктор через два месяца, без единой царапины, вернулся домой.

Быстро поставили палатки, благоустроили лагерь и занялись приготовлением ухи.

Саня, не употребляющий никакого алкоголя, кроме сухого красного вина, предложил:

— Витек, пока Гера суетится с обедом, давай-ка мы вмажем винчика.

Что значит вмажем, Виктор знал лучше всех. Если они с Зарей начинали пить вино, заканчивалось это часто винной нирваной.

— Заря-я-я, не рановато ли, дружище?

— Да нет, все нормально, мы понемногу, по чуть-чуть.

— Ну, ладно, наливай.

В компании непьющим был только Вора. Еще в юности он заметил, что после приема алкоголя, как будто полчища бесов в него вселялись, а он становился подозрительным и агрессивным. Мог бесконтрольно отмочить такой спектакль, что друзьям неделями нужно было разгребать после этого проблемы с органами. Сказал себе Вора нет, и ни разу не нарушил это правило, даже отмотав два ходняка в места, которые принято называть не столь отдаленными. Одиннадцать лет за колючкой — это, конечно, что-то да значит. Никто из друзей не курил, что было не совсем обычно для молодых людей, живущих в современном мире. Гера побаловался и бросил. Заря, как спортсмен, не курил никогда. Вора, пройдя такую школу, и не пытался подражать крутым старшим, а Виктор после того, как курнул «беломора» в восемь лет в интернате и получил страшнейшее отравление, больше даже не пытался. Алкоголь попробовал в двадцать восемь лет, но предпочитал, как и Саня, только сухие красные вина. Мог побаловаться и текилкой или вискариком, но это, скорее, исключение из правил, нежели правило.

Заря быстро распечатал полуторалитровую бутылку красного вина, разлил по пластиковым стаканам и произнес первый тост:

— Друзья, время идет себе, идет, только нас оно как-то обходит стороной. В душе мы такие же молодые, я бы сказал, юные, как и двадцать лет назад, когда мы здесь, на Смоленской земле, с вами встретились. Давайте за то, чтобы дружба наша, как хорошее вино, с каждым последующим годом только укреплялась.

С этих слов начался тот самый поход в пустоту, которую Виктор любил называть винная нирвана. Вино они употребляли французское, но как-то всегда по-русски. Виктор взял гитару.

— Пацаны, а у меня для вас новая песня, «Старые друзья». Песня о нас, о нашей жизни.

Взяв первый аккорд, Виктор запел:

Столько долгих лет мы друзья с тобой,
И сошлись давно жизни две в одной,
За плечами столько лет, и это не пустяк,
И их не изменить, не зачеркнуть никак.

Старые друзья, верные друзья,
Выпьем за тебя, выпьем за меня,
Нечего терять, с тобой нам нечего делить,
Мы жили так с тобою, как умели жить.

Мы делили все в жизни на двоих,
Каждый миг беды, каждый счастья миг,
И судьба, бывало, разлучала нас,
Ломала жизнь, но не смогла сломить не раз.

А часы на стенке тикают тик-так,
Жизнь ворую нашу, как бы просто так,
И пускай, мой друг, круг друзей не молод,
Согреет дружба нас в мороз и лютый холод.

Вора подошел к Виктору:

— Брат, ты всегда умел правильно определить свое отношение к жизни и дружбе. За такие слова даже я хочу выпить вашего вина.

— Не может быть, какая честь, Вора с нами решил выпить, — пошутил Заря.

— А я выпью покрепче чего-нибудь, — Гера достал бутылку коньяка.

К вечеру вся компания, за исключением Воры, была серьезно подшофе. Песни уже не пели, а орали на всю округу. Но когда инициатива переходила к Заре, затихали не только друзья, но и расположившиеся недалеко туристы.

Талантливые люди чаще всего талантливы во всем. От природы Бог наградил Санька не только исключительными спортивными данными и тягой к знаниям, но и потрясающим голосом, да таким, что современные оперные исполнители могли просто отдыхать, когда он начинал петь. Как-то его даже пригласили петь в оперном театре в Минске.

Был случай, когда на фуршете у посла Германии Заря вдруг запел. Все приглашенные на банкет перестали жевать и разговаривать и с восхищением слушали арию из оперы Верди. Под оглушительные аплодисменты народный самородок удалился подышать на балкон и потолковать о погоде с приглянувшейся ему красоткой. К Заре подошел изумленный друг посла,

солист Белорусского государственного оперного театра Збышек Полянски:

— Знаете, мне не сказали, что на банкет пригласили такого талантливого певца. А вы в каком театре поете?

— Я не пою в театре, я бизнесмен из Смоленска, а в Минске у меня торговая компания.

— Вы разыгрываете меня, молодой человек, не может быть, чтобы вы не учились.

— Нет, я учился, конечно. После армии приехал по приглашению главного тренера Республики Беларусь по борьбе, поступил в институт народного хозяйства, учился и выступал за вашу страну по дзюдо и самбо.

— Нет, вы меня дурачите. И что, больше не учились?

— Учился. Еще заочно здесь же в Минске окончил политех. Вы не думайте, что если спортсмен, то дуб-дубом.

— Я не об этом. Не могу поверить, что, обладая таким исключительным тенором, вы нигде не учились.

— Могу вас заверить, этому не учился. Я спортом занимался, а затем бизнесом.

— Да вы что? Невероятно. Давайте я вас порекомендую для прослушивания в нашем театре.

— Я вас умоляю, ну какой театр, у меня миллионная сделка рассыпается, а вы мне о театре.

— Молодой человек, вы даже не представляете, каким голосом обладаете.

— Простите меня, но я лучше петь буду в кругу семьи и друзей, это мое хобби, а деньги буду зарабатывать своим детям и внукам, это моя профессия.

— Как знаете, извините, — озадаченно пробормотал Збышек Полянски и отошел в сторону.

Недавно Зарянов признался Виктору, что уже два года берет уроки вокала у самого титулованного преподавателя на всем постсоветском пространстве.

Когда компания изрядно выпивших друзей уже разбредалась по палаткам, неожиданно на поляну вырулил джип. Из джипа вышел худощавый человек.

— Пацаны, мы тут по соседству отдыхаем. Сбежала собачка, такая маленькая, беленькая, с бантиком на голове. Не видели случайно?

Друзья хором рассмеялись:

— С бантиком не видели, если увидим, скажем.

Ночной гость не спешил уходить. Он внимательно всматривался в их лица, как бы что-то оценивая.

Вора не сводил взгляда с незваного гостя, затем попятился к своей машине, открыл багажник и что-то взял. Незванный гость заметил, улыбнулся и сказал:

— Извините, что нарушил вашу беседу, но если все-таки увидите, дайте знать, мы в санатории живем.

Гость сел в машину и уехал.

— «BMW-X5», — заметил Виктор.

— Хорошая машина, — добавил Гера.

— Не нравится мне этот человек, — сказал Вора, закрыл багажник своего автомобиля. — Мутный он какой-то, и, мне кажется, где-то я его уже видел.

— Да ладно, Вора, ты просто трезвый, и поэтому тебе кругом мерещатся враги, — отшутился Витек.

— Мне никогда ничего не мерещится, но вы идите спать, а я посижу тут у костра.

В машине находились трое.

— Жека, это они. Все четверо колбасятся под гитару на природе. Думаю, можно прямо сейчас их постелить.

— Матус, у тебя никто не спрашивает, не твякай. Ты заметил, что один был совершенно трезвый, и, мне кажется, он неспроста попятился назад к машине, наверно, за оружием.

— Я о нем все узнал. Очень авторитетный человек, погоняло у него Вора. Несмотря на то что живет то в Москве, то в Ростове, держит многих в руках. Много заезжих авторитетов хотели от него получать, так он их всех перебил. Кого словом, кого кулаком, а кого так и не нашли. Отсидел несколько ходок и все по-серьезному. В Ростове целую бригаду из Дегтярева уложил. Никого не убил, но почти всем достался свой кусок свинца. Кому в ногу, кому в задницу. Опасный человек, его на голое, бля буду, не купишь.

— Слушай, Пузырь, ты садись в тачку и дуй в свой Минск, а мы с Матусом справимся сами. Что скажешь, Матус?

— Справимся, конечно, мы же их всех просчитали за эти пару месяцев.

— Вот то-то и оно, просчитали, только они от этого менее опасными не стали.

— Давай, Пузырь, половину сейчас, а оставшуюся часть в Минске после дела отдашь, и езжай от греха подальше, это уже наша работа.

Вован бросил пачку долларов Жеке на колени.

— Ты только доказательства мне привези о проделанной работе, а то оставшиеся десять тысяч я не отдам без подтверждения смерти Дворжевского.

— Привезем, хочешь, ухо ему отрежем и привезем.

— Ухо, конечно, хорошо, но привези и фотографии. — Вован пересел за руль своего авто и скрылся в ночи.

— Знаешь, Матус, надоел он мне. Сделаем работу, и надо будет его завалить.

— Обычно исполнителей мочат, а не заказчиков, — ответил Матус.

— А мы повернем все в другую сторону и завалим заказчика. Не бзди, Матус, да и свидетелей меньше.

— Жека, ты когда мне пятерочку с дела отстегнешь?

— Отстегну, Матус, только давай делугу провернем, а потом медведя делить будем. — Жека был уверен, что никакой доли он Матусу не даст. «Зачем мне свидетели, — размышлял он, — грохнем Пузыря, а потом я завалю и Матуса. Много он уже знает».

Вован и не думал уезжать в Минск, сам хотел убедиться, что дело сделано. Чтобы замести следы, нанял из Питера человечка, с погремухой Артист. Уж очень его рекомендовали в определенных кругах. Бывший офицер ГРУ — спецназ. После Чечни ему конкретно снесло башню в полном смысле этого слова. После того как попал в плен к духам с пятью своими пацанами, все перевернулось у него в голове. Всем пятерым, еще живым солдатам, у него на глазах боевики-арабы отрезали головы, вспороли животы и набили их землей. Хотели так же поступить и с командиром, но увидели на шее странный крест с перевернутым Христом. Один из душманов спросил у него, почему его бог вверх ногами висит, на что Артист ответил, что молится тем богам, которые отвергают Христа, как спасителя мира. Непонятно, что понравилось арабу: то ли то, что этот русский — антихрист, то ли то, что смотрел ему в глаза без страха, но подумав, решил поступить с ним иначе.

— Ну что, русский, не можем мы тебя отпустить, ты ведь офицер, моих бойцов перестрелял много, и голову резать не могу, вдруг твой бог мстить нам будет. Давай так: завалишь моих трех лучших воинов в рукопашной схватке, тогда просто тебя пристрелю, заодно и проверим силу твоих богов, — рассмеявшись, на ломаном русском произнес наемник.

— По рукам, русский?

Офицер посмотрел презрительно на араба и ответил:

— По рукам, но тогда души твоих бойцов будут принадлежать мне.

— А как же твои боги, русский?

— У меня нет богов, я сам бог.

— Ты еще скажи, что ты сам сатана, — рассмеялся еще сильнее араб.

Вся толпа боевиков разом покатила от смеха. К арабу подошел высокий, под два метра, чеченец.

— Али, — обратился он к арабу, — дай я замочу этого барана, который внушил себе, что он бог, чем унизил Аллаха в моих глазах. Эти еретики еще похуже собак православных будут.

Араб посмотрел на боевика и с недоверием ответил:

— Мусса, ты чеченец и, в отличие от нас, воюешь не только за Аллаха, но и за свою страну. Держи нож, — обратился он к молодому воину.

Нож был больше похож на большой японский тесак, нежели на обычное холодное оружие.

— Спасибо, Али, я его сейчас освежую.

Мусса был не просто большого роста, он был широк в плечах, мощные руки заканчивались кулаками-кувалдами.

— Вы, двое, — обратился Али к сильным и таким же рослым боевикам, стоявшим и наблюдающим за всем со стороны. — Если Мусса не справится, закончите дело.

— Али, брат, неужели ты мне не доверяешь? — обиженно возразил Мусса. Я этого вонючего пса порву один за тридцать секунд.

— Мусса, не горячись, я же дал слово этой свинье: завалит трех бойцов, и я его просто пристрелю. Вы элитные воины, и я ни в тебе, ни в этих двоих не сомневаюсь, но, позволь, мы все честно обставим.

Наблюдающий за всем происходящим русский офицер, ухмыльнувшись произнес:

— О какой чести идет речь, я без оружия, а твои мясники в полной экипировке.

— Но ты же спецназ ГРУ, вот и докажи, что ты лучший, и не забывай, ты же бог, а боги бессмертны, а значит, зачем тебе, русский, оружие, — еще более насмешливо добавил Али и, поднеся дорогие золотые часы к лицу, произнес:

— Мусса, ты говорил, что тридцать секунд тебе хватит разобраться с этим безбожником, время пошло.

Мусса, подняв тесак к голове, бросился на Артиста, с размаха пытаясь разрубить ему голову и закончить поединок раньше тридцати секунд. Русский сделал ловкий шаг в сторону. Захватив сбоку опускающуюся уже было к цели руку Муссы, провел редкий и коварный прием, в результате чего Мусса поднялся как перо в воздух. Русский перехватил тесак своей рукой, еще в воздухе нанес смертельный удар лезвием по шее. Тело Муссы с отрубленной и висящей на одной коже головой упало к ногам русского. В следующую секунду с

быстрым, как у киношного американского героя, взмахом, рука русского отправила тесак в лоб растерянного увиденным боевика, которого Али вызвал помогать Муссе. Он пошатнулся, и до того, как успел упасть, кулак офицера, сломав кадык третьего боевика и нанеся серьезную травму, не совмещенную с жизнью, возвратился в исходное положение.

Около сорока автоматов, собравшихся вокруг «честного» поединка, смотрело со злобой и ненавистью в сторону небольшого, 1.76 роста, шупленького загадочного русского спецназовца.

Ошарашенный Али произнес:

— Что это было?

Его бойцы с вытаращенными глазами тупо смотрели на цель, не смея ничего произнести.

— Учитесь, воины Аллаха, как надо воевать. Если бы у меня было пятьсот таких вот солдат, война давно бы закончилась.

— Послушай, русский, и много у вас таких, как ты? — с многозначительным нескрываемым удивлением спросил Али у офицера-спецназовца.

Русский, подняв голову и презрительно сплюнув в сторону окруживших его душманов, сказал:

— У нас-то?

— У вас, у вас? — с раздражением произнес Али.

— Как грязи, и я далеко не лучший.

— Так почему же вы тогда не закончите эту войну? — с вернувшейся на лице усмешкой спросил Али.

— Глупый ты, Али, хотя и араб. Разве не понятно: это лучшая военная кампания по отмыванию денег за последние десятилетия. Грязные политики и генералы не желают, чтобы эта война так быстро заканчивалась.

— Так зачем ты служишь этим продажным генералам, солдат?

— Я служу себе, а не генералам, наемник.

— Так служи нам, русский, и я тебя сделаю сказочно богатым. Такие люди нам ой как нужны.

— Нет, Али, мне не нужны деньги, мне нужны души, — дико рассмеявшись, сказал офицер.

— Жаль, русский, мы могли бы столько денег заработать вместе, — вздохнув, произнес Али, и, направив пистолет на русского, выстрелил ему в голову.

— Вот так, воины, нужно воевать и умирать, — показывая на безжизненное тело русского офицера, торжественно, для пропаганды, добавил Али. — Вложите ему в руку этот тесак, он слишком хорошо им владел, пусть и в царстве мертвых им так же хорошо орудует. Там он ему понадобится еще больше, чем в этом мире.

Убивал Артист как в кино роль играл. Нравилось ему танцевать или читать стихи, усадив тело убитого жмурика в кресло. Доставляло ему невыносимое удовольствие, когда смерть смотрела глазами людей, которых он убивал. Больших денег за работу не брал, но делал ее мастерски. Владея в совершенстве всеми видами стрелкового и холодного оружия, он наводил ужас даже на солидных заказчиков. Боялись его, но, не желая платить за заказ дороже, все же к нему обращались.

Была у Артиста еще одна слабость — женщины. Все, что он зарабатывал, тратил на них. Однажды он получил заказ на устранение дамочки, известной в криминальных кругах, как Люся Цветомузыка, за схожесть с известным видеомодельером Люсей Лущик и за большую любовь к косметике. На самом деле увлека-

лась Люся совсем иным ремеслом. Она имела компаньонов по риэлторскому черному бизнесу. Получая информацию из достоверных источников, Люся & К°, умело помогали престарелым и душевнобольным жителям Петербурга тихо и без мучений покинуть этот жестокий и несправедливый мир. Естественно, квартиры, часто элитные, доставались Люсе. Как и все, даже преуспевающие на этом рынке услуг криминальные воротилы и душегубы, Люся расслабилась. Или ей дали не совсем достоверную информацию, или Люся стала чудить, приборзев от невероятной прухи, но отправили они на небеса экспрессом одинокую женщину, мать досиживающего свой срок за крупное мошенничество скупщика антиквариата Бени Алмазова. Когда Бенья оказался на свободе, то быстро понял, кто помог его любимой маме отправиться на небеса и завладел квартирой на Невском проспекте. Попытка предъявить, закончилась неудачно. Люся просто приставила к его детородному месту вольну и предупредила, что следующая просьба о компенсации закончится совсем плохо. Зная криминальную репутацию Люси, Бенья не рискнул подъезжать к ней спереди, а просто заплатил новомодному киллеру за ее устранение.

Артист принял заказ на Люсю, но, будучи большим поклонником женской красоты и музыкального канала, он предложил ей сотрудничество. Люся, не долго думая, предложение приняла. Ей льстило, что теперь она партнер самого легендарного киллера России и сможет многому у него научиться. Она знала, что убийный отдел уже обратил внимание на странный уход из жизни престарелых людей и шел по ее следу. Они, как две половинки, как Бонни и Клайд,

встретились, чтобы жить и умереть в лучах славы, чтобы о них писали книги и снимали кинофильмы. Но перед тем как принять предложение, она поставила условие, что первая их совместная операция будет по устранению несчастного еврея Бени Алмазова.

Артист позвонил Бене и предложил встретиться. Каково было удивление Бени, когда на пороге своей квартирki он увидел вместе с нанятым киллером ту, которую ему же и заказал.

Одним ударом в голову Артист лишил Бени сознания. Когда несчастный открыл глаза, то понял, что не Люся, а он будет следующей жертвой Артиста. Скотч, которым был залеплен рот, не позволял предложить выкуп за свою жизнь. Сколько антиквариата, редких икон, дорогих колец и редких бриллиантов мог обменять он на свою жизнь, но все было впустую. Артисту не нужны бриллианты и золото, он вообще мало интересовался деньгами. Он пообещал Люсе показать настоящий спектакль. Достав ТТ с глушителем, он выстрелил несчастному прямо в лоб. Дух оставил тело мгновенно. Артист подошел к убитому, достал свое ноу-хау, специальное приспособление, сделанное из серебра кольцо с острыми шипами и подвешенными к нему маленькими хрустальными слезинками. Ловко раздвинул веки глаз, вставил свои театральные аксессуары, с гордостью посмотрел на Люсю. Она хотела взорваться в экстазе восторга от увиденного, но Артист поднес палец к губам и тихо прошептал: «Молчи, не время». Острые иглы кольца проткнули веки. Маленькие капли жизни, кровь, просочившаяся на хрусталики, делала картину нереальной и театральной. Широко раскрытые глаза жертвы смотрели с удивлением и безумием на злодеев. «Вот мой Иисус», — ска-

зал палач. Достал белый лист бумаги и начал свой диалог: «Смерть, ты смотришь на меня глазами этого ничтожного человечки. Ты видишь того, кто сильнее тебя, кто смеется тебе в лицо. Я забрал у Бога и у тебя того, чей день еще не пришел, чей час не пробил. Или ты думаешь, что ты всесильна? Я тот, кто пренебрегает тобою, тот, кто бросил тебе вызов и выиграл еще одно пари и еще одну душу. Я буду это делать снова и снова, пока ты не признаешь во мне великого мастера своего театра».

Затем Артист начал свой танец смерти. Он закрыл глаза, как балерун, стал плавно перебирать ногами и дирижировать каким-то невидимым и слышимым только им потусторонним оркестром. Когда закончил свой ритуал, торжественно повернулся к Люсе и поклонился. Люся стояла в замешательстве. Страх пронизывал ее тело, но она в этом безумном человеке почувствовала избранность. Она всегда увлекалась парapsихологией и демонологией. Много раз после того, как прочитала «Мастера и Маргариту» Булгакова, в мечтах представляла свою встречу с Воландом на его великом сатанинском балу, полеты на метле, и вдруг здесь, рядом, сам Воланд в образе великого актера театра жизни и смерти стоит перед ней. Никогда она не испытывала такого чувства страсти к мужчине, даже не к мужчине, к самому дьяволу. Люся всем своим телом испытала оргазм. Низ живота свело судорогой, ягодичи сжались как камень. Мышечная пульсация была заметна даже через платье. С огромным трудом она сдержала приступ эйфории. Дикий смех готов был вырваться из ее уст. Она подошла к Артисту и впилась в его губу, как бы желая вдохнуть в себя хотя бы немного той энергии, которой завладел посланник ада, не-

много души великого комбинатора Бени Алмазова. Сладкая парочка слилась вместе. Такого секса никогда в жизни еще не было у них до этого. Конвульсии экстаза пронизывали их тела, как удар молнии, страшный звериный рык вырывался из уст Люси и Артиста.

— Мой господин, — стонала Люся, продолжая все глубже и глубже впиваться в уже и без того кровотокающие губы Артиста, — мой гений темного мира, я готова быть твоей рабой только за одно мгновение из твоего представления. Я готова свою душу прямо сейчас отдать тебе, получив всего глоток твоей души и душ тех, кого ты призвал к себе, освободив от гниющих и разрушающихся телесных оболочек.

— Не спеши, моя королева, твое время придет, и я заберу тебя в свое загробное царствие навечно, но для начала мы должны собрать армию солдат, их души нам дадут столько энергии, чтобы проломить врата ада, где эта недостойная тварь с косою обосновалась и властвует тысячи лет. — Артист и Люся еще долго вдыхали себя, наслаждаясь неземными, сатанинскими чувствами кошмарного оргазма.

Жмурик Бенья Алмазов сидел, прижавшись к стене, и с раскрытыми глазами, в которых было не то удивление, смешанное с ужасом, не то восхищение и замешательство, вглядывался в происходящее. Сама Смерть смотрела через его открытые глаза на то, что происходило на Фонтанке, 66, в квартире 13.

Наутро, к часам десяти, вся компания друзей начала подтягиваться к костру.

— Вора, ты что, не спал, дружище? — потягиваясь, спросил Виктор у друга.

— Да нет, не спалось, мне. Чуйка мне говорит, что-то не так.

Чуйка и в самом деле его редко подводила. Школу он прошел серьезную, да и присутствие фарта в азартных играх он объяснял всегда тем, что каким-то образом знает карты всех игроков. Серега первый раз отправился чалиться в шестнадцать, по тогдашней 201-й, части 3-й. Засунул стамеску в живот одному крутышу, да так ловко, что тот еле выжил, так Воровченко Сереге трояк отстегнули.

Освободившись в начале перестройки, Вора оброс связями, стал авторитетом. Проворачивал серьезные и дерзкие дела. Появились деньги, появились покровители, а с ними к нему пришли серьезные бойцы. По своему мятежному и бесстрашному духу он больше походил на бандита, а по тонкости ума и продуманности в поступках и делах — на теневого воротилу. Если надо было протащить пару фур со спиртом, цветным металлом или прочей контрабандой через границу, — это к Воре, состав шрота, не растаможивая, доставить к месту, — опять к Воровченко. Десяток автомобилей представительского класса из Германии перебить и легализовать для российских генералов или депутатов за четверть цены, — это красиво и по-честному организует Вора. Репутация у него была самая что ни на есть серьезная. Вся таможня Воре платила, а начальнику за счастье было в баньке с ним похлестаться да контрабандной водочки попить за его здоровье.

Завистникам, естественно, не по душе были успехи Воровченко, который мог пообедать слетать в Москву или Прагу, а к вечеру ужинать и играть в казино в городе Сочи.

Конкуренты знали, что Вора всегда с плетью ходит, вот и шепнули прикормленным ментам об этом. Во время задержания он отправил в глубокий нокаут двух оперов, а сам — бежать. Мент очухался и стрелнул в спину Вору. Вору опять повязали и этапировали в лечебно-исправительное учреждение на три годика чефириком лечиться.

Три года быстро пролетели. Вернулся и увидел — все, что он с таким трудом под себя подтянул, растащили. За пару недель военных действий, стрелок и переговоров он вернул все. Вычислил и «доброжелателей», которые его в «санаторий» упаковали, и попросил по-доброму компенсировать неудачное лечение и ошибки «врачей из МВД». Те, конечно, в отказ, типа не мы это и денег нет, а сами на стрелку пятнадцать человек послали с приказом завалить наглеца. Понял Вора, что не разговаривать с ним собрались, а закопать на опушке леса, где по этому случаю уже и могилку вырыли неглубокую. Достал из багажника пулемет и положил десяток подзажравшихся засранцев, которые забыли, кто настоящий авторитет на его территории; на больничный режим ушли все. Дятлы, конечно, настучали мусорам, а те объявили Воровченко Сергея Петровича в розыск.

Вора ударился в бега в Ростов да застрял там на пять лет. Смотрел за Сочи и за Ростовом присматривал, имея свою неплохую команду. За дерзость и бесстрашие его боялись даже очень серьезные братья, боялись и уважали.

Вора по своей сути был исключительно талантливый разводящий. Умело и запросто он мог разгрести любой базар. Даже те, кто был на девяносто девять и девять десятых процентов прав, предпочитали отдать

деньги, чем опровергать на рамках толкования высшей воровской математики уголовного мира в трактовке Воровченко. Одна десятая, говорил он, это уже не прав.

Вора никогда не беспредельничал, всегда поступал по понятиям его личного кодекса чести. Был однажды случай, когда он узнал, что один из парней переспал с женой случайного знакомого, который отбывал очередной срок. Вора избил его при братве так, что тот навсегда потерял вес и авторитет в глазах братьев.

Все, что выходило за рамки приличия, для него было темой для разбирательств. Много было недовольных, но против Вору на серьезном рамсе не попрешь.

Виктор открыто восхищался поступками своего друга. Кто еще мог так поступить, как он?

В Ростове изнасиловали и зверски убили девушку шестнадцати лет. Милиции надо было срочно раскрыть преступление. Попал под раздачу и Вора, только начальнику милиции, который уважал его за поступки, он сказал просто: «Я его сам буду искать, но если найду, то живым вам не отдам». Так и случилось. Бойцы Воровченко нашли этого изверга и на заброшенный завод отвезли. «Чистосердечное» Вора сам принимал. После отрезали ему половой орган, пережали обрубок веревкой, чтобы раньше времени не помер. Отрезанную часть засунули ему в рот и ночью бросили у отделения милиции. Только те, кто ходит под чертом, часто живучи бывают. Выжил насильник, но в лагере через полгода повесился сам.

Не мог Вора долго вдаль от родины жить. Договорился с ментами закрыть его дело. Те деньги большие взяли, сказали, что дело сожгли, но только он приехал

в Беларусь, на него сразу браслеты одели, и отправился он на восемь лет смотреть за лагерем.

Вся компания была в сборе. Гера пыхтел над ухой, а Виктор по традиции жарил шашлык.

— Что, парни, сейчас пообедаем и в Смоленск. Вечером — у меня в «Семь сорок» по случаю вашего пребывания на гостеприимной Смоленской земле будет показ мод. Сбегутся все красавицы города на вас посмотреть да попытать счастья. Вдруг Витьку женим или Вору. Лучшие девушки у нас в Смоленске, — засмеялся Заря.

— Но самые экологически чистые и нравственные у нас в Беларуси, — возразил Витек.

— Не спорьте, друзья, — вмешался Герка, — Смоленск был частью Польско-Литовского княжества, в которое входила Беларусь более трехсот лет, поэтому и девушки здесь экологические и чистые, как у нас.

— Если так, то сегодня я женюсь, хлопцы, а то засиделся в холостяках. Так по сыну скучаю, второй день без него, а уже скучаю. Надо мне еще одного ребенка, — промурлыкал ожидающий интимных приключений Вора.

— Ну вот, — засмеялся Саня, — сегодня будет тебе ребенок. Вечером секс, а утром уже ребенок. А как ты думал, у нас девчонки спелые и быстрые.

Вся компания дружно засмеялась. Рядом со стоянкой прошли цыгане с гитарой, баяном и скрипкой. Дворжевский заметил красивую стройную девушку в ярком длинном платье. Она держала за руку мальчика лет восьми. Виктор обратил внимание на то, что

мальчуган был совсем не похож на свою мать. Из состояния оцепенения его вывел голос Вору:

— Не можешь забыть свою цыганку Алису? Лет девять прошло, а ты ее все вспоминаешь. А почему цыганку так странно зовут, Алиса?

— Она наполовину цыганка. Мать ее русская, а отец цыган. Местный барон взял себе в жены красивую русскую женщину, только та так и не смогла принять их порядки и законы. Помаялась и ушла к своей матери, но дочь свою барон ей не отдал. Разрешал приходить, гулять с ребенком, но совсем забрать не позволял. Правда, он дал ей обещание воспитывать Алису не только в цыганских традициях, но и в славянских. Она окончила школу на отлично, что редко у цыган бывает, и, что совсем невероятно, поступила в институт.

— Витька, ты толком мне никогда не рассказывал, что у вас произошло.

Дворжевский с тоской посмотрел вдаль.

— У меня концерт был здесь. Представляешь, только развелся со своей первой женой, Татьяной, а через две недели концерты в Смоленске и маленьком городишке Ярцево, что недалеко от самого Смоленска. Я тогда такой разбитый и подавленный был. Приехал с гастролей, а мне мои дети, которым тогда было шесть и семь лет, говорят, что мама с дядей три дня на природе в палатке вместе были и целовались. Представляешь, шкура, при детях в мое отсутствие с любовником кувыркалась. Собрал я все ее вещи и к теще принес. Говорю: «Нина Владимировна, не хотите, чтобы ваша дочь в землю легла, а меня посадили, чтобы ваши внуки сиротами остались, тогда, от греха подальше, заберите эту блядину к себе. Обе-

шаю, через два месяца куплю ей и детям хорошую квартиру».

Теща у меня умная была, всегда на моей стороне стояла. Бывало, так Татьяну при мне дубасила, что я с силой отбивал ее, а она мне все говорила: «Какой ты мужик, Виктор, она ногти себе шлифует, а ты есть готовишь да полы моешь, испортишь ты ее своей любовью окончательно». Так и произошло, я на концерт, а она в загул. Только я никогда ее не любил. По молодости и залету после армии женился, а потом, когда родился сын Виктор, а через год дочь Алина, было уже поздно что-то менять. Вот так и мучился семь лет.

После концерта в Ярцево ко мне подошла девушка, красивая такая, не то цыганка, не то метиска. Волосы черные, жгучие, а глаза зеленые, как нефрит. Не просто красивая, а с ума сойти какая. Автограф попросила, а потом уговорила встретиться с ней завтра. Знаешь, что-то на меня нашло, от нее даже молоком пахло, такая чистенькая, непорочная. Я после развода две недели Богу молился, чтобы тот мне, грязному и искушенному с женщинами, послал ангела, который меня из этой грязи вытянул бы. А тут она, сам ангел, ко мне пришла. На следующий день мы встретились. Гуляли по осеннему парку, тогда такая сумасшедшая осень стояла на дворе. Представляешь, она достала фантик от жвачки «турбо» с изображением турецкого артиста, а на нем вылитый я.

— Я всегда говорил, что в тебе белорусского, как во мне эфиопского. Если ты не турок, то на татарина смахиваешь серьезно, — подметил Вора. — И что дальше?

— Меня так поразил этот помятый кусочек цветной бумаги. А она, не давая мне опомниться, и заяв-

ляет: «Я для тебя росла, тебя эти годы ждала. Мне цыганка в таборе нагадала, что мужа моего будут звать Виктором». Вот так, Вора, тогда я и попал. Влюбился, как мальчишка, как пацан зеленый, все во мне перевернулось. Хотелось жить, любить, песни петь, стихи писать. Я песен тридцать в тот период написал, а сколько стихов ей посвятил, не счесть. Она только окончила школу и поступила в Смоленский институт заочно. Я стал часто в Смоленск наведываться, по делу и без дела. Заря уже здесь свой бизнес поднимал, скучать не приходилось. Она мне девочкой досталась, чистой и непорочной.

Виктор задумался, переместившись в своих воспоминаниях куда-то в далекое прошлое.

— Что дальше-то было? — не отставал заинтригованный красивой историей Воровченко.

— Дальше? А дальше узнал барон, отец ее, что она с русским встречается, и не только встречается, но еще с ним и спит. Разозлился и ко мне своих цыганят подослал. Поговорить. Поговорили. Мы с Саней их аккуратненько постелили, только один из них мне бок слегка пропорол ножичком, а я ему нос свернул набок да сотрясение небольшое соорудил. Что только барон не делал? И деньги предлагал, и страшной расправой грозил, но я не отступал. Когда мы поняли, что от нас не отстанут, повенчались втайне в Смоленском соборе. Уговорили батюшку. Без свидетельства о браке тогда не венчали.

Алиса должна была прийти ко мне в гостиницу, но не пришла. Прождал я ее три дня. И сам к барону пошел. Тот принял меня, но сказал, что Алиса не пара мне. Что если она будет со мной, погибнет. «Не хочу потерять свою любимую дочь, поэтому силой увез ее

в Сибирь, к брату своему». Как я только его не просил, но барон был непреклонен. Я долго ее искал, цыган спрашивал, денег давал. Только через какое-то время мне цыгане сказали, что моя Алиса вышла замуж за сына богатого друга барона. Вот с тех пор о ней ни слуху ни духу.

— Вора, только забыть я ее не могу по сей день. Мне часто снится, что ищет она меня. За восемь лет столько женщин было, но ни с одной не встречался больше недели. И себе душу трепал, и их обижал.

— Да, Витек, ну и историю ты мне рассказал, прямо мороз по коже. Я думал, что такое только в индийском кино бывает.

— Мне показалось, что с цыганами, которые только что прошли, она была.

— Так в чем дело? Давай сходим, посмотрим.

— Нет. А вдруг она и вправду замуж вышла, и это был ее сын. Боюсь я узнать об этом. Надо будет все выяснить. Я же знаю, где живет барон, вот и прослежу, может, и в самом деле это была моя Алиса. Как-никак, венчался с ней, а значит, жена она моя от Бога.

— Молодец, Витек. Я все разузнаю завтра и тебе доложу, дружище, — улыбнувшись, но как-то с грустью сказал Вора. Вдруг Вору осенила улыбка.

— Виктор, брат, а ты помнишь тех парней, с которыми мы в юности чуть не схватились около мотеля?

— Ну как не помнить, серьезные парни были, я с ними встречался пару раз, только жаль, почти все уже на небесах. Только один из них, Мороз, выжил.

— Да ты гонишь, Виктор, такие красавцы были. А что с ними случилось?

— Это, Вора, была одна из самых организованных и пацанских группировок Смоленщины. Порядочные пацаны. В них стреляли, на них охотились, а они, как будто заговоренные были. Глупо. Два лучших друга, два настоящих воровских генерала, которые своими ногами не одну зону исходили, короновать даже их хотели, а тут — банальная бытовуха. По пьяни, Вова Могила возьми да скажи Хаботу: «А давай, Петруха, я твою бабу отымею». Хаботу бы простить друга детства или просто на крайняк дать по тылке, а тот ночью приехал с москвичами, выволок друга своего, Вову, на улицу голого зимой, поиздевались над ним, да и пальнули очередь из калаша. Взыграла, видите ли, в нем цыганская кровь.

— А что Хабот, как жил после этого?

— Жил просто, на наркоте подсел да косячить стал, кассу воровскую сделал своей, приехали те же москвичи и застрелили его около дома.

— Виктор, а ты откуда знаешь эти истории? — удивился Вора.

— Я часто встречаюсь с третьим из этих дворовых генералов, Витей Морозовым. Тот с распадом группировки, после смерти Могила, по-тихому спустил пары да и прыгнул с паровоза. Завязал. Не скажу, что совсем, но с головой дружил он единственный. Даже когда Тигран в Смоленск к себе его звал, он нашел в себе здравый смысл красиво отказаться. И Тиграна уже давно нет и тех, кто его расстрелял — тоже. Кровь обладает магическим характером, и смыть ее просто так нельзя. Сегодня ты — по беспределу, завтра тебя колесо судьбы настигнет, все однажды бумерангом возвращается обратно. Это, брат мой Вора, наша карма, любое действие имеет противодействие.

— Нет, Витька, не может быть, неужели нельзя от крови этой избавиться? Я же тоже не ангел в этом смысле, — задумчиво протянул Вора.

— Я знаю только один способ, мой друг.

— Ну и расскажи, что за способ?

— Вора, вот я заметил, что, проезжая около церкви, ты всегда крестишься. А скажи, что ты вкладываешь в это действие?

— Знаешь, Виктор, я чувствую, что много за мной грехов накопилось, а как избавиться от них не знаю. Монастыри святые посещаю, вот и крещусь, за версту завидев храм Божий, но не оставляет меня чувство, что этого мало.

— Конечно, мало, Вора. Не знания дают освобождение от греха, а осознание его, и раскаяние. Но не то, за которым как в магазин приходят верующие каждую неделю в храм Божий, а то, которое самим Богом принимается. Человек чаще из корысти, из страха перед возможными последствиями после совершенного злодеяния или духовного проступка идет на покаяние. На покаяние душа должна проситься, сердце страдать должно без исповеди. Сознание — это фильтр, который зачастую не пропускает слова Божьего в душу, в святая святых, в божественную суть самого человека. Сознание, если оно загрязнено низкими мыслями и прочим человеческим хламом, не позволяет мыслям духовным доходить до сердца и души. Креститься нужно не из боязни Бога, а из любви к нему, и раскаиваться нужно ежедневно не только за негативные поступки, но и нечистые мысли.

— Да, брат, ну ты и завернул, — со вздохом произнес Вора. — Так я не понял, как прощения у Бога и людей получить, кроме как раскаянием?

— Молитвой, друг мой.

— И какие слова должны быть у этой молитвы?

— Я думаю те, что из сердца идут, а не из сознания. Степень образования в этом случае, никакого значения не имеет, здесь важен опыт и постоянное духовное самообразование.

Эскорт из четырех автомобилей уже выезжал из леса, когда дорогу им перегородил старенький грузовой газон. После последних проливных дождей было много луж, а единственный сухой путь был перекрыт. Если Гера и Заря могли свободно объехать, то Дворжевский на BMW и Вора на тяжелом и неуклюжем «мерине» точно застряли бы. В кабине грузовика никого не было.

— Вот, урод. Напился, застрял и бросил свой керогаз, — высказал свое предположение Виктор.

В этот момент Вора заметил, что сзади к ним приближается тот самый джип, X-5, который ночью заезжал к ним в поисках пропавшей собачки. В такие совпадения он не верил. Быстро открыл багажник и стал ждать приближения ночных гостей. Подъехав к образовавшейся пробке, джип остановился. Из него вышел мужчина лет тридцати девяти, с битой в руке. Второй открыл заднюю дверь и стал за ней, что-то держа в руках.

— Нарезали отсюда, — потребовал тот, что был с битой.

Виктор обернулся:

— Ты что, debil, не видишь, застрял грузовик. Если срочно надо, езжай через лужу, — и вдруг замер.

— Матус, ты что здесь забыл? — спросил озадаченно Виктор.

— А ты угадай с трех раз, дружок мой детский. В жизни, Витек, за все нужно платить. А ты думал, что я до скончания лет буду по стройкам горбатиться? Вот пристроился за хороший лавандос истреблять буржуев, типа тебя и твоих товарищей.

— И что, получается быть истребителем, Игорек? Ты крадуном был плохим. А что говорить о том, чтобы быть киллером? Ты, козленок, хоть знаешь, что такое убивать?

— Знаю, Витек, это моя уже четвертая ликвидация.

— Ну и как на душе?

— А нет у меня души, Виктор, как в Бога верить перестал, так и душа больше не понадобилась. Спокойно там сейчас, тихо.

— Игорь, но ты же всегда верил, что Боженька тебе помогает и не оставит в трудную минуту.

— Было время, верил, но Бог меня предал, сдав ментам, отобрав жильё, сделав почти нищим.

— Помнишь, я тебе говорил, поклонялся ты не Богу, а чертям, и черти тебя прокинули, — рассмеялся уже Виктор. — Так всегда происходит с теми, кто так «верит» в Бога.

Матус неожиданно потянулся рукой за торчащим из-за ремня штанов пистолетом.

Вдруг раздалась автоматная очередь.

— Сели в машину и быстро отсюда, даю пять секунд и стреляю на поражение, — прокричал Вора, вскинул автомат и прицелился в растерявшегося от неожиданности Матуса и стоящего за дверью ночного гостя.

Оба, оценив свое незавидное положение, мигом заскочили в авто, развернулись и скрылись в лесу.

— Что я вам говорил? Это все те же хлопцы с общества охраны животных и отлову заблудившихся со-

бак. Собачку потеряли, суки. Я понял сразу, какая собачка с бантиком у такой рожи может быть. В лучшем случае, бультерьер или крокодил на цепи в багажнике сидит.

— Вора, ты что, всегда с «калашом» разъезжаешь? — спросил испуганный Гера.

— Нет, только когда в лес поохотиться на бакланов выезжаю.

— Автомат, конечно, это плохо, но сейчас он нам помог, — поддержал Вору Витек.

— Странно, а чем мы им насолили, что они так на нас наехали, — продолжал размышлять Гера. — Может, подумали, что мы собачку заныкали, хотели пообщаться, а ты сразу из автомата по ним.

— Нет, парни, я заметил, что у того, кто спрятался за дверь, было оружие. Похоже на АКСУ, такое у ментов обычно бывает, укороченное. Если бы Вора не сработал на опережение, я думаю, нам пришлось бы не сладко, парни.

— Витек. Я помню ты долго дружил с этим Матусом, что у вас за дела? — спросил Вора.

— Брат, ты думаешь я знаю, что ему от меня или от вас понадобилось. Не понимаю, зачем было так открываться, хоть и прошло столько лет, но я его свободно узнал.

— А кто эту крысу не помнит?! — возразил Гера. — Только мы тебе говорили еще в юности, плохой человек этот Матус, а ты Виктор все: «Не может быть, не может быть».

— Понимаешь, Гера, когда меня забрала из детского дома моя типа мать и определила после нескольких моих дерзких побегов в интернат, там я и познакомился с Игорем. У него не завидная судьба была, и на

этих сиротских эмоциях мы и стали дружить. Кто бы мог подумать, что тот мой закадычный кореш из детства станет подонком, — с досадой произнес Дворжевский.

— Да не кубатурься ты, Витек, — взбросив брови воскликнул Вора. — Ты же знаешь, я тоже без отца рос, и Заря вот тоже с матерью только жил. Мы все покупаемся на сопливые рассказы о голодном и тяжелом детстве до поры до времени. Знаешь, скольким «сироткам» я помог и на свободе, и по лагерям, только почти все эти сиротинушки имели меня, а потом предавали. Ты романтик, Витек, поэтому столько лет держишься за детские сентиментальные воспоминания, а надо забыть детство и жить другой жизнью.

— Нет, Вора, детский дом мне забыть очень тяжело, мы там были, как братья. В интернате, конечно, посложнее, но тоже жили дружно. Когда меня из московского детского дома усыновили и привезли в Беларусь, а после, не найдя со мной общего языка, сдали в школу-интернат. Ладно, пацаны, вы правы, это все сопля, не спроста Матус так глупо засветился, наверное, был уверен, что мы уже не сможем ничего вспомнить, а значит, и отомстить. Думаю, что они еще вернутся, чтобы закончить работу.

— Ты прав, Витек, давайте, пока они не вернулись, попытаемся проскочить через эту грязь.

Джипы спокойно преодолели препятствие, а Дворжевский и Воровченко, разогнав дорогие, но тяжелые и неповоротливые машины, проскочили с трудом и до окон покрылись толстым слоем грязи.

Через тридцать минут друзья уже стояли на автомойке в центре города.

— Ну что, придурок? Нужно было из укрытия стрелять, а ты по-крутому, по-киношному решил подъехать к ним, — ругался Жека на Матуса.

— А где ты там видел укрытие? Голые кусты, в которых они бы сразу нас вычислили? Это место было единственное, которое можно было перекрыть той развалюхой. А почему сам не стрелял, они же у тебя, как на ладони, были?

— Хавальник закрой. Я что тебе сказал? Отвлеки их, растяни и в сторону, а ты мало того, что ничего не сделал, так еще со своей битой стал на линии огня. Как бы я через тебя по ним стрелял?

— Так ты, что, боялся в меня попасть? Спасибо, Жека, я не ожидал этого от тебя.

— Не ожидал и правильно. Только я бы и тебя завалил за этот косяк. Но пока ты падал, меня изрешетил бы, как лося, тот, кто дал очередь по нам, как там его, Вора. Я еще вчера понял, что он при оружии.

— А я думал, что мы с тобой друзья и компаньоны, одно дело делаем, а ты бы запросто меня завалил, — с огорчением прошептал Матус.

— Какие друзья? Нет у меня друзей и не было никогда. Сделаем работу и разбежимся, понял?

Жека про себя подумал, что зря он карты выложил Матусу, насторожится, наверное, будет ждать, когда я попытаюсь его ликвидировать.

— Ладно, Матус, что было, то было. Вечером доделаем дело, а то не видать нам второй половины лавандосов, как своих ушей, — смягчив тон, попытался отвести подозрение от себя Жека.

— Да-а-а, Матус, а почему ты мне не сказал, что знаешь лично мишень, ты че, падла, меня подставить

решил? Ты че, не догоняешь, что они теперь запросто тебя вычислят, а через тебя и меня?

Жека навел ствол автомата на Матуса.

Матус побледнел, испугавшись.

— Жека, я сам не знал, что цель — мой друг по интернату Дворжевский, — поддельно оправдывался Матус.

— Как это, падла, ты не знал, я же тебе фото показывал? Ты за лоха меня держишь? — с лицом, белым от приступа ярости, Жека смотрел на Матуса.

Зазвонил мобильник. С неохотой, морщась, неудачливый киллер произнес свое наглое:

— Але, Жека слушает.

— Теперь ты шлифони голос, орел, и отвечай, заказ выполнили?

— Нет, облажались мы, Пузырь, но вечером все будет в порядке. Не волнуйся и сиди спокойно.

— Если сегодня опять обломаетесь, то завтра эту работу будет делать другой, да и десять штук нужно будет вернуть этому другому, чтобы он и вас не зацепил случайно.

В трубке уже были слышны короткие гудки.

— Как заговорил наш толстячок, уже нанял кого-то за нами прибраться. Поживем — увидим, кто и сколько кому будет должен, — жестко проронил Жека и со злости ударил по торпедо машины и повернулся к Матусу, продолжая держать его под прицелом.

— Смотри, Игорь, если узнаю, что ты на это дело пошел для того, чтобы свести свои счета с Дворжевским, и тем подставить меня, убью. Понял?

Вечером, отмывшись и переодевшись, четверка неразлучных друзей подъехала к казино-ресторану

«Семь сорок». Вся компания была на подъеме, предчувствуя кураж и веселье.

Подбежал администратор:

— Девушки уже в сборе, сейчас подъедет Яна и можно подниматься наверх, в VIP-зал.

Яна — новая и большая любовь Санька. Он с ней уже полгода встречался.

— Сейчас подъедет одна красивая девушка — моя девушка, — добавил он. — Не приставать, руками не трогать, в губы не целовать, ясно?

— Ладно тебе, Заря, что твое, то твое.

К казино подъехало такси, из него вышла обворожительная особа лет двадцати трех. Красивая, белокурая девушка, мило улыбаясь, подошла к Сане и поцеловала его в щеку.

— Привет, Санечка.

Заря расплылся в улыбке, расправил плечи, важно надулся и стал представлять своих друзей. Вдруг Виктор увидел мальчугана. Он стоял на другой стороне улицы и подавал ему знаки.

— Ну, мальчишка как мальчишка, — подумал он. — Но странно, какая-то одежда на нем странная, как у меня в детском доме. — Мальчонка был, как две капли воды похож на Дворжевского. Он отметил для себя что так не бывает, и уже было собрался отвернуться, как вдруг фигура мальчонки растворилась, а на Дворжевского смотрел духовник, убиенный отец Борис. В такие совпадения Виктор не верил и перевел свой взгляд в сторону, указанную священником. На большой скорости мимо них проезжал черный джип, тот самый «BMW X-5». Из опущенного бокового стекла торчало дуло автомата, наведенное в сторону ничего не подозревающих друзей. Для человека, про-

шедшего Афган и Северный Кавказ, понадобились доли секунды, чтобы отреагировать на ситуацию и принять единственно правильное решение. Он бросился к друзьям, которые стояли в метре от него, пытаясь своим телом прикрыть их. Автомат огрызнулся короткой очередью, затем на несколько секунд замолчал, и машина на огромной скорости рванула в сторону выезда из города.

...На асфальте неподвижно лежал Дворжевский. Саня хлестал его по щекам. Гера пытался вызвать скорую. Все голоса слились в один сплошной гул, и Виктор провалился в темную бездну. Перед ним появился большой темный коридор, похожий на тот, что был в детском доме, где провел он свое детство. Сырость и запах тлена били ему в нос. «Жутко, — подумал он и очень холодно». Неожиданно в конце коридора вспыхнул солнечный свет. Какая-то сила подталкивала его вперед, как бы говоря: «Двигайся, там нет опасности». Протянув руку вперед, он шагнул в яркую пустоту. К своему удивлению, почувствовал под ногами твердую основу. Никого перед ним не было, но он четко осознавал, что незримо в этом нечто кто-то присутствует. «Ясно, я умер, и теперь меня, наверно, поведут на судилище». «Нет, еще не время», — ответил голос из пустоты. Даже не голос, он не звучал снаружи, он говорил в нем.

— Ты кто? — поинтересовался Дворжевский.

— Я твой ангел-хранитель, отец Борис, помнишь меня?

— Отец Борис? — переспросил Виктор. — Как же вас забыть. Я же благодаря вам выжил. Вы помогли,

когда мне было плохо, когда сходил с ума. Излечили дух, очистили душу, а тело само собой выздоровело.

События многолетней давности, как в кино, проходили перед глазами Дворжевского. Когда он узнал, что его любимая цыганка Алиса вышла замуж, Виктор потерял голову. Он не находил себе места, был совершенно раздавлен и, чтобы не сойти с ума, начал пить, хотя до этого даже не знал вкуса спиртного. Каждый вечер приводил к себе женщин. В пьяном бреду он каждую называл Алисой. Ласкал, гладил, обнимал, шептал нежные слова и читал стихи, которые продолжал писать для той, которую безумно любил и ждал. Немногие из тех, кто оставался на ночь, могли находиться с ним до утра. Им не нравилось, что их называют чужим именем. Да и сам Виктор не понимал, что происходит, почему рядом с ним незнакомая, голая баба, а не его Алиса. Он спрашивал: «Ты кто, что ты здесь делаешь? Убирайся отсюда, сейчас моя Алиса придет, и это ей не понравится». Кто со слезами на глазах уходил, а кто просто называл его больным и сумасшедшим. Долго так продолжаться не могло.

Спасение пришло неожиданно. очередной концерт проходил в подмосковном Можайске. Виктор зашел утром в храм на службу, пристроился в уголке и стал вслушиваться в слова священника. Шла воскресная литургия, и в храме Ильи Пророка было много прихожан. Кто-то пришел на службу, кто-то покреститься, а кто-то просто поглазеть. Хор женщин красиво и мелодично распевал псалмы: «Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй». На сердце стало тепло, как будто домой пришел. Запах

воска и мира растекался по всему телу. «Странно, почему я раньше не замечал этого, может, здесь дух особый?»

Виктор до этого редко посещал церковь. Как-то его пригласили стать крестным отцом девочки по имени Ангелина. Была она дочерью женщины, которую Виктор, как ему казалось, любил. Результатом их недолгих отношений стала беременность. Скрывала она свою беременность три месяца, а когда решилась сказать, было уже опасно делать аборт.

Набравшись силы, она сказала:

— Я беременна, но еще можно избавиться от ребенка, если ты скажешь. Ребенку нужен отец, и я хотела, чтобы им был ты.

— Настюша, ты же знаешь, я тебя не люблю, но позволить убить живого человека, который уже шевелится в тебе, я не могу. Не могу я быть и твоим мужем, но готов помогать нашему ребенку, всем, чем смогу.

Настя плакала, уговаривала, просила. Но разве мог жить Дворжевский даже с очень хорошей женщиной, матерью его будущего ребенка без любви? Любовь для него была той силой, которая заставляла дышать, расти духовно и нравственно, быть лучше и чище. Нет, без любви он просто заболел бы депрессией и обязательно запил, испортил бы жизнь и себе, и той, которая его любила. Этого позволить себе он не мог. Когда родилась дочь, Настя предложила стать ее крестным. Во время обряда крещения батюшка православного собора, как и полагалось по ритуалу, три раза подул на малышку. Дворжевский вдруг учуял запах перегара. Не духом святым поп-алкоголик освятил его дочь, а духом чревоугодия и алкогольных демонов. С тех пор он охладел к церкви. А друзьям

часто говорил: «Зачем мне для разговора с Богом посредник, к тому же страдающий всеми грехами человечества, которые он и отпускает. Я разговариваю с Богом посредством молитвы своей души и сердца, а мой учитель — моя совесть.

После окончания службы Дворжевский стал в очередь на исповедь. Ему предстояло первый раз в жизни исповедаться.

— Грешен? — задал вопрос отец Борис.

— Грешен, конечно.

— В чем каяться будешь, сын мой?

— Я даже и не знаю, батюшка, сразу все не расскажешь.

— А ты погуляй маленько и заходи ко мне, может, вместе и разберемся, что на душе твоей наболело, а наболело, я вижу, много.

«Дошел до ручки, — подумал Виктор, — даже батюшка, только раз взглянув, заметил».

Священник отпустил прихожан, поручил послушникам мелкие служебные хлопоты и уединился с Дворжевским в отдельной комнате.

— Рассказывай, а я послушаю.

Виктор не знал, с чего начинать, но слова сами стали легко складываться в предложения. Он говорил долго, всю жизнь наизнанку вывернул. Отец Борис слушал внимательно, то хмурился, то становился задумчивым и грустным. Три часа прошли, как один миг.

— Гармония нарушена в твоей душе, от этого и дух томится, — наконец сказал батюшка. — Велика твоя печаль, но помочь тебе сможет только Господь Бог. Не

будем спешить с исцелением души. Придет время, все станет на свои места, а пока возьми вот эту святую книгу и прочти на досуге. Приходи завтра, поговорим и молитву тебе я особую дам, сам не заметишь, как полегчает.

Странная была эта книга, от руки писанная, и говорилось в ней о том, что было близко и понятно Виктору. К утру, прочитав ее всю от корки до корки, Дворжевский понял, что автором этого писания был не кто иной, как сам отец Борис, только его пером сам Господь Бог водил.

Как-то само по себе пришло облегчение, а в долгих и частых разговорах с отцом Борисом, уже со своим духовником, Виктор открывал для себя совершенно иной мир. Священник никогда не давил на него, чувствовал, что время и беседы излечат душевные раны.

Так и началась дружба отца Бориса и Виктора. Каждый раз, когда приезжал в Можайск, Виктор направлялся в храм.

Однажды к храму подъехал крутой джип. Из него вывалился толстенный мужик с огромной, как на тихоокеанском корабле, цепью на шее. В дверях нагло посмотрел на Виктора и, хрюкая, произнес:

— Я первый к батюшке, у меня к нему важное дело, а ты пока погуляй, браток.

— У меня нет секретов от моего ученика, — отец Борис подошел к Виктору, обнял и три раза поцеловал. — С чем пришел? — обратился он к нетерпеливому «праведнику».

— Хочу вам на храм бабла подкинуть, ну, там, на ремонт и прочее.

— Деньги нам, конечно, нужны, — сказал батюшка, — только почему в такой поздний час? Приходи завтра, сын мой.

— Завтра не могу, нужно сегодня, не утерплю я до завтра. Вы уж меня не выгоняйте, я с добром к вам. Завтра у меня важная делюга намечается, вдруг сорвется. Ты уж, батюшка, растолкуй, как мне жить, чтобы и лавэшки водились и Бог был рядом.

— Если не дотерпишь, тогда давай поговорим. Хочу тебе сразу сказать, что деньгами не купишь прощение и Бога не подкупишь, поэтому подумай, перед тем, как на церковь жертвовать, от чистого ли сердца.

— От чистого, у меня другого нет, только жить научите.

Много новый русский вопросов задавал, а Дворжевский сидел и их разговор переводил в стихи и музыку. Когда ночной гость ушел, отец Борис спросил:

— Что скажешь, Виктор?

— Сказать можно много, но лучше я вам спою.

Дворжевский взял в руки гитару и запел:

Я священника просил, чтоб растолковал он мне,
Водочки ему налил, душу чтоб нашел в дерьме,
Он же взял стакан стоящий, все скажу, как на духу,
Я тебе не разводящий, говорю не как лоху.

Хоть и ангелом не быть, быть не надо и козлом,
Двух богов нельзя любить, жизнь фальшива

с двойным дном,

Или жид или еврей, ты, браток, определись,
Воробей — не соловей, выбирай, потом молись.

На двух стульях не сидеть, за сумой идет тюрьма,
Золотишко — часто медь и фортуна не жена,
Выпить можно, то не грех, совесть грех, браток, пропить,
Подкаблучник — это смех, грех, братишка, бабу бить.

За зимой идет весна, грязь в душе нельзя измерить,
Жизнь, браток, дана одна, так зачем же ее херить,
Даже если ты попал, будь философом, браток,
А попал, то не пропал, в книге правда между строк.

Не проси у Бога денег, Бог не любит попрошаек,
Состоит жизнь из ступенек, Бог заблудшим помогает,
Крест на шее — это срам, если нету в душе веры,
Пусть он весом в килограмм, вера не имеет меры.

Водочки налей, браток, мусорам прости обиды,
Жизнь, браток, всегда урок, мысли только лишь флюиды,
Ты учись, браток, любить, жить учись своим умом,
Ангелом тебе не быть, быть не надо и козлом.

— Истину в нашем разговоре узрел, Виктор, спасибо. Я предлагаю потрапезничать. Знаю, ты не пьешь водку, я тебе кагорчику плесну, славное винцо, а себе стопарик водочки.

Так за трапезой постной и разговором душевным постигал Виктор человеческую, православную правду и истину.

— Отец Борис, а вот я, имел неосторожность, увлеклся парапсихологией, как вы смотрите на различные ритуалы, ну, скажем, деревенской магии?

— А как сам-то ты теперь считаешь, Виктор? Как-никак, около меня ты уже год.

— Я, батюшка, когда мне было плохо, всегда к гадалкам ходил, у них помощи искал.

— Нашел, сын мой?

— Иногда казалось, что нашел истину, но она куда-то ускользала. Мне никто из них не сказал ни разу, что я виновен в том, что происходит, больше говорили, что я чист, а мои неудачи, это зависть врагов

и еще, чего хуже, близких друзей. Иногда это срабатывало, и я начинал подозревать всех в своих неудачах, но только никогда не смотрел в глубь себя, регулярно принося дары и деньги гадалкам и магам. Постиг умом я, батюшка, что они тормозят духовную эволюцию человека, направляя внимание ослабленного болезнями и несчастьями, заблудившегося и потерявшего духовные и нравственные ориентиры в жизни человека. Понял, кто хочет слышать, что причина всех бед и болезней не «враги», а часто он сам, его зависть, злоба, сквернословие, грязные мысли и те низкие божки, духи демонического мира, которых он предпочел Богу нашему, Иисусу Христу; кто гадалкам за такую правду будет деньги носить и содержать их до конца их темной жизни.

— А скажи мне, Виктор, ты все-таки веришь в порчу и сглаз? — с огоньком в глазах, покручивая седой ус спросил батюшка.

— Верю, отец Борис. Человек — это большое количество энергий тонких и грубых, уплотненных до состояния плоти, волос, ногтей, но в этом разноплановом храме царствует божественный дух и живет тончайшая Божья душа, вложенная в него самим Господом Богом. Если человек — существо, состоящее из энергий, значит, можно эти энергии и нарушить, что приводит к болезням. Я не увлекаюсь амулетами и оберегами, у меня есть амулет, куда более значимый, это мой натальный крестик. Порчи и сглаз лучше лечить в молитве, а тело — в посте и правильном питании. Я перестал обращаться к гадалкам потому, что верить, это значит доверять, а если идешь к магу, то не доверяешь Богу, а значит, уже и не верующий. Нельзя сидеть на двух стульях — или

с магами, или с Богом, а так, батюшка, блядство какое-то получается.

— Жестко, но правдиво, Виктор. Видишь, ты задаешь вопросы, а ответы у самого уже есть. К таким истинам приходишь только через испытание, вот и ты походил по темным коридорам и пришел к Богу нашему православному, Иисусу Христу.

В августе 1999 года Виктор приехал в гости к своему близкому другу поэтессе Валентине Поликаниной. За разговором Валентина предложила послушать несколько своих новых стихов.

— Представляешь, Виктор, прочитала в газете статью, что убили священника под Москвой, и, не сдержав своих чувств, написала эти стихи.

Она начала читать. Каждая строчка была наполнена болью об утрате, презрением к извергам, которые смогли переступить за черту святых жизненных ценностей.

— Я думала, что после убийства Александра Меня, ни одна нехристь не прикоснется к святым людям и служителям церкви.

— А где произошло убийство? — спросил Виктор.

— Кажется, в Можайске, я запомнила имя — протоирей Борис Пономарев.

Виктор побледнел и изменился в лице.

— Не может быть.

— А ты его знаешь?

— Это мой духовник, он меня и мою душу спас.

Через несколько минут Дворжевский уже ехал по дороге на Москву. Еще в глубине души теплилась надежда, что это ошибка, страшная ошибка.

Можайск встретил Дворжевского хмуро, как будто даже природа скорбела об утрате. Он попытался выяснить все мотивы преступления, сходил на могилу своего духовника, который был похоронен в селе Ильинская Слобода, что на окраине Можайска, и уехал в Москву. Почему в Москву, он и сам не знал, но хотелось именно туда, на Ваганьковское кладбище, на могилу еще одного, близкого ему, священника, отца Николая, который служил в храме на территории кладбища. Почему-то захотелось побывать на могиле великого Владимира Высоцкого, поговорить с Андреем Мироновым. Гнев бушевал в его мыслях и сердце. Раз за разом Дворжевский вспоминал рассказ тех, кто знал все подробности этого страшного убийства.

16 июля к отцу Борису пришли двое и потребовали у него икону семнадцатого века и деньги, которые находились в храме. Получив отказ, один из грабителей ударил отца Бориса кулаком в висок. От удара священник упал и умер на месте. Икону эти выродки так и не смогли унести, слишком тяжелой она оказалась для них, а деньги забрали и пропили. Но что-то было совсем непонятно Виктору. Эти отморозки уже были судимы по воровским статьям, а, значит, по воровским законам обидеть, ограбить или, не дай Бог, изнасиловать женщину, ребенка, врача, учителя, не говоря уже о священниках, было не просто проступком. За это негодяи наказывались в лагерях смертью или серьезными унижениями. Как могли эти твари позариться на самое святое, что есть у человека, его веру. Ведь, кроме меня, скольким людям он помог, сколько душ исцелил, сколько жизней спас. «Моя вера, — рассуждал Дворжевский, — только укрепи-

лась, и теперь свернуть меня с пути истинного будет еще труднее». Слова сами рождались в голове, как будто кто-то их ему диктовал:

Убивали священника, божью жизнь за икону,
Наплевав на земные, воровские законы,
Убивали бесстрастно, отморозки тупые,
Говорили угрюмо: «Мы, святоша, блатные».

Убивали священника, кровь текла по лицу,
А он просто молился за них Богу Отцу,
Убивали два выродка, кулаком да в висок,
За кусочек картона, за святой образок.

Убивали священника, в небе ангелы плакали,
Слезы красным дождем на распятие капали,
«Вы икону не троньте, это грех, бесье дело», —
Душегубам шептало неостывшее тело.

Убивали священника за гроши, по приколу,
Позабыли, убогие, жизни нехитрую школу,
Убивали священника, Бога в себе убивали,
Он твердил, уходя: «Вас, детки, за это прощаю».

Убивали священника на развилке дорог,
Для людей и людишек будет это урок,
Убивали себя, тупо, медленно, рвотно, противно,
Позабывших Голгофу, два бога, две твари, два сына.

Слезы текли по щекам Виктора. Впервые в жизни он, мужчина, плакал взахлеб, как ребенок, от которого навсегда ушла мама, плакал не от жалости к себе, а от боли утраты.

В этом же году Дворжевский записал альбом в память о своем учителе, а потом и песню «Убивали священника». На всех своих концертах он рассказывал

о том, как два отморозка убили его духовника и друга отца Бориса. Редкие зрители не сопереживали ему. Чувствуя, что певец с трудом сдерживает слезы, многие плакали сами. И не имело значения, кто находился в зале, православные или католики, мусульмане или буддисты, главное, равнодушных не было. Никогда Виктор не кланялся на аплодисменты зрителей после этой песни. Он говорил: «Это не мне, это ему. Пусть там, на небесах, он знает о том, что здесь его помнят и любят, а подвигом его во имя Христа, восхищаются. Пусть знает, что вера во Христа после такого убийства не пропадает, а укрепляется, и человечество, узрев восхождение на крест служителей Веры и Бога, от этого становится просветленнее и чище».

Вот и теперь отец Борис вывел Дворжевского из темного, сырого коридора к божественному свету.

— Наставник, ты всегда был со мной?

— Всегда, даже когда ты ошибался, я тебе подсказки давал.

— Отец Борис, а я вас часто вспоминал.

— Знаю, что вспоминал, и твои концерты я посещал, и слова, посланные мне, слышал, и песню обо мне слушал.

— Мы несовершенны, отец Борис, совершенен только Бог.

— Так что тебе мешает стать Богом, Виктор?

— Разве это можно сделать в течение одной жизни?

— Это можно сделать в одно мгновение. Надо только осознать и впустить Бога к себе в сердце, не как квартиранта, а как хозяина своего и отца. А сейчас иди, ты должен еще жить. Многое исправить тебе

предстоит. Силы зла вплотную подступили к твоей душе, не отдай им ее.

Свет пропал, и Виктора вдруг потянуло через огромный водоворот назад, в тело. Он открыл глаза. Над ним склонилась медсестра.

— Сколько кубиков собравина вводить? — спросила она.

Хирург показал четыре пальца. Виктор опять провалился в забытие.

— Пацаны, надо позвонить в Смоленск Заре. Интересно, как он там?

— Позвонил, что оклемался, только жаль сломанного носа. Хочет делать операцию, но тренер и врачи ему не советуют, говорят, когда закончит бороться и драться, тогда есть смысл. А теперь все без толку, вдруг опять сломают.

— Да, — протянул Витек, — сломанный нос новым уже не будет. Вора, давай в Смоленск, я заправляю. Заря приглашал нас, пока не приступил к тренировкам. Гера, ты как?

— Я, как все, конечно, если драться не будете. Ладно, Витек, уговорил.

— Тогда позвони Сане, что в субботу встречаемся, в парк ходим, на девочек поглазеем.

Как и договаривались, через три дня четверо друзей собрались в Центральном парке имени Горького города Смоленска. Санек уже окончательно пришел в себя. От синяков и следа не осталось.

— Ну, что, Заря, будешь драться на боях без правил? — спросил с любопытством Виктор.

— Я-то?

— Ты-то.

— Я-то буду. Я еще злее стал, только ни у этого урода.

— Мы с пацанами нашими, между прочим, его маленько поломали. Сейчас Леха Бык в больнице, в той же палате, где я лежал, кантуется.

— Это правильно, такое нельзя прощать.

— А я, Витек, никогда и никому еще не прощал. Я злопамятный.

— А я, Саня, нет. Забываю обиды быстро.

Пацаны быстро перезнакомились с местными красотками и разгуливали по парку, катались на аттракционах. К вечеру, прогуляв все деньги, они проводили девчонок по домам, присели на лавочку перед дорожкой поговорить. Гера купил две бутылки пива и предложил всем в честь дружбы по двести пятьдесят боевых капель. Вора, вздохнув, сказал:

— Я хоть и не пью, но за такое дело пригублю «зеленого змия».

Заря метнулся к автоматам для газировки и незаметно для всех извлек четыре стакана. Друзья побратски разделили содержимое бутылок на четыре части.

Витек взял слово.

— Пацаны, скорее всего до армии все вместе мы видимся в последний раз, но это не значит, что мы перестанем быть друзьями и растеряемся по жизни. Давайте выпьем этой мути за нашу нерушимую дружбу. Пусть она будет крепкой как сталь, из которой делали лучшие мечи в мире — самурайские катаны.

— Вам в армию, а я свою «армию» прошел, — вздохнул Вора. — Пацаны, я вам грев засыпать буду, чтобы там с голодухи не попухли.

Пацаны рассмеялись.

— Вора, ты только не залети на нары опять, ладно, братуха, — задумчиво добавил Дворжевский.

— Ты, Витек, всегда, как скажешь, — улыбнулся Герка.

— Красиво сказал, — возразил Санек и добавил, — за железный кодекс нашей дворовой, просто-народной чести.

Друзья обнялись и стали в круг.

— Очнулся, кажется, — сказала медсестра, проверяя реакцию зрачка на свет.

— Ну что, с того света мы тебя вытащили, певец. Петь еще будешь сто лет, а вот на скрипке играть уже не будешь, — пошутил доктор. — Если бы не оперативность твоих друзей, Богу душу точно бы отдал. Оккупировали они всю больницу, пока шла операция, несколько раз пытались прорваться. Крови ты много потерял, а необходимая группа была только у одного. Так что один из них, ко всему прочему, твоим кровником стал, в хорошем смысле слова.

— Спасибо отцу Борису, он меня спас, — еле двигал губами Виктор.

— Что ты говоришь?

Но Виктор от слабости уже закрыл глаза.

— У него бред от перенесенного шока. Введите ему пару кубиков промидола, пусть поспит.

Еще и еще в своих сновидениях он прокручивал кино своей жизни, где непременно присутствовали

его друзья, которых называли в районе генералами дворов, пацаны, всегда живущие по кодексу дворовой чести.

Что-то заставило Дворжевского проснуться. Алиса... Она болезненными воспоминаниями вторглась в его сознание, воскрешая нестерпимую боль. Боль утраты и боль потери настоящей, большой и единственной любви, любви к зеленоглазой цыганке Алисе.

Дворжевский открыл глаза. На него смотрели любимые нефритовые глаза, полные слез и счастья, глаза его Алисы.

— Какой красивый сон, — улыбнулся он и погрузился в блаженный, счастливый сон, пожалуй, первый раз за долгие девять лет.

А зеленые нефритовые глаза все смотрели на своего любимого, на того, кого бабушка цыганка предсказала в суженые.

ЦЫГАНКА АЛИСА

— Дайте мне гитару. Я спою новую песню, может, и не «цыганочку», но по накалу страстей это цыганская песня, — воскликнул Дворжевский.

— Подайте-ка нашу, старинную, родовую гитару, пусть докажет, что достоин он руки моей дочери. Популярный в народе, это еще не значит, что у нас, цыган, будешь любим.

— Барон, я шансон пою, а шансон — это вольная, свободная песня, как душа славян, как ваша цыганская душа. Мы не служим вора́м или царям, мы поем о нашем великом и свободном духе и ходим только под Богом. Мой дом, барон, как и ваш, это целый мир, а крыша — звездное, чистое небо.

— Хорошо, Виктор, говоришь, так ли хорошо ты поешь?

Дворжевский взял гитару, и струны от перебора его пальцев зазвучали звонко и красиво, как и десятки лет назад в руках прадеда Алисы.

Ветер в дверь мою стучится, в мыслях на тебя гадаю,
Что же в эту ночь случится, молодая, молодая,

Генералы дворов

Ты войдешь и скажешь: «Здравствуй»,
и прижмется тело к телу,
Надо мной сегодня властвуй, я хотел и ты хотела.

Волос твой упал на плечи, тело обжигает жаром,
Ночь-цыганка держит свечи, и горит душа пожаром,
Подшофе любовь хмельная, губы целовал и грудь,
Молодая, молодая, будь со мной, со мною будь.

Алиса, а за ней и все цыгане, не дожидаясь окончания песни, пошли в пляс, стараясь подпевать Дворжевскому. Она кружилась в своем языческом танце, укрывшись самой ночью, как цыганской шалью. В этот танец она вложила всю любовь, нежность, всю страсть своей исстрадавшейся за годы разлуки души. Пламя костра, подобно демону, пыталось ее ухватить за края платья, желая опалить крылья этой безумной, танцующей женщины.

Дворжевский, очарованный красотой танца, смотрел на ту, о которой даже и мечтать уже не мог. Он так долго надеялся, что все-таки когда-нибудь, не во сне, а как в сказке, она явится к нему, чтобы остаться навсегда, не исчезнуть с первыми лучами света, как это уже бывало. Цыгане-музыканты подхватили мелодию, и уже не Виктор, а многочисленная семья и десятки присутствующих гостей и родственников взяли в кольцо влюбленную пару, кружились, подпевая слова песни. Пожилой, уже седой скрипач, разрывая сердце такой же древней, как и он сам, скрипкой, вошел в круг и, став на колени перед Алисой, подыгрывал мотив песни. Вдруг зазвучал аккордеон. Он наполнил песню и мелодичностью, присущей французам, и безумной энергетикой, свойственной только

цыганам. Все походило на хорошо отрепетированный номер, но искренность чувств и неподражаемая страсть танца убеждала в ином. Так танцевать мог только пьяный от любви и безумный от счастья человек. Только женщина, которая готова пойти в огонь и сгореть за свою любовь, лишь бы согреть своим теплом человека, ради которого она родилась, которого искала и ждала целые века, потеряв его однажды в бесчисленном количестве реинкорнаций на земле.

Коротки с любимой ночи, свечи грустно догорают,
Сердце отпуска не хочет, молодая, молодая,
Пожалей меня, родная, уходить не торопись,
Молодая, молодая, на минуту задержись.
Я кусаю себе руки, губы до крови кусаю,
Трудно жить с тобой в разлуке, молодая, молодая,
Брошу жизнь тебе под ноги, на колени припадаю,
Задержись на миг в пороге, молодая, молодая.

Демон-костер уже не пытался опалить своей яростью и темпераментом Алису, он, как преданный пес, лизал языками пламени ее ноги и приятно ласкал своим теплом ее тело.

Барон сидел напротив Дворжевского у тлеющего костра.

— Пожалуй, я был не прав, не поверив вашим чувствам и вашей любви. Мы, цыгане, вечно гонимые ветрами и несправедливым к нам отношением, чтобы сохранить свои традиции и устои, сознательно не допускаем к себе не цыган. Мы боимся позабыть о своей избранности, растерять культуру и язык. Я когда-

то влюбился до безумия в русскую женщину. Прожив с ней несколько лет, понял, что цыган должен оставаться цыганом, и я, как барон той семьи, которая меня возвысила над собой, должен был оправдать их доверие, следить за своей культурой и традициями, не дать нам раствориться среди других, более многочисленных и сильных народов. Я сам нарушил закон, женившись на русской. Я преступил, но не совершил ошибки, ведь плодом той любви, любви цыгана к русской женщине, стала моя Алиса. Была еще одна причина, заставившая меня так поступить. Моя мать и бабушка Алисы, которая всегда славилась своими исключительными способностями предвидеть будущее, предсказала, что если моя девочка выйдет замуж за голубоглазого чужака, то погибнет насильственной смертью. Поэтому, когда я узнал, что она встречается с тобой, я совсем обезумел от горя. Как мог я позволить, чтобы этот красивый, еще не распустившийся цветок был под корень срезан рукой насильника и палача. Увез я ее силой в Краснодар, к брату. Всем, даже своим близким, сказал, что она живет в Сибири у родственников. Когда стало ясно, что она беременна, придумал легенду о замужестве. Хотя не могу сказать, что не пытался сосватать ее за достойных людей. Но разве мою девочку заставишь? Тогда я ей сказал, что ты женился. После этого моя Алиса затосковала, но, гордая, виду не подала. Только я знал, как ей тяжело было пережить это известие. Когда родился ваш сын, она назвала его Христианом, что означает принадлежащий Христу, а мне, чтобы я оставил все попытки устроить ее жизнь, она призналась, что вы тайне обвенчались. В отличие от вас, русских, развенчаться цыганка не может. Если любит, то одного,

а замуж выходит на всю жизнь. Вернулась она в Смоленск, институт окончила и снова пошла учиться. На моей памяти впервые цыганка получила высшее образование, а она даже два имеет. Гордится ею наш табор, в пример ставят. Однажды увидела она на базаре кассету с твоим изображением, прибежала ко мне и говорит: «Вот и объявился мой суженый с весточкой для меня». Поставила ее в магнитофон и слушала почти сутки, не отрываясь, а потом мне и говорит: «Не может такие тоскливые песни петь человек, который счастлив в семейной жизни». Пришлось сказать правду, что тогда ей наврал. Хотя, наверное, ты уже мог быть и женат, негоже мужчине столько лет одному в холостяках ходить. Ничего она мне не сказала тогда, но не разговаривала со мной три месяца. Все твои новые диски скупила, а Христик, внучок мой, почти все песни наизусть знает, поет не хуже тебя. Недаром говорят, что кровь людская не водица. Искала она тебя. Справки наводила, а потом, через этот, как его, Интернет, о тебе все узнала, что не женат и прочие там новости. Но сама она не решилась бы появиться в твоей жизни. Боялась, что отвергнешь, посмеешься над ней. Так, может, и продолжалось, если бы твой хитрый друг у нас не появился. Умный, шельма, так в душу залез моим людям, что любят они его сейчас, как своего. Все выведал, разузнал, а потом ты и сам уже все знаешь. Не буду я больше мешать вашему счастью и вашей любви. Вы и так из-за моих предрасудков натерпелись в жизни. Я бы хотел свою вину перед вами как-то загладить, но не знаю как.

— Барон, ты сказал, что у меня есть сын. Ты представляешь, что ты мне сейчас сказал? Как я могу на тебя держать обиду, ведь ты хотел только спасти свою

дочь, а сохранил мне сына. А почему Алиса мне не рассказала о нем, и Вора промолчал?

— Да надо было Христика подготовить. Как ему, восьмилетнему пацаненку, сразу рассказать, что его отец нашелся, который, как ему говорили, давно уже умер, да еще именно тот, чьими портретами и фотографиями выклеена вся его комната. И с друга твоего у которого такая цыганская фамилия Воровченко, мы слово взяли, что ни-ни, сами все расскажем, когда время придет.

— Барон, а во мне тоже цыганская кровь течет. Моя бабка по линии матери была цыганкой. Я, правда, знаю о ней только со слов матери и совсем немного. Мать говорила, что она была такой гордой и строптивой, что моему деду не позволяла к себе пальцем прикоснуться. Бил он ее почти каждый день, а она всегда пыталась отбиться тем, что под руку попадалось. И сковородой, и ведром могла, и за топор хваталась, только не помогало это. Изверг он был. Она не выдержала такой «счастливой» жизни с пьяницей и дебоширом, бросилась с горя в колодец и утонула.

— Да... Настоящая цыганка твоя бабка, только зря она руки на себя наложила, грех это.

— Знаю, барон, что грех. Ее даже на кладбище не похоронили, за забором, зарыли, креста не поставили, лицемеры трусливые.

— И сейчас она за забором? — поинтересовался барон.

— Нет. Сама жизнь вмешалась в эту историю. Деревня начала вымирать так быстро, что границы кладбища расширились ударными темпами. «Православные христиане» не обратили даже внимания, когда относили забор кладбища, на безымянную могилку

моей бабушки. Не она попросилась на кладбище, а кладбище подвинулось к ней.

— Сын, можно я буду тебя так называть? Ведь ты повенчан с моей дочерью.

— Барон, мне за честь быть твоим сыном.

— Сын, мне показалось, что, когда ты вспоминаешь свою мать, твое лицо странно меняется. У нас мать — это свято.

— Барон, мать и для меня более чем свято. В моем свидетельстве о рождении написано, что я родился в Москве. Но мало кто знает, что я родился в женской колонии в Казахстане. Моя мать, встретив отца, красавчика на десять лет ее моложе, бросила в детском доме своего первого трехлетнего сына от первого брака, убежала с отцом в Казахстан, на целину. Родители моего отца, мои дедушка с бабушкой, были категорически против их брака, когда узнали, что избранница их сына не только на десять лет его старше и имеет двоих детей, но и была условно судима за воровство. Я не осуждаю свою мать за те поступки, к совершению которых ее подтолкнула страшная нищета и огромные испытания, которые ей в жизни выпали. Ее изверг отец через полгода после смерти непокорной жены, цыганки со странным, не цыганским именем Мальвина, женился опять. В жены взял молодую деревенскую девушку, а всех своих семерых детей сдал в детский дом. Моя мама, самая старшая, ей было четырнадцать лет, с тремя классами образования, сняла квартиру в городе и стала зарабатывать себе на жизнь сама. Скажу больше, я и теперь восхищен ее живучестью и жаждой жизни, которая, как она любит часто говорить, помогла ей подняться «из грязи в князи». Но какой ценой? Наевшись целинной

«романтики», она, уже беременная мною, поняла, что вся эта советская пропаганда освоения целины просто полная галиматья. Денег на обратную дорогу не было, и она опять что-то у кого-то похитила. Суд на этот раз был не по-советски «гуманным», и на два года изолировал ее от общества. Она много раз рассказывала, иногда в гневе или просто за столом по случаю очередного праздника, что решила отказаться от меня, как уже сделала один раз, повторив «нравственный» поступок своего отца. Оправдывала себя тем, что у нее не было молока, а кормили их там, несмотря на то, что она роженица, очень плохо.

— И чем закончилась эта история? — взволнованно спросил барон.

— Не поверишь, с ней в одном бараке находилась цыганка, также родившая ребенка за два месяца до нее. Узнав, что ее мать, а моя бабка была цыганкой, пригрозила расправой над ней, если та от меня откажется или попытается удавить случайно. Цыганка меня своим молоком и вскормила. Благодаря судьбе и той цыганке я сейчас жив и имею честь быть мужем твоей дочери, барон.

— А дальше-то, что было, Виктор? — взволнованно продолжал расспросы барон.

— Чем дальше, тем хуже, барон. Она бросила отца моего, который уже прилично пить начал от таких испытаний, выпавших на его юные плечи, и уехала опять в Беларусь. Проезжая через Москву, она сошла с поезда и оставила меня ночью около двери детского дома. Так я оказался детдомовцем. Отец приехал в Беларусь и нашел ее в городе Борисове. Она призналась, что отказалась от меня, но согласилась с ним жить, если тот простит. Отец — слабый человек, из-за

любви к ней, простил, но продолжал настаивать, чтобы она меня забрала. И вот непонятно почему, мать с отцом все-таки решили поехать в Москву в тот детский дом, около двери которого она меня и бросила. Пришла к заведующей, упала на колени, расплакалась и рассказала, почему это она сделала. Не знаю, как она смогла убедить заведующую, но та не только не отказала ей, но и помогла оформить документы на усыновление. Конечно, она никому не сказала о страшной истории подкидыша, которого она назвала Виктором и дала фамилию Дворжевский, так как нашла меня во дворе детского дома. Оказавшись в семье, я семью не принял. Моя новая мать била меня за все и каждый день. Я был вечно голодным, а она прятала колбасу, апельсинчики и конфеты в различные тайники, только что за тайник, который не способен найти голодный паренек. Находил и ел, а она избивала меня за это, приговаривая, что у нее тяжелая работа и ей нужно особо хорошо питаться. Первый раз она бросила мне проклятие в восемь лет: «Чтобы ты, сынок, домой не вернулся, чтобы ты под машину попал, чтоб в болоте утонул, чтоб руки, которыми ты воруюшь у меня продукты, отсохли, и ноги, которыми ты бегаешь, отнялись». Позже я слышал это сотни раз. Я стал убегать из дома и неделями скрываться в лесах, строя шалаши, в сараях своих друзей, за что быстро попал на учет в милицию. Понимая, что она со мной не справится, просто определила в школу-интернат. Я был уверен, что эта женщина не может быть моей матерью, знал, что моя настоящая мама где-то живет и ждет меня. Не знаю, как бы сложилась у меня жизнь, если бы вдруг неожиданно Светлана Петровна, заведующая того детского дома в Москве не ре-

шила приехать в наш город, в ту школу-интернат, где я учился, вернее не учился, а числился. Не от счастливой жизни мне пришлось воровать продукты питания в магазинах, взламывать сараи и похищать оттуда консервы и закатки. Так за эти и многие другие проступки меня уже собирались оформлять в ИТК для малолетних преступников. Светлана Петровна и заменила мне мать. Нашла нужные слова, ключик к моему дерзкому характеру, а потом определила в секцию борьбы, бокса, а после уж и каратэ-до. Моя неиссякаемая энергия вышла через другое направление, через спорт. Отец, когда не пил, навещал меня в интернате, но все-таки моим отцом-воспитателем был больше тренер, нежели он.

— А кто рассказал эту историю с подкидышем тебе?

— Барон, подслушал я разговор моего отца и бабушки на эту тему. Подвыпивший отец признался своей матери, что я ее кровный внук, рассказав, почему я у него появился только в восемь лет.

— Но почему ты сомневаешься, что она твоя мать, Виктор?

— Понимаешь, барон, еще в детском доме мне заведующая приносила письма от моей настоящей матери, в которых эта не известная мне мать писала, что меня любит и обязательно однажды приедет ко мне. Писала, что находится далеко за границей и пока приехать не может. Затем в интернате ко мне продолжали приходить письма, да и сейчас через дворника Михальча и Светлану Петровну я получаю письма от загадочной мамы. Эта мистическая, неизвестная мать и стала моей духовной матерью. Я только и жил в детстве и юности ее письмами. Когда было плохо,

перечитывал по многу раз, и сам их сотни ей отправлял, передавая через Михалыча и ту же Светлану Петровну.

— А ты не задал вопрос своему Михалычу, почему именно они передают и принимают письма?

— Задал, но мне сказали, что это не их тайна, и они не могут мне раскрыть причину такой почты. Я не настаивал, мне приятно эти письма получать, в них столько тепла, любви и доброты, что, мне кажется, именно моя настоящая мать их могла написать. Эти письма мне помогли выжить в самые трудные минуты моей жизни, и даже если моя мама и не существует, я буду верить в ее существование всегда.

— Да... После таких историй попробуй в Бога и судьбу не верить, — барон задумался. — Так ты почти цыган, Виктор, ведь вскормленный молоком цыганки, уже может считаться цыганом. С молоком кормящей матери к ребенку переходит информация о роде, энергия и сила этого рода. А цыгане, как ты знаешь, один из самых древних народов мира.

Подбежала Алиса:

— Долго вы? Все разошлись уже, утро на дворе.

Глаза Дворжевского горели счастьем. Он не знал, с чего начать. Подбирая слова, Виктор спросил:

— Маленькая моя, почему же ты скрываешь от меня сына? Отец твой мне все рассказал, ты не представляешь, как я счастлив, любимая.

Алиса зло посмотрела на барона. Но, увидев сияющую улыбку на лице Дворжевского и слезинки счастья на его глазах, она обняла его и заплакала.

— Сегодня я тебе покажу сына, твоего Христиана. Если и случится то, что нам предсказали, то Христик пусть будет, как откуп жизни за нас и сила жить для моего отца.

— Тьфу тебе на язык, — сплюнул в сторону барон. — Дочка, не верю я в эти гадания. Всем запретил гадать у себя в доме, хватит каркать этим старухам.

— Вора, ну ты и шифровщик. Знал, что у меня есть сын, и две недели молчал. Друг называется.

— Витька, во-первых, с меня взяли слово.

— А во-вторых?

— Представь, лежишь ты в таком состоянии в больнице, а я тут с новостью, сын, мол, у тебя еще есть. Сердечный приступ был бы гарантирован, а ты и без того в тяжелом состоянии целую неделю находился. Алиса от тебя ни на секунду не отходила, боялась снова потерять тебя. Я же, когда ты сутки без сознания лежал, подумал, что если ее найду и приведу в больницу к тебе, ты зубами будешь грызть смерть за ноги, но в руки к ней не пойдешь. Я поехал в этот городишко Ярцево со своими пацанами. Парней для охраны и безопасности из Ростова вызвал. Встретился с Морозом. Тот меня познакомил с близким покойного Хабота, я все и разузнал. Оказывается, тетка твоей Алисы очень хорошо танцует и поет. Собрала вокруг себя таких же талантливых цыган, поставила несколько танцев и концерты дает по всей Смоленской области. Название себе такое еще придумали «Аллюр», сейчас, между прочим, на гастролях в Беларуси. Я представился потенциальным заказчиком, разузнал адресок и к ним. Как только заметил красивую полукровку, понял, это те зеленые

глаза, которые ты мне описывал. Подошел к ней и спрашиваю:

— Алиса?

Она мне в ответ:

— Да, меня так зовут.

— Я тебя знаю.

— Откуда?

— Ты же знаешь, я люблю сюрпризы женщинам преподносить. Говорю ей: «Я друг Виктора Дворжевского». Представляешь, она в обморок упала. Как налетели цыгане, думал, порвут. Она очнулась, ухватила меня за руку и в дом. Конечно, я все рассказал, и как ты ее любишь и как страдаешь. Ты же знаешь, как я могу красиво подъезжать. А потом о твоём самочувствии ей поведал. Она за меня и в больницу. Сутки над тобой сидела, молилась, а когда ты глаза открыл, твоя любимая уже тут, как тут.

— Вора, я в тебе никогда не сомневался. Какое счастье, дружище, что ты у меня есть. Таких друзей, как ты, Гера, Заря, теперь уже не бывает.

— Да, ладно, не перехвали меня.

— Боюсь временами недосказать что-то, куда уж перехвалить. А где Заря и Гера?

— Гера в Беларусь уехал по делам, вернется и обязательно навестит тебя с Алисой, а Санек отправился в Гомель, там турнир по борьбе проходит, тренер пригласил, легендарный Внучкин Виктор Александрович, которого он глубоко уважает и чтит.

— Саня рассказывал, что он ему отца заменил и, ко всему прочему, много мировых спортивных звезд воспитал.

— Виктор, я тут насмотрелся на вас, наслушался историй и так обзавидовался. Знаешь, я тоже мечтаю

о такой Алисе, как у тебя, и чтобы меня так любила, как она тебя.

— Вора, твое счастье где-то тебя ждет, а может, еще в школу ходит, ты только не разменивайся по мелочам.

— Вить, ты же знаешь меня, на разное я не поведу.

Виктор знал о странностях амурной жизни своего друга. Часто шутил, предлагая психоаналитика для него найти. У Вору был недолгий по продолжительности и отношениям брак, но распался. В Калининграде, где он в очередной раз скрывался от милиции, Вора встретил и по-настоящему влюбился в свою Лизу, дерзкую красавицу со строптивым характером и такой же агрессивной манерой разговора, как в те времена у него. Могла на стрелку с ним приехать и развести рамсы, как махровая Мурка. Этим Вороченко она и понравилась. Но все-таки менты его вычислили и этапировали в Беларусь. Конечно, после солидного отката на правоохранительные органы, отпустили. Родился у них сын, Руслан, и они решили поселиться в небольшом городке под Минском, подальше от глаз ментовских — загребуших. Но радовались семейному счастью они недолго. Всплыли старые эпизоды, и, как водится, ментам захотелось в теплые страны слетать да жен своих в шубы одеть, ведь не зря же столько лет они горбатятся на зарплату. То, что Вора по этим эпизодам уже проплатил и что шиты они были белыми нитками, им, блюстителям закона, было по барабану. Упрятали Вору на восемь лет, правда, освободился он через пять. Лиза его ждала и верность хранила, а если даже и нет, то это было извес-

тно только ей и Богу. Хотелось ему верить, что его Лиза не такая, как большинство современных мурзилков. Но что-то не заладилось у них, и Лиза, забрав сына, уехала к маме в Калининград. Виктор был уверен, что по сей день Вора любит ее, да и по характеру sms, которыми Лиза забрасывала своего бывшего мужа, было понятно, что и она бродягу Сергея Вороченко, в криминальных кругах Вору, не забыла.

Вора метался в надежде найти ту, что из сказки, а увидел сказку в жизни своего друга и совсем затосковал. В редких случаях знакомство с прекрасной половиной заканчивалось для него постелью. Друзья прикалывались, как он всякий раз обрубал канаты, убеждая очередную захватчицу забыть о его существовании. Свидетелем такого разговора однажды был и Дворжевский.

— Сережа, давай сходим в «Зеркало». «Зеркало» — это такой магазин, где продается много красивых вещей.

— И что я с тобой там буду делать?

— Поможешь мне одежду выбрать.

— Алла, ты красивая девушка, но скажи честно, как другу, тебе же от меня только деньги нужны?

— Сережа, ну кому они не нужны, но и кроме денег у тебя есть на что посмотреть. Лапуся, я в первый раз вижу, чтобы мужчина отказывался от секса с женщиной, а тем более такой, как я.

— Алла, веришь, у меня нет проблем с сексом, и, если мне понадобится с кем переспать, а вокруг никого не будет, я куплю себе самую дорогую проститутку города, и она честно выполнит свою работу. Поверь, моя акула, это будет в десятки раз дешевле, чем с тобой сходить на час в это «Зеркало».

— Фу, Сережа, я же не какая-нибудь грязная шлюха.

— А чем ты, моя девочка, отличаешься от грязной, как ты говоришь, шлюхи? Только я больше уважаю тех, кто в силу разных обстоятельств постель сделал своей работой и открыто принял правила игры, нежели тех, кто занимается тем же, но презирует их. Ты не поняла? Мне нужно, чтобы меня любили не за то, что у меня есть деньги и работающая машинка ниже пояса, а за то, что я человек, желающий, чтобы меня любили. Может, не самый лучший, но такой, какой есть. Я хочу любить и быть любимым, сына хочу, и чтобы мать у него была настоящая, любящая и заботливая. Когда я чувствую, что от женщины воняет, мне с ней не то, что секса, а общаться не хочется.

— Что ты такое говоришь, как это воняет? У меня же лучшие духи, и вообще я чистюля.

— Алла, воняет душа, мысли твои испорчены этим запахом, а у меня есть такой недостаток, как нюх на духовные нечистоты, как у собаки на мясо. Не звони мне больше, не надо свое время терять и мое отнимать, лошариков и без меня хватает.

Заря, законченный бабник, менялся в лице от негодования. Он всегда говорил:

— Вора, я, конечно, готов принять твою точку зрения, но к глубокой старости. Зачем отказывать, если фломастер заправлен, покувыркайся и помаши девочке ручкой. Она сама нарывается. Это, как игра, она тебя хочет переиграть и развести на бабки, а ты, получив предмет ее торга, пожелай ей удачи.

У Дворжевского такой взгляд друга на жизнь вызывал уважение.

— Вора, какие твои годы. Скажи лучше, ты пробил, почему эти отморозки в нас стреляли?

— Одного ты знаешь, этой твой детский закадычный друг Матус. Второго тоже вроде вычислил. Он из Гомеля и зовут его Жека Бешеный, я его вспомнил. Мы пересекались лет двенадцать назад, во время отбывания мною второго срока. Правда, сейчас он отментов в бегах, и гомельские пацаны о нем уже четыре месяца ничего не слышали. Как в воду канул.

— Там канул, а тут всплыл. А что за тип этот Бешеный?

— Да так, местечковый мокрушник, киллером называть язык не поворачивается. Прославился тем, что пару авторитетов завалил, правда, в его списке и Витя Кабан числится. Только он сам на такое дело не пойдет, мозгов у него мало да и мотива нет. Ему такие сломаны, как мы, одному не по зубам. Нанял его кто-то, а вот кто, неизвестно, но узнать надо. Не могу я понять, на кого из нас он охотился. На тебя? Зачем ему нужен певец? Гера? Слишком мелко, несмотря на его серьезный бизнес. Я спрашивал его, Герка сам не понимает. Никто не приходил, а тем более не наезжал, да на него попробуй еще наехать, там ГБ крышует давно. У меня вроде таких врагов нет, чтобы так серьезно мстили. Может, на Зарю? Надо с ним серьезнее поговорить. Разберемся, Витька, надеюсь, вычислим. Мне кажется, что они попытаются исправить незавершенное, поэтому строжайшая конспирация, но без лишнего фанатизма.

— Вора, не в моем характере шифроваться, но на всякий случай я уеду с Алисой к себе в Москву, только я бы хотел со всеми повидаться, каждого, кто со мной был у больничной койки, обнять и пожать руку.

Алиса очень хочет маму свою в Ярцево навестить, меня ей показать и Христика оставить на несколько дней.

— Вот и ладненько, завтра я устрою сбор всех друзей, заодно и обсудим, что делать, а потом езжай в Москву, но трубу поменяй и мне по sms скинь новый номер, на всякий случай.

— Вора, у меня к тебе есть просьба. Мне парочку валын раздобудь и лучше с глушителем, сам знаешь, береженого Бог бережет, а небереженого маньяк с «калашом» стережет.

— Будут тебе плети, не переживай, через пару дней доставят прямо в Москву. И еще. На концерты только со мной. Я метнусь к своему сыну и сразу к тебе в Москву. В Смоленске находится небезопасно.

— Давай Матус, дави, что есть силы, на газ, мы должны быть как можно быстрее в Минске. Важно, чтобы Пузырь не узнал, что мы заказ не выполнили до конца. Мы завалили только певца, а это значит, что опять облажались.

— Жека, на этот раз не мы, а ты намутил.

— Заткнись, гнида, кто мог знать, что самое надежное оружие в мире заклинит.

— Если бы ты служил в армии, то знал, что оружие чистить нужно и смазывать. Да где тебе было этому учиться, ты же все «по шпалам, бля, по шпалам, бля, по шпалам».

— Я тебе сколько раз говорил, умник, пасть не закроешь, порву.

— Ты еще и моргала мне выколи.

— Матус, а отчего ты такой борзой? Сам-то, что видел, где служил?

— Я-то? Как и ты по лагерям скитался, но за долгую бандитскую жизнь стрелять и обращаться с оружием научился. Ты что, забыл, меня за вооруженный грабеж в последний раз замели мусора.

— Вот я и смотрю, что тупой, поэтому и замели. Если ты научился стрелять по бутылкам в лесу, взял бы и сам стрелял. Я стреляю, в отличие от тебя, по живым мишеням.

— Нет, Жека, за пять штук я только на подхвате вызвался быть, а не стрелком.

— Помолчи, дебил, или тебе напомнить? Что о тебе говорит братва? Дай подумать, как нам из этой истории выпутываться.

— А что, братва базарит?

— Как, что, что опущенный ты, сам, что не знаешь?

— Пусть докажут, я честный бродяга, в авторитете, а ту крысу, что мне предъяву кинул, ты знаешь, я замочил.

— Замочил, это хорошо, но слухи есть слухи.

— Эти слухи Дворжевский и распространяет, только он был в курсе этой истории в детстве, только он мог только догадываться. Все участники моего избиения, повторяюсь, Жека, избиения, а не опускания, уже мертвы, а Дворжевского я сам замочу, если ты не сможешь.

— Вот как, брат, ты заговорил, — возмущенно произнес Жека. А плел, что не узнал, что случайно. Так ты специально вызвался ко мне в подручные, чтобы счета с Дворжевским свести, похоронить с ним все воспоминания о детстве? Хитер ты, Матус, а я думал, что под дурня косишь, а сам волчара хитровые...анный.

Матус приставил пистолет к шее Жеки.

— Как ты думаешь, Жека Бешеный, что мне мешает сейчас выстрелить в тебя?

На Жеку с ненавистью и презрением смотрели глаза того, кого он считал всегда простаком и дебилом. Что-то под черепком, там где по достаточно прямым и неразвитым извилинам бешено неслись, передавая информацию, мелкие частицы-нейроны, шелкнуло, говоря Жеке, это понты. Жека не раз выходил из серьезных ситуаций, а сейчас все было просто.

— Матус, ты не выстрелишь, знаешь почему? — и, не дожидаясь ответа, продолжил. — Без меня ты не выйдешь на прямую на Пузыря, а именно он платит и разрабатывает план ликвидации, зная о всех перемещениях Дворжевского и его друзей, он только со мной говорит по телефону и имеет дело. Давай, Матус, не дури, я тебе больше «зелени» подкину, если ты будешь мне более полезен. Давай фифти-фифти, в смысле тебе половина и мне половина, а про историю с Дворжевским я забуду, тем более нет человека — нет проблемы, а с нею и той мутной истории.

Матус понимал, что без Жеки не обойтись, но и оставлять свидетеля было нельзя. Конечно, он понимал, что грозный киллер Жека Бешеный ему этой выходки не простит. Для себя он решил, что, как только устроят Дворжевского, он ликвидирует Жеку.

— Ладно, Жека, — опуская пистолет, сказал Матус. — У нас нервы сейчас ни к черту. Прошу прощения, не сдержался, да и ты меня часто унижаешь. Давай лучше делать работу.

— Проехали, Матус, сделаем работу, там и поговорим, кто прав, а кто нет. — Жека теперь был совершенно уверен, что Матус не жилец, но, улыбнувшись, продолжал:

— Значит, так, завтра утром вызываем Пузыря на стрелку для расчета, забираем баблосы и валим эту крысу.

— Хорошо придумал: и волки сыты, и овцу съели, только мне еще пять тонн отстегни, а то что-то у нас не по-братски получается, как дело делать, то вместе, а деньги все тебе.

— Не ной, дешевка, добавлю тебе за вредность, только после дела.

Жека знал, что как только Матус убьет Пузыря, он устранит и его, как лишнего свидетеля, а свое оружие вложит в руки Пузыря. И пусть менты думают, что братки разборку устроили.

Утром в Смоленск из Питера прибыл поезд. Встречал его Вова Пузырь с нетерпением и волнением.

Из вагона, не спеша, вышел мужчина небольшого роста с длинными до плеч волосами в темных очках. В руках у него была небольшая, но очень дорогая сумка и футляр от скрипки. Если бы кто-то обратил на него внимание, то, наверное, подумал, что в Смоленск на гастроли прибыл артист, скрипач, и был бы недалек от истины. Он переложил скрипку в ту руку, в которой находилась сумка, и галантно подал свободную руку красивой девушке. В отличие от солидного, уже в годах, музыканта девушка на фоне выходящих из вагона пассажиров выделялась броским, ярким макияжем и каталожной стройностью фигуры. К ним подбежал полный мужчина, лет тридцати, в черном костюме и темных, непроницаемых очках.

— Приветствую вас, господа артисты, — на ходу подавая руку, обратился он к приезжим.

Скрипач подал ему руку и представился:

— Меня зовут Артист.

— Знаю, знаю, наслышан о вашей виртуозной игре на инструменте. Надеюсь, инструмент исправен? — показывая на скрипку добавил толстяк.

— Много вопросов задаешь, друг мой, — с пренебрежением, даже не глядя в сторону толстяка, произнес Артист.

— Я-я-я, — стал заикаться толстяк. — Я только поинтересовался.

— А это моя спутница, — представил Артист девушку. — Зовут Люся.

— Будем знакомы, — Володя, — прохрюкал толстяк и протянул девушке руку.

Она равнодушно, даже пренебрежительно, посмотрела сверху вниз на толстяка, качнула головой и отвернулась.

Владимир растерянно спрятал руку в карман и указал на стоящую неподалеку черную BMW. Они сели в машину, и Вован предложил поехать в ресторан перекусить с дальней дороги.

— Мы не едем сюда приехали, давай ориентировки и информацию, и мы до выполнения заказа не хотели бы больше с тобой видеться.

— А вы получили предоплату? Я вчера, как вы и говорили, перевел деньги на ваш счет. Все в порядке? — пробормотал совсем растерявшийся Вован.

— Раз мы здесь, какие могут быть вопросы. Давай ближе к делу, я не привык перед заказчиком светиться, а то из заказчика можно стать жертвой.

Владимир дрожащей рукой передал папку с фотографиями.

— Только у меня небольшое недоразумение. Те фрайера, которые наследили, укатили в Минск, а сегодня утром перезвонили, прогнали фуфел, что всех устранили. Сейчас хотят встретиться со мной, чтобы получить оставшуюся часть денег.

— Это твоя проблема, Владимир, ты ее и решай.

— Нет, вы меня не так поняли, — еще более затравленно промышчал толстяк и положил пачку долларов на сиденье около спутницы Артиста.

— Я вас прошу сделать небольшую работу, зачистить, что называется, территорию от мусора, а потом вернуться к основному заказу. Здесь до Минска всего три часа езды по лучшей дороге в СНГ, а к утру вернемся обратно.

Артист, не глядя на деньги, равнодушно произнес:

— Сколько здесь?

— П-п-пять тысяч, — заикаясь, ответил Пузырь.

Артист ухмыльнулся, скривив губы, и так же холодно и равнодушно ответил:

— Этого моей девочке на мороженое не хватит, но что не сделаешь ради моей сладкоежки, — и, погладив Люсю по гладко уложенным гелем волосам, добавил, — принцесса моя, на чем-то же нужно учиться, вот сегодня твое первое дело со мной.

Люся с таким же высокомерием посмотрела на Вована, повернулась к Артисту и прошептала ему на ухо: «Приколемся».

— Но только у меня условие, работаем по моему сценарию, я большой мастер театральных постановок, — засмеялся Артист, похлопывая по плечу толстяка.

— Заметано, — с облегчением выдохнул Пузырь, развернул машину в сторону автодороги «Москва—Брест» и резко рванул с места.

«Ну вот, — подумал Володя, — сэкономил пять штук, если повезет, то у покойничков и авансик забери, не могли же они все пропить».

У Вовы Пузыря чуйка на подставы была исключительная. Догадывался, для чего его в такую глухомань для разговора пригласил Жека. Не выполнил работу, и в наглуую позвонил и предложил рассчитаться, умник. «Думает, что я не знаю о проколе, и решил забрать оставшуюся половину денег и таким образом кинуть на бабки меня, Вову Пузыря. Кишка тонка у негодя. Теперь я сдаю, и маза будет за мной».

Не мог Вован и представить, какой прием ему решил устроить его корешок-отморозок. А если бы узнал, то хорошее его настроение враз улетучилось бы.

— А почему в Лошицком парке ты с ним стрелку забил, Жека?

— Почему, почему, по кочану, Матус. Тихо здесь поздним вечером, развалины замка очень удобны для нужной позиции. Здесь такая глухомань, что раньше, чем к утру, не хватятся, а это очень важно. У меня есть виды на его почти новую BMW, за хорошие деньжата у меня ее заберут. Не успеют менты глазом моргнуть, а мы уже в Литве, а там за недельку так красиво соберут и разберут машинку, что ни один мусор не унюхает. В Москве через газету по доверенности мы ее и толканем. Да и квартиру он новую купил, ремонтик сделал, а ключики-то, пожалуйста, в кармане у него, догоняешь, Матус? При бабках он серьезных, мы эти бабки и экспроприуем, понял, начинающий мокрушник, с каким комбинатором дело имеешь?

— Пургу можно гнать сколько хошь, а дело сделаем и посмотрим с каким комбинатором, — огрызнулся Матус.

— Кто?

— Дед Пихто. Я как и ты свои университеты прошел за колючкой, и знаю не меньше твоего, что меньше базарить надо, а точнее стрелять.

— Потихе, Матус, так и до морга можно договориться.

— Давай ближе к делу, Жека.

— К делу, так к делу. Подъезжаем, выходим, я беру у него гринь, и, как только деньги будут у меня в руках, ты его из пистолета валишь, только глушак пристегнуть не забудь, шума меньше должно быть.

Все продумал Жека, но судьба крапленые карты для него приберегла. В парковую зону медленно въехала черная BMW с тремя пассажирами и остановилась у развалин какого-то старинного заброшенного замка.

— Это здесь должно быть? — спросил Вован.

— Мы на часок раньше приехали.

— Это специально? — поинтересовался вспотевший от волнения Вован.

— Я хочу осмотреть место, где буду ставить свою новую пьесу.

— Что за пьесу? Нам нужно быстро рамс развести и в Смоленск. Какой еще театр?

Артист прижал палец к губам и тихо сказал:

— Мои зрители не любят суеты и шума.

— Какие зрители? — не унимался толстяк.

— Тише, прошу последний раз, а иначе мне придется тебя тоже убить.

Вован не ожидал такого развития события, осекся и притих.

— Чувствуешь, моя богиня? — обратился Артист к Люсе. — Они уже собрались на представление и занимают свои места. Какой вечер. Сама жизнь пытается сейчас заступиться за них, взывая ко мне этим ароматом цветов, стрекотанием сверчков и скандальным гвалтом лягушек. Слышишь? Вот и соловей запел. Это будет наш оркестр, он озвучит сегодняшнее представление. Такой июньский вечер не может быть осквернен огнестрельным оружием.

Артист достал из-под пиджака самурайский тесак. Поцеловал его, поднял вверх, в сторону восходящей полной луны. Затем, выбросив вперед левую ногу, он станцевал катю, танец черного самурая. Войдя в транс, Артист, перешагнув черту времени, оказался в Чечне.

Придя в себя, русский офицер нащупал тот самый тесак, которым он недавно зарубил двух боевиков, у себя в руках. В голове назойливо пищал целый рой комаров. Он попытался отмахнуться от них тесаком, но они почему-то не улетали. «Ладно — подумал он, там разберемся. — Странно как-то: голова даже совсем не болит». Офицер повернул тесак плашмя и в его зеркальном отражении стал рассматривать лицо. Все оно было залито кровью, а с левой стороны лба виднелось пулевое отверстие. Офицер внимательно пропальпировал его, пытаясь оценить степень повреждения. Неожиданно он правой рукой начал исследовать затылок. Большим пальцем руки нащупал такое же отверстие. Он сообразил, что пуля навывлет прошла через голову, не причинив серьез-

ных повреждений мозга. Офицер громко рассмеялся, вскинув к звездному небу руку с тесаком.

— Я бог, я бессмертен. Спасибо, великий владыка темного мира, за воскрешение из мертвых. Теперь я буду жить вечно и править твоим подземным миром. Что-то полупрозрачное появилось перед ним.

— Ты кто? — спросил офицер.

— Я сама Смерть.

— Не по мою ли ты душу притащилась старуха? — рассмеялся офицер.

— Нет, солдат, твоя душа от меня ускользнула, как и души тех, кого ты убил.

— Так в чем смысл твоего явления тогда?

— Хочу посмотреть на того, кто посмел, используя магию, воровать души грешников.

— Посмотрела? И иди себе с миром, пока я твой мир под себя не подмял.

— Я поставлена верхними богами управлять миром мертвых, а ты в сговоре с голодными демонами, которые охотятся за энергией душ людей.

— Нет, подруга моя престарелая, скоро я буду управлять твоим миром, — рассмеялся офицер.

— Тогда тебе нужно украсть у меня души 666 великих грешников, чтобы сломать мои врата. Не по тебе меч, раб, отступи, и я тебя пристрою в своем царстве на хорошую работенку.

— 666, это для меня не тема, уже сотня почти есть.

— Я знаю только о 58 похищенных душах, офицер.

— Ошибаешься, — произнес шепотом офицер, посмотрев в сторону гор, где растворился в темноте несколько часов назад отряд Али. — Можешь считать, что их уже 100.

Люся с обожанием смотрела на своего гуру, своего Воланда.

— Как красиво ты это делаешь, — шептала она, — какая сила, какая царственная грация, ты бессмертен, мой повелитель.

Вова Пузырь наблюдал за происходящим с не меньшим интересом. Он кое-что понимал в единоборствах и восточном боевом оружии, поэтому и сам был заморожен. «Только к чему этот маскарад, — в душе возмущался он, — что означают эти слова? Они точно параноики. Может, я ошибся, когда за такие деньги нанял этого Артиста? Посмотрим, если что, то и их уберу, и деньги отдавать не надо будет».

Ритуал завлечения потусторонних зрителей был закончен. Артист достал несколько купюр, достоинством в сто долларов, взял руку толстяка и острым, как бритва, тесаком провел по его ладони. Вован от неожиданности даже вскрикнул и попытался вырвать руку, но Артист держал ее с такой невероятной силой, что проще было убрать руку из-под идущего поезда, чем из тисков этого человека.

— Еще раз дернешься, и я тебя освежую от яиц до горла.

Из руки стружкой начала стекать кровь. Артист вложил купюры в руку толстяка и крепко сжал его ладонь.

— Это кровавые деньги, и, заключив сделку со мной, ты подписал договор с самим дьяволом. Когда они подъедут, ты подойдешь к ним со мной и бросишь эти деньги им под ноги. Все понял?

— П-п-понял, — перечить этому безумцу у него не было ни малейшего желания.

На поляну въехала «BMW X-5». Медленно, переваливаясь с ноги на ногу, двое двигались к одиноко стоящему около своего автомобиля Вовану.

— Что, Пузырь, дело сделано, рассчитать нас надо, — съехидничал Жека.

В этот момент из автомобиля вышли Артист и Люся, подошли к Володе и стали по правую сторону от него.

Жека и Матус переглянулись.

— Пузырь, а это кто, группа поддержки в образе старого пердуна и юной ботанички? — рассмеялся Жека.

Матус попытался поддержать веселое настроение друга, но у него получился только напряженный оскал.

Люся достала из сумочки пачку дорогих сигарет, не обращая никакого внимания на остроумных молодых людей, затянулась и равнодушно выпустила струю дыма прямо им в лицо.

— Короче, Пузырь, ты расчет подгони, и мы побыстрому линяем отсель.

— Работу, говоришь, сделал, Жека?

— А че, есть сомнения?

— Сомнений нет, сделал, значит, сделал, и, разжав кулак, бросил испачканные кровью доллары под ноги двум киллерам.

Матус наклонился, чтобы поднять деньги, и в этот момент непонятно откуда в руке того самого старого, как выразился Жека, пердуна появился тесак. Один взмах, и голова потерявшего бдительность Матуса была рассечена вдоль, от уха до уха. В следующий момент Люся со всей силы нанесла Жеке удар коленом в пах. Он согнулся и попытался достать из-за пояса

пистолет, но еще один удар тесака отсек ему кисть прямо с оружием.

Жека упал на задницу и, отталкиваясь каблуками ботинок от травы, стал пятиться. Глаза его были наполнены ужасом, он умоляюще закричал: «Волчары позорные, я вас порву». Затем перевернулся, стал на колени и сделал еще одну попытку спасти себя. Хватаясь за траву, он стал помогать себе отрубленной куксой, которая скользила по мокрой от дождя земле и только мешала ему.

Очередной удар тесаком в спину, и наружу показался разрубленный позвоночник. Еще несколько секунд жизнь продолжала в агонии бороться за свое тело. Глаза Жеки выражали полную растерянность и непонимание, губы прошептали: «Не может быть», — и замерли навсегда.

— Давай, как там они тебя назвали, Пузырь? Давай, Пузырь, тащи эти тела в эти руины, а затем погуляй немного, только гуляй молча.

Артист извлек из своей сумки две большие свечи, вложил их в руки двух своих жертв таким образом, чтобы пламя освещало их лица снизу. Затем вставил кольца с иглами и висящими хрустальными слезинками в их глаза и начал свой демонический ритуал.

Через небольшой пролом в стене Вован пытался рассмотреть то, что решили скрыть от него эти безумные и страшные люди, которых он по неосторожности нанял работать на себя. Теперь он уже жалел об этом, в страхе предполагая, что они и с ним могут поступить подобным образом.

Люся в религиозном экстазе, больше похожем на языческое состояние транса, заворуженно наблюдала за происходящим.

«Смерть, я чувствую твой запах, чувствую твое присутствие. Я буду с тобой говорить, как с равной, а не как раб твоих подземелий. Ты меня не хочешь слышать, так послушай мои стихи, посмотри, как я танцую. Я великий мастер твоего театра, твой лучший актер. Признай это, и я перестану отбирать у тебя души грешников, от которых даже Бог отвернулся. Ты не сможешь долго мне противостоять, я буду всегда, как сама вселенная, как вечность, в которой ты растворена. Смотри глазами этих ничтожных грешников на меня и присоединяйся к нашему танцу».

Вован смотрел на этот безумный ритуал, и мороз пробегал по его спине. От ужаса леденела душа и перехватывало дыхание.

Актер начал свой танец. К нему присоединилась Люся, королева этого мистического и безумного бала. Секс стал апогеем спектакля и вызовом той, которая не обладала плотью. Но смерть, всемогущая и великая, она смотрела на Артиста и ту, которую он называл королевой, глазами их жертв и кусала себе костлявые локти в безумной ненависти к этому смертному. К тому, кто способен был делать то, чем она тысячелетиями практиковала, но, в отличие от мастера, не имела власти над живым духом, над божественной душой.

За секунды до наступления оргазма они прекратили вдыхать воздух извне, а вдыхали только себя, таким образом обмениваясь душами, которыми завладела. Тело Люси забилось в судорожных конвульсиях, и от недостатка кислорода, а может, не выдержав энергии и силы великого мастера, она потеряла сознание.

По окончании сатанинского совокупления Артист подошел к покойникам и стал всматриваться им в глаза. «А... ты смотришь на меня, — обратился он к чему-то невидимому. — Нет, спектакль окончен, до следующего раза». Артист выколол ножом глаза когда-то грозному и кровожадному убийце Жеке.

Смерть и вправду не могла понять, почему те, кто не числится в ее списках, лишены жизни раньше своего срока. Было ей непонятно, где искать их души, ибо ни в царстве мертвых, ни в царстве живых их не было.

— Пузырь, ты здесь приberi. Я ополосну руки и инструмент в озере, и сразу уезжаем от случайных глаз подальше, — отдал распоряжение Артист.

Люся, придя в себя, сняла туфли, подошла к машине, открыла дверь, со всего размаху завалилась на заднее сиденье и заснула мертвым сном.

Пузырь бросился к тому месту, где лежали тела Жеки и Матуса. При свете луны казалось, что двое мужчин просто уснули сидя, прижавшись спиной к стене. Вовану стало не по себе, но желание обшарить карманы было сильнее страха. Картина, представшая перед глазами, вызвала у Вована рвотную реакцию. Окровавленное тело Жеки с рассеченной головой и выколотыми глазами выглядело как эпизод из самого страшного ужастика, который он когда-либо видел. Зрелище дополняла отрубленная кисть, которая тут же и валялась. Пузырь обратил внимание на то, что волосы Жеки были белого цвета. «Странно, вроде он был жгучим брюнетом».

Вова, с трудом сдерживая себя, приступил к шмону. Он достаточно быстро нащупал пачку денег, обильно пропитанную кровью, во внутреннем карма-

не кожаного пиджака Жеки. «Вот и славненько. Тебе они на том свете не понадобятся, а мне еще пригодятся. Да и не заработал ты их, а значит, по-честному я их оставляю себе. Без обид, Жека, без обид, мой друг».

За спиной послышались шаги возвращающегося Артиста. Вован с досадой бросил взгляд на необследованное тело Матуса и засеменил к машине. Не понравится Артисту, подумал он, если тот увидит его, да еще в качестве ничтожного грабителя трупов и свидетеля их сатанинского ритуала.

— Ты подожди меня здесь, я Христика сейчас приведу.

— Алиса, только не задерживайся, а то мне не терпится увидеть сына.

В просторную гостиную дома барона вошла Алиса с красивым, русоголовым мальчишкой. Мальчонка замер, пытаясь рассмотреть мужчину, которого он хочет назвать своим отцом. Пауза длилась несколько секунд, но Виктору она показалась вечностью. «А вдруг сынуля меня не примет или не захочет, чтобы через столько лет кто-то стал его отцом». Дворжевский рефлексивно протянул руки, и тот с криком: «Папка», — бросился ему на шею.

— Папка, я так без тебя скучал, но я знал, что ты не умер, а просто потерялся и не можешь нас найти, — шептал его сын.

Виктор видел, как заплакала Алиса. Но это были не слезы горя, их она выплакала за долгих девять лет ожидания. Это были слезы счастья. В комнату вошел барон и тоже не выдержал. Предательская слеза показала по его щеке. Он обнял свою дочь и прижался

к ее волосам. Только сейчас Дворжевский смог рассмотреть его спокойно и без эмоций.

Седые волосы барона свисали длинными прядями. В черных, как смоль, глазах выразительно просматривалась глубокая печаль человека, который много страдал в жизни. Морщины на лице говорили о благородстве души и праведности его мыслей. Пока молод, можно многое скрыть от окружающих, но, подойдя к пятидесятипятилетнему рубежу, скрыть что-то от опытного взгляда Дворжевского было невозможно. Судьба сама рисовала свои узоры в виде морщин и линий на лице. Человек, духовно небогатый, который в силу нравственных недостатков подвержен негативным эмоциям и совершал в жизни больше дурного, нежели доброго, такими линиями судьбы на лице и награждался. У барона с этим все обстояло иначе. Глаза по-мужски жесткие, но благодаря тем же линиям в них светилась его природная доброта, а смешные морщины вокруг глаз говорили о том, что он еще и весельчак, не лишенный чувства юмора. Все в его осанке, движениях и разговоре говорило только за него, о его природном благородстве и духовном стержне. Виктор еще тогда, в девятых, обратил внимание, что барон выделялся среди своих соплеменников. «Какая древняя кровь течет у моей Алисы», — подумал Дворжевский. Теперь стало понятно, откуда у его сына столько характерного для барона и его дочери величия и какой-то не детской мудрости. Он держал своего мальчика на руках, прижав к груди, и понимал, что кровь не вода, и его, кровь Дворжевского, текла в венах этого маленького существа, но уже великого по своей природе, в своих генах.

— Что, сынуля, пойдем вместе с мамой в парк, на каруселях покатаемся.

— Мне не хочется на каруселях, — рассудительно ответил Христиан. — Давай с дедом на лошадях поскочим на речку.

— Ты не боишься верхом на лошади?

— Какой же я цыган, если лошади боюсь.

Дед, улыбаясь, покручивал усы:

— Вы уж без меня, стар я, да и дел много. Так что, Христосик, ты извини, давай с папкой и мамкой на реку скачи.

— Тогда, дед, я поеду на твоём Цезаре.

— Я же, Хрис, для тебя его и растил, для внука барона.

Вора подъехал к ресторану «Семь сорок» последним. Он нервно оглянулся по сторонам, поднялся на крыльцо, отдал распоряжение охране и прошёл к давно заждавшимся его друзьям.

— Привет, пацаны.

— Давай, Вора, выкладывай, что у тебя за серьёзная информация? — поинтересовался Заря.

— Сейчас все расскажу, Саня, только скажи, ты охрану проинструктировал, что с нами не в кошки-мышки играют?

— Обижает, Вора.

— Тогда, слушайте. Дней десять назад в Лошицком парке нашли два изуродованных трупа.

— Удивить нас трупами захотел. Так у нас в Смоленске они тоже встречаются.

— Санек, не гони коней. Мой знакомый опер из ГУВД мне пояснил, что их убили странным образом. Засекли каким-то холодным оружием в одном месте,

а лежали они со свечками в руках в совершенно другом месте.

— Вора, нам-то какое дело до этих жутких историй?

— Витек, ты тоже не торопи события. У этих трупов были чем-то изуродованы глаза. А, вернее, их просто выкололи.

— Жуть какая, — сказал Гера.

— Да подожди ты ужасаться, слушай дальше. По отпечаткам пальцев были установлены личности этих жмуриков. И знаете, кто это? В жизнь не угадаете. Жека Бешеный и наш знакомый Матус.

— Не может быть, — присвистнул Гера.

— Я сам лично ходил в морг посмотреть. Пришлось двадцать баксов дать санитару. Я их точно узнал. Одному голову рассекли почти пополам, другому позвоночник рассекли и кисть руки отрубили.

— Что это значит? — спросил Заря.

— А значит это только одно, кто-то прибрался за собой, — уже тихо, вполголоса, добавил Дворжевский.

— Правильно мыслишь, Витька. И этот таинственный кто-то обязательно завершит недоделанное.

— Я не могу понять, парни, кто нашему таинственному врагу так дорогу перешел, — продолжал свои размышления Вора. — Я пробил все свои связи, позвонил в Москву, близким в Питер, но пока молчание. Никто ничего не знает. Менты уверены, что работал профессионал, вот только их смущает мистический характер убийства. Они сделали запрос на предмет схожести убийств по СНГ, если что-то будет, мне мой человек сообщит.

— Ты хочешь сказать, Вора, что за нами охотится киллер-маньяк? — спросил Дворжевский.

— Маньяк не маньяк, но охотится, это точно.
 — Друзья, нам надо быть вместе. Так с нами будет труднее справиться.

— Витек, ну что ты говоришь? — возразил Саня. — У меня столько сделок, столько дел, да и не буду я, как крыса, прятаться. Пусть этот маньяк боится меня. Еще посмотрим, кто кого?

— Я тоже не могу бросить бизнес и свои дела, — сказал Гера. — Я запускаю новую фотолабораторию, открываю ресторан в Минске.

— Делайте, как считаете нужным, парни, но хотя бы охрану наймите, оружие там какое прикупите, а то на том свете вам ваши рестораны и компании не понадобятся, — грустно вздохнув, добавил Вора.

Дворжевский взял слово:

— Друзья, мы в первый раз разделяемся в трудную минуту. Я надеюсь, мы выстоим, но перед тем как расстаться, я бы хотел обменяться с вами своими сувенирами. — Виктор достал из кармана две пули и одну протянул Герке. — Когда-то ты спас мне жизнь, теперь я имею возможность вернуть долг, — вторую он вложил в руку Саньку.

Саня замешкался.

— Бери, дружище. Сказали, что именно ты дал свою кровь мне во время операции. Я даже и не знал, что у тебя первая положительная группа. Теперь мы с тобой по-настоящему братья, только кровные. Ты единственный из нас, кто не крестился этим металлом, пусть минует тебя это испытание.

Вора снял с шеи золотую цепочку, на которой висела пуля от беспредельного «Макарова», и протянул ее Виктору.

— Витек, ты же знаешь, как мне дорога эта беспредельная пуля, но если бы ты нас не прикрыл, кто знает, кому достались бы принятые тобой пули.

— Вора, брат, на моей афганке 7.62 нет золотой цепи, но есть моя кровь, несмотря на то, что за эти годы она отполировалась, как зеркало. Мне повезло выжить там, пусть тебе она поможет выжить сейчас, — отчеканил растроганный Гера.

Друзья обнялись и, как много лет назад, встав кругом и прижавшись лбами друг к другу, повторили свой танец дворовой чести и верности.

ЗА ПАЦАНОВ!

За пацанов! За всех друзей,
Кто рядом с нами шел, в лицо судьбы смеялся,
За память их прошедших дней,
За тех, кто пацанами навсегда остался!
За пацанов! За всех друзей,
Кто смерти посмотреть в лицо не испугался,
За память их бокал налей,
За тех, кто пацанами навсегда остался.

— Алло, Витька? Привет, брат.

— Привет, Вора. А ты где?

— К Москве подъезжаю. Проехал Одинцово. Ты мне напомни свой адресок.

— Бутово, помнишь?

— Помню.

— Как свернешь на Бутово, едешь почти до конца.

Адрес: Аллея Витте, дом 4, кв. 77.

— Скоро буду.

Уже через тридцать минут Сергей Воровченко, а среди братьев Вора, стоял у подъезда дома Виктора. «Красивый район, — подумал он. — Вот найдем кил-

Генералы дворов

лера и заказчика, поквитаемся за все и обязательно в этом районе куплю квартиру».

Дверь открыл Дворжевский.

— Привет, брат Вора, привет, друг, — воскликнул он с порога, и друзья обнялись. В этот момент к друзьям подбежала Алиса.

— Сережа, привет. Рады тебя видеть, заждались, между прочим.

— Алиса, я вижу, ты в своем новом доме уже освоилась?

— Да, мне здесь очень нравится. Смотри, какая красота, — показывая на парк с водоемом за окном, ответила она. — Всегда мечтала жить в Москве, она такая красивая.

— Я тоже когда-нибудь поселюсь в вашем районе. Будем семьями дружить.

— Так у тебя же нет семьи, Сергей.

— Будет, малыш. Вот встречу такую, как ты, и женюсь.

— Таких больше нет, дружище, я последнюю забрал, — вмешался в разговор Дворжевский.

— Таких в Смоленске уже нет, но Россия велика, уверен, что рано или поздно я найду свою половину.

Виктор усадил Вору на диван, налил кофе и, напряженно глядя в глаза друга, спросил:

— Устал я прятаться в квартире, дружище. Надо как-то побыстрее выруливать эту ситуацию. Если что, подключай меня. Я как-никак, кроме того, что шансонье и песни пою, в жизни еще и наслужился, и навоевался.

— Витька, не спеши. Твоего участия пока не требуется. Я такие силы и связи подключил, что уже есть кое-какие результаты.

— Не томи, расскажи, что там у тебя за результаты?
 — Минские опера, сопоставив все данные, полученные от их коллег из России, пришли к выводу, что исполнителя надо искать в Питере. Там была серия из двадцати убийств похожего характера. У всех жертв были повреждены веки глаз и все были убиты серьезным профи. Так что я потусуюсь денек в Москве и поеду в Питер на поезде. Там у меня, в криминальном мире, надежные друзья, обещали помочь.

— Мальчишки, — вдруг решила вмешаться в разговор Алиса. — Не нравится мне все это. Чувствую, что вам надо быть очень осторожными. Сны я плохие вижу. Вот и сегодня. Вижу огромного удава, который меня и Виктора сдавил своими кольцами. Проснулась от удушья.

— Маленькая моя, ладно тебе. Все будет тип-топ, не переживай. Удава мы найдем раньше, чем он нас задавит, — ответил ей Дворжевский и нежно обнял.

— На днях Гера позвонил. Говорит, что, может, ему и показалось, но вроде за ним какая-то машина ездит по городу. Черная BMW. Я попросил его быть осторожнее.

— Вора, а давай сегодня в казино «Империя» сходим по твоим золотым карточкам. Потом моей девочке ночную Москву покажем.

— Витька, ну какой базар. Сегодня гуляем.

— Как красиво, — Алиса с восхищением смотрела на ночную Москву из окна автомобиля.

— Да, мой котенок, я с тобой согласен. Ночная Москва захватывает в сотни раз больше, чем светлая днем.

— Сколько света, сколько неона, — не унималась она.

— Мы с Ворой два колхозника, которые много лет назад приехали сюда, как и тысячи таких же ищущих счастья приبلуд. Сейчас у нас самые дорогие машины, самые лучшие женщины, не говоря о прочих пустяках, которым могли бы позавидовать даже очень состоявшиеся москвичи. Вора, а я написал песню о тебе и обо мне.

Сергеа чуть руль не выронил.

— Витька, брешь? Ты всех увековечил в своих песнях. Я думал, обо мне забыл.

— Нет, о тебе в последнюю очередь. Слишком много хотелось сказать в песне, а получилось, как всегда.

— Хорошо, — рассмеялся Серега. — Я понимаю, минуса, шминуса, гитара там и прочее. Но ты мне просто, без всего, возьми и спой.

— Серый, мы под фанеру не поем, мы шансонье. Слушай.

Мы с Ворой в детстве были пацаны проказные,
 Почти, как братья, только очень разные,
 Он пацаном считался, был грозой района,
 А, значит, был братишка часто вне закона.

Скажу вам честно, мы хохмили с другом кручено,
 И много денег было нами получено,
 Менты по сотне эпизодов предьявляли,
 Но есть друзья, и мы с братишкой не пропали.

Эх, Вора, брат Серега, что нам просить у Бога,
 У Бога попрошайки не в цене,

Но дружбы-то, Серега, не бывает много,
Пусть Бог простит, и дружбы даст вдвойне.

Спустили мы пары, но, как и прежде, двое,
Поем шансон про наше детство воровское,
Нас разделяют тоска и километры,
И в наших судьбах сквозняки и ветры.

Ветрами запада в Москву его заносит,
Блатную Мурку Вора спеть меня попросит,
И мы пускаемся в такие походы,
Поет душа, ну, а в Москве царит веселье.

Там, где мы жили, детство наше зависает,
Пусть Беларусь без нас немного поскушает,
Бывает разное, раненья ножевые,
Но рано пить за упокой, ведь мы живые.

У нас прикиды и машины новые,
А мы все те же, пацаны дворовые,
Жиган-лимон всегда останется жиганом,
А я пою шансон, хотя был хулиганом.

Пауза длилась несколько секунд, и Дворжевский уже начал ерзать на сиденье.

— Витька, пока ты пел, я всю свою жизнь заново пережил. Все вспомнил, ничего не упустил. Есть мгновения, которые могут изменить все. Казалось, мелочь, но именно из этих частичек и состоит наша жизнь. Вдумайся, сколько у нас было знакомых, друзей, девушек. А кто остался в нашей памяти? Единички. Нам говорят множество комплиментов. А вот слушать хочется лишь некоторых, близких нам по

жизни и душе людей. Все остальное театр или, если хочешь, пудра. Грим, скрывающий истинное лицо, часто прыщи и другие недостатки и убожества человека, но не на физическом уровне. Это пудра, маскирующая негатив души.

— Сережа, я не ожидала услышать от человека, который провел столько лет в неволе, таких речей, — с удивлением отметила Алиса.

— Знаешь, девочка, я за свои одиннадцать лет в лагерях не только в карты играл, я еще и книжки читал. Алисочка, если бы ты знала, сколько сброда прибивается к такому явлению, как воровские убеждения. И тюрьма для них чужда. Тех, кто пропитан настоящей воровской идеей, единицы. Это их жизнь, они ее сами выбрали для себя. Не нам их судить. Хуже, когда молодняк начинает притворяться, обманывая себя, говорит, что зона — это их дом. Потом, столкнувшись с трудностями, разочаровываются. Есть в лагере такая категория арестантов, их называют разочарованные. По молодости и я думал, раз убежал, значит, не догнали. Только сейчас понял, что не всякий, кто за тобой гонится, обязательно сука.

— Вора, мы столько лет рядом прожили, а так мало знаем о душе друг друга. Можно книгу писать, и это будет бестселлер, поверь мне, — прокомментировал воодушевленную речь своего друга Дворжевский.

Вора задумался, но через минуту продолжил разговор:

— Витька, сейчас негодяев — через одного, просто не хватит жизни указывать им на их место.

— Брат Вора, я, может, не все уловил? Дело в том, что важно, указывая другим на их место в жизни,

при этом знать и свое. У меня однажды случай был, который надолго запомнился. Я строил себе коттедж в поселке. После обильных дождей дорогу размыло и, не доехав двести метров, я вынужден был оставить машину. В машине осталась ждать меня беременная жена моего друга — она попросила, чтобы я подвез ее к поликлинике. Вернувшись через какое-то время к машине, я застал ее в слезах. Она не хотела говорить о причине своих слез, но я настоял. Оказывается, когда меня не было, к ней подошел пьяный экскаваторщик, который рыл яму под фундамент строящегося рядом дома, и через окно телодвижениями и знаками предложил секс по-пролетарски, а затем еще и оскорблять начал, проституткой и блядью называл. Она сильно испугалась, закрылась в машине и расплакалась. Я подошел к подонку, взял его за шиворот при всей его пьяной бригаде, приволок к ней. Он долго перед ней извинялся. Я его не ударил ни разу, отпустил. Извинение не есть осознание ничтожности поступка и бедности души. Я стараюсь никого не осуждать. Знаешь, почему? Осуждая духовное и нравственное ничтожество себе подобных, мы осуждаем Бога, осуждаем себя. Мы тоже в прошлых жизнях, возможно, даже точно, совершали дурные поступки. Я думаю, что в том древнем прошлом на нашем пути встречались великие мудрецы, которые, как и мы сейчас, дали шанс к эволюции тем обезьянам, из которых мы состоялись.

— Виктор, я не совсем понимаю, о чем ты? Я бы ему стамеску по рукоятку в бочину загнал.

— Вора, стамеску в бок, это, может, и по-жигански, но не по-пацански, это точно. Среди нас, спортсменов, всегда считалось дурным тоном доказывать

свою точку зрения, выдвигая за аргумент нож, если только твоей жизни не угрожает серьезная опасность. Знаешь, сколько я этих людишек перебил. Негодяй, который глумился над беременной женщиной в пьяном угаре, всего лишь та духовная обезьяна. Представь, я его избил бы и грубо унизил, указал ему его место. Ты думаешь, зла стало бы меньше в мире? Нет, его бы стало значительно больше. Эта та библейская заповедь: «Если ударили тебе по одной щеке, подставь вторую». Если мы избили, как нам показалось, плохого человека и думаем, что наказали зло, то глубоко ошибаемся. Мы показываем не силу свою, а расписываемся в слабости, сами становимся вне божественного закона. Униженный и посрамленный придет домой и всю свою обиду и злость выместит на жене, детях, на тех, кто слабее его. Что, от этого зла станет меньше? Он же не раскаялся в своей злобе. Он с новыми силами продолжал бы унижать и избивать слабых, низко и подло пытаясь раздавить их природу и индивидуальность. Представь, что, кроме меня, его еще кто-то наказал несколько раз таким вот образом? Вот тебе и маньяк подросток. И ему однажды обязательно придет на ум кого-нибудь убить или изнасиловать. Так скажи мне, дружище, неужели ты не согласен с истиной, что зло всегда порождает зло. Все другие толкования как раз и будут той пудрой, о которой ты только сейчас говорил. Я повторюсь, ударить просто, подвиг — не ударить! Коня на скаку остановить — это ничто по сравнению с таким поступком, как милосердие. «Не убий» — это не всегда трактуется как предостережение. «Не убий», если можешь, благих намерений человека, его убеждений, любви своего ребенка к тому, кого вы отказались принять в

свой, часто ограниченный в силу неразвитости духовных энергий, круг.

Давай я тебе стихи свои прочту. Написал я их давно, но актуальности они от этого не потеряли.

«От добра добра не ищут», — мне сказал отец однажды,
А богатый — часто нищий, умереть нельзя, брат, дважды.
Часто верный друг — твой враг, ну а враг, по сути, — брат.
Да и крест не значит знак, что в раю нам кто-то рад.

А тюрьма — еще не повод ломать жизнь, как карандаш,
И зима в тайге — не холод, это только лишь пейзаж.
Дождь в судьбе — не есть ненастье, с бабой спать —
не есть любовь,
Все иметь — не значит счастье, нос разбить — не значит в кровь.

Самолет — не есть полет, это — платная услуга,
Грязь свинья всегда найдет, но найдет ли она друга?
И светить — не значит греть, а молчать — не значит слушать,
Жить, браток, — не есть стареть, ну а жрать — не значит кушать.

Быть бомжом — не значит сброд, это — духа состоянье.
И толпа — не есть народ, победить — не есть признание.
Воровать — не значит вор, да и мент — не значит сука.
Говорить — не значит вздор, а грустить — не значит скука.

Зазвенел телефон. Виктор посмотрел на определитель номера.

— Из Беларуси. Телефон жены Геры. Сейчас похвастаемся, что едем гулять, — Виктор взял телефон и по его виду сразу все поняли, что что-то произошло.

— Серый, разворачивай машину, едем в Минск. Герку убили.

— Пузырь, будешь много знать, долгожителем не станешь. Подробности тебя просто убьют.

— Артист, но я должен знать, что происходит. Скажи хотя бы, куда мы сейчас направляемся?

— На очередное представление, это не совсем удачно прошло. В Смоленск давай, прямо сейчас выезжаем, — резко и зло бросил Артист.

— Прямо ночью?

— Утром может быть поздно. Хватятся и обязательно позвонят этому Заре в Смоленск. Пока мы бдительность его усыпили, сами не проявляясь, поэтому проще будет его устранить. Тем более я знаю, что у него романтическое свидание с красивой девушкой. Что это значит, Пузырь? А это значит, что из ресторана он направится провожать ее домой. Вот там мы его, ничего не подозревающего, и возьмем, прямо у двери квартиры.

— А если охрана с ним будет? — возразил Пузырь.

— Ну кто с охраной ходит к своей даме да еще втайне от жены.

— Нет, Пузырь, к подъезду он будет подходить один. Я его просчитал. Этот Заря слишком самоуверенный человек и презирает саму мысль о страхе.

Артист был не просто зол, он был в бешенстве. Первый раз у него не получилось довести все до конца. Как все было продумано. Две недели наблюдал, информацию о перемещениях, вкусах, связях собирал. Просчитал все до мелочей, и тут срыв.

— Люся, что было не так? — раздраженно спросил Артист.

— Не знаю, любимый, но что-то по ту сторону этого мира нам помешало.

— Я тоже почувствовал это.

Артист продолжал размышлять дальше, вспоминая все детали события. Он вроде все просчитал. Узнал характер жертвы, его наклонности, но осечка.

Офицер спецназа ГРУ шел почти целую ночь по следам скрывшегося отряда боевиков. «Непонятно, — размышлял он про себя, — у меня сквозная дырка в черепе, а голова даже и не думает болеть. Кто же мне помогает? Почему так произошло, что выстрел, от которого я должен был умереть, не просто не убил меня, но сделал голову какой-то проясненной. Нет, значит, не зря я увлекался столько лет оккультной практикой, думал уже, что бред какой-то, а получилось совсем как в тайных магических писаниях. Смерть моих товарищей у меня на глазах, что-то сдвинула в моем сознании, и я перешел в пороговое состояние сознания, переступил через черту в другое измерение, значит нужно сейчас завершить начатое».

Офицер был уверен, что если он убьет того, кто у него попытался отнять жизнь, и завладеет его душой, завладеет и силой этого могущественного полевого командира, араба Али-Абу-шаха.

Вдали показался дымок костров ночного лагеря боевиков.

«Вот звери, ничего не боятся у себя в горах, даже костры разжигают открыто, — подумал офицер. — Но мне это только на руку, передую их всех, одного за другим».

Незамеченным, по всем правилам, которым учили в спецподразделениях, офицер подобрался к охране лагеря. В руках как мистическое оружие возмездия был один лишь тесак очень старого происхождения, похоже, японского. Древние иероглифы, начертанные

на лезвии тесака, внушали ему мистическую самоуверенность. Подкравшись вплотную к часовому, офицер вдруг захотел посмотреть в глаза своей жертве. Дотронувшись до плеча боевика, он дождался поворота головы в свою сторону. Несмотря на то что моджахед был под кайфом, увидев воскресшего русского и от ледяного ужаса, который смотрел ему прямо в глаза, глазами офицера спецназа, он и без помощи русского умер бы от разрыва сердца, но свист режущего остатки ночи тесака уже коснулся его уха. Боевик упал на камни древних гор, которые за свое вековое молчание вдруг издали протяжный стон, а через секунду в ущелье завывли голодные волки, почувствовав приближающуюся бойню. Али проснулся и напряженно стал всматриваться в приближающийся рассвет. Что-то страшное он предвещал старому арабу, но, Али, будучи суровым воином ислама, подавил в себе признаки беспокойства и перевернулся на другой бок.

Кружась вокруг лагеря, как демон из древних легенд, офицер вырезал своим страшным оружием боевиков Али, как голодный зверь, отрезая у каждого ухо или палец. Рассвет озарил величественные горы Кавказа, но вместе с взошедшим солнцем лагерь боевиков вздрогнул от дикого крика араба-наемника. Подбежав к Али, он, как безумный, мешая арабскую речь с чеченской и русской, стал показывать на вершину ущелья рукой, что-то в страхе бормоча. Проснувшийся Али заметил отрезанное ухо у бойца, но, получить хоть какой-то внятный ответ о произошедшем не смог. Разбуженный лагерь, осмотревшись, застыл в немом оцепенении, везде лежали трупы боевиков. Пройдя по лагерю, на время потеряв дар речи, Али схватил автомат и

полный рожок разрядил в сторону ущелья. Придя в себя, он приказал допросить того, кто остался жив, но лишился уха. Наемник поведал, что он проснулся от боли. Над ним, с тесаком в одной руке и только что отрезанным ухом в другой — стоял тот самый русский офицер, которого Али лично застрелил выстрелом в голову. Лица слушающих боевиков заметно напряглись и выглядели больше растерянно, нежели дерзко и нагло, как несколько часов назад, когда казнили русских солдат, отрезая головы.

— Кто мне скажет, что происходит? — выйдя из оцепенения, произнес Али.

— Вы хотите сказать, что двадцать два лучших воина ислама были зарезаны, как овцы, одним сумасшедшим русским офицером, да еще и с прострелянной головой?

— Али, — обратился к командиру его заместитель Тимур. — Командир, у тебя отрезана часть бороды.

Али бросился к сумке, в которой лежало зеркало, и, посмотревшись в него, растерянно посмотрел на своих бойцов.

— Что происходит здесь? — прошептал он.

Вместе со всеми оставшимися боевиками он открыл беспорядочный огонь со всех видов оружия по ущелью, скалам, даже просто камням, в страхе подозревая, что бессмертный русский прячется где-то неподалеку.

Гера поздно уходил домой из своего офиса, который был еще и музеем. Его «Мир фото» был известен во многих странах мира тем, что там размещался самый большой музей фотоаппаратов в Европе. На полках

стояли тысячи моделей и примерно сотне из них позавидовали бы многие коллекционеры мира. Вот и сейчас он задержался в музее в связи с приобретением фотоаппарата «ФЭД», который Сталин подарил в тридцать восьмом году командующему Киевским особым военным округом генерал-полковнику Г. К. Жукову. Гера, перед тем, как установить новый раритетный экспонат на подготовленное еще месяц назад место, долго его рассматривал. Он дал себе слово, что это последняя его покупка. Как-никак, семьдесят тысяч долларов, которые он выложил за него, пригодились бы в бизнесе. Он чувствовал, что более чем полуторамиллионное вложение в свой музей сдерживало рост его небольшой, но уже финансовой империи, не позволяя свободные оборотные деньги вкладывать в дальнейшее развитие его многочисленных фирм.

Увлеченный своим занятием, он не заметил, что кто-то тихо вошел в выставочный зал. Послышалось легкое шарканье, Гера обернулся и увидел человека с пистолетом в руках.

— Ты как сюда попал?

— Тебе бы лучше о другом спросить.

— А... Я догадался, ты тот самый маньяк.

— Нет, я не маньяк, я тот, кто похищает души у грешников.

— Тогда тебе не повезло, я не скажу, что чист перед небесами, но моя душа принадлежит Богу, и не думаю, что он позволит какому-то больному ее похитить.

— Ты готов это проверить? — также холодно и спокойно спросил Артист.

— У меня есть выбор?

— Нет, выбора у тебя нет.

Артист вскинул руку, но в этот момент в зал вошла девушка.

— Люся, я же сказал, сегодня я один. Почему в машине не осталась?

— Как же я могла пропустить новую постановку, мой бог?!

Неожиданно раздался грохот. Артист обернулся, но перед его глазами уже была разделяющая охранная решетка.

— Ты хотел добраться до моей души, — рассмеялся Гера, — доберись хотя бы к телу, выродок.

Гера знал, что смерти не избежать, но он не мог позволить этому чудовищу поглумиться над собой. Его музей был оборудован современной системой защиты от похитителей. Он даже и предположить не мог, что установленная решетка для задержания преступников ему когда-нибудь пригодится.

— Да, маньяк, просчитался ты в этот раз. Видишь, всего маленькая кнопочка на брелке ключей, чик, и ты в отставке, — дразнил Гера убийцу.

Артист застыл, не зная, что делать дальше.

— Тебе, чтобы не было совсем весело, скажу, что завтра всех твоих друзей я уничтожу, но так, что ужаснутся даже видавшие виды могильщики.

Страх застыл в глазах Геры, но навстречу ему уже летел безжалостный кусок свинца. Время замерло на доли секунды. Гера прошептал: «Господи, спаси друзей». Безжалостная пуля, описывая вращения против часовой стрелки, посланная дикой яростью и потусторонней злобой Артиста, прокладывала себе путь к цели по заданной мистической траектории.

...Гера был убит одним выстрелом в голову. Осунувшись по стене, у которой стоял, полусидя, он смотрел на Артиста. Гера смеялся и презирал своего убийцу, даже из мира теней. В первый раз Артист не смог отыграть тщательно заученную роль. Он понимал, что-то не позволило ему это сделать. В его ушах гремел пронзительный смех, а перед глазами возникло нечто бесформенное и прозрачное.

— Глупец, решил со мной поиграть? Ты позволил себе подумать, что тебе подвластно то, чего даже я не могу. Ха-ха, — смеялась Смерть. — Знаешь, где ты просчитался, мастер?

— Где? — спросил растерянный Артист.

— В выборе жертвы, ничтожный раб. Важное звено в ритуалах утеряно, и магическая цепь действий порвана. Ты не сможешь уже похищать души грешников. Когда настанет твой час, а я ясно его сейчас увидела, придется вернуть все мне. Тебя же, ничтожество, я, так и быть, возьму к себе мусор прибирать.

— Нет, дамочка, еще не вечер, еще не все потеряно. Я докажу, что ты не всесильна. Ты еще будешь умолять меня, чтобы я не отнимал твои силы. Ведь с каждой похищенной мною душой ты слабеешь и разрушаешься, и когда этих душ будет ббб, я стану бессмертным. Я буду управлять твоим астральным миром, а ты в служанках у меня будешь ходить.

Белое приведение рассеялось, но Артист, как заипнотизированный, продолжал стоять.

Люся заметила, что с Артистом что-то происходит, подошла и взяла его за плечо.

— Повелитель, очнись. Нам пора уходить.

Артист открыл глаза, резким движением схватил Люсю за горло.

— Это ты все испортила. Из-за тебя, женщина, я упустил его душу, став посмешищем издохшей тысячи лет назад бабы.

Люся, пытаясь освободиться, схватилась обеими руками за сдавившую горло руку, но сила Артиста была так велика, что теперь ей самой нужно было спасать жизнь.

Мастер разжал ладонь, и Люся со всего размаха упала к его ногам.

— Прости меня, мой повелитель. Я хотела только посмотреть еще одну часть этого потрясающего представления, — не говорила, а хрипела она.

Он обнял и поцеловал ее в лоб.

— Никогда больше не мешай мне. Я сам тебя приведу к тому, к чему стремлюсь.

— А к чему ты стремишься?

— К бессмертию.

— И я тоже стану такой, как ты?

— Ты не просто сможешь стать такой, ты будешь вместе со мной управлять этими смертными.

— А с кем ты разговаривал только что?

— А ты что, ее не видела?

— Кого ее? Ты разговаривал с пустотой.

— Она и есть пустота. Она сама Смерть.

Трое друзей на огромной скорости ехали в сторону Минска. «Мерседес», как огромный монстр, пожирал дорожное полотно и пространство. На спидометре стрелка то и дело заваливалась за двести. Дворжевский хорошо знал дорогу, по которой проехал не одну

сотню тысяч километров за эти годы, постоянно мотаясь из Минска в Москву, а затем обратно.

— Любимый, — обратилась Алиса к сидевшему за рулем Виктору. — Приедем на час раньше или позже, мы уже все равно ничего не сможем сделать. Гера умер.

— Нет, родная. Телефон Сани не отвечает. Он отключает его, если не один. Он с Яной сейчас, наверно. Нам надо спешить, он, возможно, следующий. Заберем его по дороге и, если все в порядке, в Минск едем. Сейчас вместе надо быть, похоронить друга нужно обязательно. Его жена, Галина, может не справиться одна с этим горем.

Вора находился в подавленном состоянии. Он только шептал:

— Прости, брат, не успел я. Прости меня, я должен был предвидеть это.

— Алиса, ты должна остаться у отца. С нами ты в большой опасности.

— Родной мой, я же тебе сказала, что моя жизнь целиком сейчас связана с твоей. От судьбы и от любви не убежишь. Я должна быть только с тобой.

— Девочка родная, я не переживу, если с тобой что-то случится.

— Виктор, но если с тобой что-то произойдет, я не смогу себе простить, что была не рядом.

— Витька, Алиса права, — сказал, выйдя изцепления, Вора. — Не для того она столько выстрадала, чтобы прятаться, когда ты в такой опасности.

— Хорошо, котенок, только дай мне слово, что будешь делать только то, что я скажу.

— Обещаю, что буду и в горе, и радости, и в жизни, и смерти с тобой, — произнесла слова клятвы, кото-

рую они давали перед священником и Богом, Алиса и поцеловала Дворжевского.

Уже светало, когда на большой скорости в Смоленск въехала черная BMW.

— Успеваем? — обратился Пузырь к Артисту.

— А как же. Пусть влюбленные нагуляются.

— Послушай, Пузырь, а чем тебе не угодил этот певец? — вмешалась в разговор Люся.

— Он бабу у меня увел и меня при ней унизил сильно.

— Что, так сильно, что ты решил убить не только его, но и его друзей?

— Нет, только его. Это потом я понял, что его будет трудно завалить, не устранив остальных, да и не нравится мне, когда у одного все: и положение, и слава, такие друзья, а у другого ничего. Есть у меня схема, как после смерти его друзей можно кое-что прибрать себе.

— А я думала ты идейный, Володя.

— Так в этом и вся идея. Наказать того, кто рот на меня открыл и вздумал дорогу перейти в непопозволенном месте. И тех, кто за него встал. Каждому свое.

— Вот здесь ты прав, — сказал Артист. — Каждому свое. Только ты знаешь, что свое, Пузырь, а что нет?

— Что отхапаю, то и мое, — злобно ухмыльнулся Вован.

— Как знать, как знать, дорогой. Поживем — увидим.

Саня с Яной вошли в небольшой двор по улице Николаевой. В ее руках был большой букет красных роз.

— Санечка, ты, может, зря охрану отпустил?

— Яна, мне ее и в постель с нами уложить?

— В постель... Прикольно было бы.

— Шуточки у тебя, Яна, конечно, неприличные.

— Я само неприличие, дорогой.

— Вот, погоди, сейчас придем домой и отлуплю я тебя, карамелька моя.

— Ой, плеточкой хочу и чтобы в наручниках.

— Будешь издеваться, высеку точно. Вот и подъезд твой. Давай, открывай замочек.

— Санечка, я такая пьяная, что не могу найти ключи, — ковырялась в сумочке Яна.

— Ну вот тебе и на. Ты еще скажи, что потеряла.

— Любимый, я не могу их найти. Наверно, у тебя в офисе, в пиджаке моем кожаном. Я там его оставила. Что делать будем?

— Что делать, что делать? Я сейчас домой поеду. А ты сиди на лавочке и жди, когда откроется офис и тебе привезут твой пиджак.

— Са-а-аня. Ты же не бросишь даму одну. А?

— Сейчас позвоню охране, пусть сгоняет.

— Какой ты у меня хороший, — зависнув у него на шее, промурлыкала Яна.

— Телефон надо включить. Я его всегда выключаю, чтобы жена и работники не беспокоили, когда я на амурных делах.

Заря набрал номер начальника охраны Кости.

— Костян, прости, брат. Моя девушка склерозом детским страдает. Давай, прокатись в ресторан и в офисе захвати ее пиджак, а потом сюда сразу. Ну вот, максимум через полчаса ключики будут у нас, — широко улыбнувшись и обняв Яну, радостно сказал Саня.

- Ты зачем телефон опять отключил?
- Чтобы не мешал нам с тобой соловьев слушать.

До Смоленска оставалось километров пятьдесят.

— Витек, если не маньяк, то ты нас угробишь точно. Двести двадцать по этим дорогам — перебор.

— Вора, все в порядке, нам бы только успеть. Позвони еще разок, может, Заря трубу свою включил.

Вора уже в тысячный раз набрал номер телефона.

— О, занято. Включил мобилу все-таки.

У Дворжевского прояснилось лицо.

— Вора, давай, давай, постоянно звони, а то у меня предчувствие дурное.

В телефоне Вора услышал опять тот же ответ оператора: «Абонент не отвечает или находится вне зоны действия сети».

— Вот Штирлиц зашифрованный. Как чекист, законспирировался.

Виктор опять и опять вспоминал Геру. Детство, юность, Афганистан особенно.

«Как так, — думал он. — Столько прошел, столько раз смерти в глаза смотрел. В Афгане выжил, мне жизнь спас, а сейчас, когда только начал жить, погиб от рук каких-то тварей». Злоба и отчаяние переполняли Дворжевского. Он не знал, что ему делать. В голове пронеслись самые неожиданные мысли и идеи. Кто мог это сделать? Кому мы могли понадобиться? За что?

— Вора, надо найти этих подонков и за Герку отомстить.

— Это самое малое, что мы можем сделать, брат. Я скажу тебе больше. Буду по кускам резать этих

сучят и у них же на глазах собакам скармливать. Не он маньяк, теперь маньяк я. Я открываю на них охоту.

Артист не мог взять в толк, что происходит? Почему эти двое не поднимаются в квартиру, а, взявшись за руки, гуляют по двору? Было уже пять часов, еще немного и дворники начнут убирать улицу, а люди пойдут на работу. Он открыл окно и начал прислушиваться к разговору гуляющей парочки. По обрывкам долетающих до него фраз он понял, что вся операция на грани срыва. Понимал он и то, что если Заря сейчас узнает о смерти друга, исполнить задуманное будет трудно или даже невозможно. Они ударятся в бега или, что еще хуже, из потенциальных жертв перейдут в ранг охотников. Нужно было принимать решение. Артист колебался. В сердцах он досадовал, что, как предсказала ему Она, вся схема начала ломаться. Он не хотел даже думать, что его планы могут не осуществиться. Артист достал из кармана небольшой пакетик с белым порошком, высыпал щепотку на подоконник, затем через небольшую трубочку втянул его в себя. В голову ударила приятная энергетическая волна. Он почувствовал прилив сил, и быстро принял решение. «Ну, что, сучка костлявая, на этот раз твоя взяла, но не думай даже радоваться. Я хотел сохранить жизнь этой случайной девушке, но теперь не дожدهшься. Посмотрим, есть ли в твоих списках эта молодая красотка. Побойся Бога, который пристроил тебя на эту работенку, доверив приходиться за обреченными и вести бухгалтерию.

Из-за тебя я лишу жизни сейчас невинное существо, — Артист рассмеялся. — Я сделаю больше. Не только певца убью, но и его цыганку. Ты уволена, госпожа нижнего мира».

Артист достал два пистолета с глушителями и двинулся к выходу из подъезда. Он размахивал пистолетами, танцевал свой танец и смеялся, презирая ту, которую он только что уволил. В мистическом экстазе он вылетел из подъезда и чуть не сбил с ног гуляющую парочку.

Два глухих шелчка, и все было кончено.

Заря и Яна лежали на асфальте и влюбленно смотрели друг на друга, как бы говорили: «До встречи в следующей жизни». В растекшейся на асфальте луже крови лежали ярко-красные розы.

Артист был потрясен.

— Почему? — закричал он, как затравленный зверь. — Почему они смеются надо мной?

Смерть глазами влюбленных смотрела на убийцу, на того, кто совсем недавно хотел завладеть ее миром. Она, как змея, шептала ему на ухо: «Ты ничтожество. Смотри в глаза тем, кого ты лишил жизни на земле, но подарил бессмертие на небе и вечную любовь. Для них смерти нет, глупец, есть только новая жизнь. Ты их сделал мучениками, а значит святыми».

— Почему, скажи мне, сучка, у меня все получалось до них? Почему сейчас ничего не выходит?

— Глупец, ты так и не понял. Они не грешные в отличие от тех, кого ты убивал раньше. Лишив жизни этих, не замаравших себя созданий, ты вступил в конфликт не только со мной, ты бросил вызов небесному Владыке и армии его ангелов.

...Во двор въехал «Мерседес», из которого выскочил Дворжевский и Воровченко.

Вора выхватил пистолет и бросился к лежавшим на земле друзьям. В этот миг из ехавшей им навстречу черной BMW прозвучало несколько выстрелов.

Из машины выскочила девушка, схватила растерянного киллера и втолкнула его в машину. Дворжевский перехватил у Вору пистолет и несколько раз выстрелил вслед удаляющейся BMW. Было видно, что обе пули попали в цель, пробили багажник, но не причинили вреда уже скрывшимся за углом отморозкам.

Возле Саньки и Яны сидели Вора с Виктором и плакали. Рядом рыдала Алиса и что-то шептала на цыганском языке. Собравшиеся на выстрелы люди обступили их и с любопытством рассматривали убитых.

— Опять эти бандитские разборки, и когда же они все друг друга перестреляют? — сказала женщина лет сорока.

— Какие красивые молодые люди, — поддакивала ей соседка помоложе.

— Закройте рты, циничные существа, — закричал Дворжевский. — Вы даже перед лицом смерти сплетни плетете. Вон отсюда, паскуды подлые.

Вора поднялся и начал грубо расталкивать толпу зевак.

— Пойдем, пойдем, — сказал мужчина своей жене, — видишь, горе-то какое, а вы, как бабы базарные, себя ведете.

После всех пояснений для сотрудников милиции, друзья сидели в машине и решали, что делать дальше. У Сани Зарянова не осталось никого из близких.

Мать его умерла, а жена отказалась хоронить его, когда узнала о Яне.

— Не будем осуждать ее, Виктор, даже если она не права, — грустно прокомментировала Алиса.

— Нет, моя девочка, дело не в осуждении. Хотя бы за то, что все осталось ей и дочери, она могла поступить по-христиански. Тем более что он разводился с ней.

— А что Яна?

— Яна-то сирота. Ее родители разбились на машине, отправившись на юга загорать, а воспитывала ее бабушка, которая год как богу представилась.

— Вора, если жена отказалась от него, и хоронить некому, я предлагаю, похоронить их с Герой вместе в Минске, в одном месте. Пусть друзья и после смерти будут вместе.

— Хорошо, Витька. Я все решу.

Дворжевский выглядел раздавленным. Впалые щеки и большие черные круги под глазами говорили о бессонных ночах и пережитом.

— Виктор, не убивайся так, любимый. Я знаю, как тебе дороги твои друзья, но их уже не вернуть. Надо держаться. Ты же мужчина.

— Солнышко, я все понимаю, но не могу сердцем принять, что тех, кто мне был ближе всего на свете, уже нет. Кроме Воры, тебя с Христиком и двоих моих детей, у меня больше никого не осталось. Мне кажется, что и вас я могу потерять. Тогда какой смысл жить.

— Но нас ты пока не потерял. Давай держаться.

Опять, уже десятый раз подряд, зазвонил телефон.

— Виктор, я подниму, может, что-то важное. Алло.

— Алиса, ну что ж вы не поднимаете трубу?

— Сережа, ты знаешь, какой сейчас Виктор.

— Нам всем трудно, но может быть и хуже. Дай Витю.

— Да, Вора. Что у тебя?

— Витька, я знаю имя киллера. Мне позвонили друзья из Питера.

— И кто это?

— Они знают только, что его зовут Артист. Бывший спецназовец, который в Чечне потерял всех своих бойцов и друзей. Говорят, что он тронулся головой и живет на своей волне. Я сейчас отдал своим пацанам распоряжение выдвигаться в Питер на его поиски, но боюсь, что он где-то здесь. Будь осторожен, он убивает не за деньги, он просто отморозок, помешанный на какой-то магии Вуду. Я выезжаю к тебе, а то менты достали с этими показаниями. Я отказался с ними встречаться, пока не похороним друзей. Держись, друг, я буду через полчаса. Все расскажу, что об этом Артисте узнал.

— Ну вот, котенок. Теперь мы будем за ним охотиться. Вора узнал, кто наш палач.

...Вора спешил к Дворжевскому. Он тоже не спал в эту ночь. Много раз сталкивался с серьезными опасностями в жизни, но всегда, или почти всегда, выходил сухим из воды. Но сейчас все было совсем по-другому. Он предчувствовал, что что-то неизбежное приближается к нему, то, с чем он еще никогда не сталкивался. Последние две недели его не оставляло желание исповедаться, и он решил съездить к

братьям в Жировичский монастырь. Брат Николай, святой человек, давно приглашал к себе. «Похороним с Витькой друзей и в Жировицы на несколько дней. Дух просит обнулиться, покаявшись». Вора был вчера у мамы, сына проведаль. Расставался с ним, как будто прощался.

— Папка, а ты скоро вернешься?

— Русланчик, схожу на работу и вернусь.

— Папулька. Разлука не для нас с тобой. У нас ведь одно сердце на двоих.

Вора вышел из квартиры. Открыл металлическую дверь подъезда и замер: на крыльце были разбросаны несколько карт — четыре туза и две дамы, с клеенными в них фотографиями. На фотографиях Геры, Зари и Яны были выколоты глаза. На оставшихся двух тузах и крестовой даме были нарисованы мишени. Вора взял пикового туза со своей фотографией в руки и задумался. Странно, что дверь не закрылась доводчиками, как обычно, сама. Он понял, что Артист сзади, и попытался выхватить спрятанный под рубашкой пистолет, но последнее, что услышал, был хлопок выстрела. Вора упал на землю. Его глаза, как и глаза всех его друзей, смотрели в бесконечное голубое небо. Его душа рванулась к тому, кто его уже ждал на той стороне мира, к Богу.

Весь небольшой дворик разрывался от истерического смеха Артиста. Птицы, сидевшие на ветвях деревьев, в испуге поднялись в воздух, чтобы улететь подальше от этих страшных энергетических вибраций. Бездомная собака, вбежавшая было во двор в поисках пищи, поджала хвост и бросилась прочь.

...В стареньком деревянном морге в комнате для прощания с усопшими стояли четыре гроба. Рядом с ними на старых, как и само здание, стульях сидели Алиса и Дворжевский. В его руках был подаренный Сергеем еще в Москве, накануне отъезда, пистолет марки ППС.

— Друзья мои. Я знаю, что вы еще здесь, в этом мире. Я знаю, что вы слышите мои слова. Простите. Не сумел я предотвратить вашу смерть, сберечь не сумел. Я знаю, что вас там встретит мой ангел-хранитель, отец Борис. Жизнь на земле, это вспышка на небе. Знайте, мои друзья, что однажды мы с вами встретимся. Пацаны, я за вас обязательно отомщу.

Ком застрял в горле Виктора и не позволял ему говорить дальше. Он мужественно держался, но опять эта чертова слеза сорвалась, прорвав затор изо льда его воли, покатила по щеке прямо на холодную, вороненую сталь пистолета. «У силы воли, тоже есть предел», — подумал он. За спиной зарыдала Алиса. С друзьями Виктора она была знакома чуть больше двух недель, но казалось, что знала их целую вечность. Дворжевский встал и подошел к столам, на которых стояли гробы с телами его близких.

Заря с Яной... Виктор положил им в ноги по две розы. Казалось, они и сейчас улыбаются. Тела их были развернуты друг к другу, даже сейчас они хотят быть ближе.

В памяти, как специально подготовленные для показа кино, поплыли картинки из их прошлого. Тот отчаянный поединок, где встретились два бой-

ца с амбициями победить и завоевать целый мир. Их трогательное прощание перед тем, как уйти в армию.

— Саня, — вслух произнес Виктор, вспомнив пьяные совместные загулы, — надеюсь, там, где ты сейчас, предлагают только отменные французские вина. Дворжевский подошел к Гере.

— Герка, ты там не забывай фотографию, — и вложил в руки его первый старенький «Зенит», который вместе покупали в городском универмаге. — Наверно, там тоже есть, что фотографировать, дружище.

— Вора, брат Серега, что нам просить у Бога? У Бога попрошайки не в цене, — обратился к другу Виктор.

Он вложил в его руку новую колоду карт.

— Не обыграй там только Петра, а то из рая, чего доброго, изгонит. Я же тебя знаю, ты и там казино построишь и в покер будешь святых обыгрывать.

Алиса взяла Дворжевского за руку. Пора. Их заждались скорбящие на выходе и ангелы на пороге их нового дома.

— Любимый. Давай заберем Христика и на полгода уедем подальше, в Европу например.

— Я не могу бросить друзей. Я просто обязан присутствовать на поминках через сорок дней, ведь их души будут навсегда покидать землю. Знаешь, я уверен, он не отпустит нас. Он заставит нас вернуться.

— Как он это сделает?

— Как? Просто. Убьет твоего отца или детей наших друзей. Он все равно попытается завершить начатое. Вора перед смертью сказал, что Артист больной и работает не за деньги, значим мы для него больше, чем думаем. Мне кажется, не может он за-

вершить что-то в своих сатанинских ритуалах, если не убьет нас.

— Я боюсь, родной. Боюсь, что предсказание моей бабки сбудется. Боюсь потерять тот мир, который обрела.

— Счастье мое, для меня лучше от пули умереть, чем от страха и трусости к старости.

— Не трусость это. Давай переждем грозу. Друзья твои все поняли бы.

— Не поймут мои друзья, если я позволю этому извергу убивать дальше, а тем более их близких и детей.

— Знаешь, и в грусти, и в радости, какое бы не принял ты решение, я приму его, как свое.

— Послушай, Артист. Почему ты не убил Дворжевского во время похорон. Он же был, как на ладони, открыт. Теперь его ищи, как ветра в поле.

— Пузырь, ты бы рот закрыл. Я понимаю, что в голове у тебя больше жировых тканей, нежели мозгов. Ты должен понять, что меня твои деньги не интересуют, я работаю за свою идею. Теперь меня уже никто не остановит. Запомни, хомяк толстый, что теперь ты на меня работаешь, а не я. Дело у нас одно и цель одна. Он один остался, последний, и мне он нужен, как говорят, тет-а-тет. Мне его душа нужна, и если я не совершу над ним магического обряда, я свою душу потеряю.

— Так нет его в Минске, а в Москве, где будем его искать?

— Все просто, толстяк. Ставим прослушку родителям и женам его почивших друзей, и рано или поздно он объявится.

— А если он за границей? Что тогда?

— Дебил ты стриженный. Куда он убежит? Для начала хлопнем отца и сына его цыганки, а если не поможет, займемся детьми его друзей. Он сам будет рад к нам прийти.

— Нет, я на детей не подписываюсь. Я только участвую в том, для чего тебя и нанял. Понял, Артист?

Артист достал пистолет и приставил ко лбу Пузыря:

— Как ты думаешь, мешок дерьма, я сейчас выстрелю или нет? Неужели ты, мартышка толстая, решил, что я на тебя работаю. Мне нужны только души этих людишек, хотя бы одна. Ты понимаешь, отстой жира, равновесие нарушилось, и у меня нет выбора.

— Артист, ладно тебе. Я буду делать все, что ты скажешь, только ствол убери и перестань им бить по моей голове, вдруг сотрясение будет.

Артист от смеха чуть не покатылся со стула.

— Люся, королева моя. Послушай, что этот крендель несет. Он думает, что у него может быть сотрясение мозга.

Артист встал и изо всех сил ударил Вовану в бритый череп. Тот рухнул, как мешок, к его ногам.

— Вот, Люся, проверим сейчас, было ли у него сотрясение?

Люся, завернувшись в полотенце, подошла к Артисту и села ему на колени.

— Ты зря теряешь время, у этого жирного холуя мозгов нет, а значит, твой эксперимент может только это доказать.

Она просунула руку Артисту под рубашку и стала медленно опускать ее вниз.

Али с двадцатью четверью боевиками пробирался в Грузию, выйдя из окружения и, потеряв значительную часть своих воинов, нуждался в отдыхе. Оставалось совсем немного, но этот русский, даже ему, бесстрашному Али, внушал страх. Еще один переход, и Панкийское ущелье откроет свои объятия воинам Аллаха, а там база и отдых в Турции. Али шел и постоянно оглядывался по сторонам, даже его боевики чувствовали напряжение в поведении командира. Сумерки уже сгущались над отрядом, а русский офицер за весь день так себя и не проявил. Напряжение росло, и короткие привалы не могли быстро восстановить силы наемников.

— Али, — обратился к командиру его заместитель Тимур. — Надо остановиться и хотя бы два-три часа отдохнуть. Бойцы вымотались, идти не могут.

— Тимур, это опасно, чувствую я глаза этого безумного русского у себя на затылке, он это только и ждет. Даю час на отдых и будем идти дальше.

— Нет, Али, передвигаться можно только с рассветом, проводник опасается тропу потерять или в пропасть упасть.

— Я сказал час, и идем до тех пор, пока сможем.

— Как знаешь, командир, как знаешь, но нам проще расставить мины-ловушки по всему периметру и отдохнуть.

— Тимур, мои приказы не обсуждаются, сейчас важно уйти в Грузию, а там и отдохнем, и поспим.

Весь день офицер ГРУ шел по следу боевиков, временами даже обходя их со стороны гор и опережая. Несмотря на то что он вооружился трофейными пистолетами и несколькими ножами, не считая опасного и грозного тесака, нападать на них днем было

опасно и глупо. Раны на голове затянулись, но сама голова, как и вчера, была совершенно свежа, более того, даже тело не испытывало той усталости, что присутствовала бы обязательно до ранения. В трофейный, снятый с шеи убитого им боевика, бинокль, офицер внимательно наблюдал за происходящим в колонне боевиков. Конечно, не мог он не заметить, как устал и подавлен весь отряд. Али несколько раз оборачивался по сторонам, и офицер смог прочесть по его лицу, прокравшийся в тело и отраженный на его лице, страх.

— Ну, что, Али, вот и твой час настал, араб, — произнес вслух русский и стал сокращать расстояние между собой и отрядом моджахедов, который погружался в сумерки. Боевики шли почти на ощупь, но опытный проводник, который не один десяток раз проводил отряды наемников из Панкийского ущелья и обратно, вел уверенно бойцов.

Офицер почти вплотную подкрался к замыкающему колонну боевику, было даже слышно его дыхание, и нос улавливал запах пота и вкус анаши, которую тот курил. Бесшумный захват левой рукой шеи, и боевик тихо осунулся на камни с перерезанным горлом. Офицер мягко, без лишнего шума, уложил его на камни и продолжил движение за отрядом. Обкурившийся анашой и находясь под наркотой, отряд даже не заметил бы, что уже шестеро их братьев по вере непонятно почему отстали от колонны. Один из боевиков,двигающихся по узкой тропе, оглянулся. Не увидев своих товарищей, он закричал на русском языке, что было сил: «Русский вернулся, русский вернулся», — но в тот же миг нож уже торчал в его сердце. Началась стрельба, в пани-

ке и темноте еще двое боевиков с помощью русского, взмахнув руками, полетели как птицы ко дну пропасти. Тесно сгруппировавшись вместе, воины отряда сбились вокруг командира, прикрывая собой Али.

— Занять круговую оборону, — кричал Тимур. Расставить мины-растяжки по периметру лагеря.

В небо взмыли ракетницы.

— Кто посмел ракетницы пускать, — кричал озлобленно Али. — Здесь рядом погранотряд.

— Али, если мы его не вычислим, то до прихода погранцов, будем все трупам.

— Тимур, брат мой, даю тебе час, чтобы этого неверного найти, и я сам его как барана резать буду, — не командовал, а просил, моляше, Али.

— Королева моя. Я прямо сейчас тебя хочу.

— А как же этот? — искусительница брезгливо указала мизинцем на Вована.

— Этого я просто убью, если он откроет глаза раньше времени.

— А может, мы его сейчас вскроем, мой бог?

— Нет, его напоследок. Я уже придумал, как мы это сделаем, но сначала певец, а потом мы закусим этой свиньей.

— Тогда бери меня, мой господин.

Пузырь очнулся.

— Что это со мною было? — обратился он к пьющему виски Артисту.

— Голова болит? — ухмыльнулся растрепанный, но пребывающий в хорошем расположении духа Артист.

— Побаливает немного.

— Это кость у тебя болит. Мозг не поврежден, — сказал Артист и, повернувшись к Люсе, дико засмеялся. — И знаешь, почему? Да потому, что, когда вскрыли твой черепной коробок, мы с моей кошечкой ничего там не обнаружили. Знаешь, Пузырь, меня осенила мысль. Дворжевский только в Москве сейчас может быть. У него есть квартира там. Поезжай в Интернет-клуб, дай юным гениям немного «зелени», и пусть они обследуют Интернет. У него же должен быть сайт. Электронная почта. Найди тех, кто может взломать ее. Не может быть такого, чтобы он ни разу не обмолвился о месте своего обитания в Первопрестольной.

— А ты гений, Артист, это так просто. Он же человек публичный, а значит, засвеченный.

— Пока я к твоей тыковке еще раз не приложился, беги быстрее и на хакеров денег не жалей.

...Дворжевский с Алисой решили провести этот вечер при свечах, за бокалом красного французского вина.

— Как хорошо после всех потрясений, случившихся с нами за этот страшный месяц, вот так посидеть с тобой. Я так мечтала о таких вечерах эти годы, ты даже не представляешь, любимый. Жалко только, что Христика нашего нет с нами. Отец его в Краснодар увез.

— Барон позаботится о нем, не беспокойся, девочка моя.

— Может, я погадаю на картах? Знаешь, я хорошо гадаю на таро и рунах. Все говорят, что дар мне от бабушки передался.

— Цыганочка моя, — нежно обнял и прижался к Алисе Виктор. — Не надо гадать. Я не хочу знать, что будет завтра. Ты же веришь в Бога?

— А как же, я хорошая христианка.

— Если гадаешь, значит, сомневаешься в его силе, а это значит, что не веришь, а лишь только доверяешь. Чтобы не произошло, он будет с нами, не отвернется.

— Виктор, а ты думаешь, он избрал нас быть орудием возмездия? Когда ты пойдешь убивать, пусть не людей, но все-таки божьих тварей, Бог не отвернется?

— Солнышко, мы договорились, что я только это сделаю. Ты будешь в машине сидеть на случай, если у меня не будет возможности вести машину. Ты же мне пообещала, — возмутился Дворжевский.

— Не волнуйся ты так. Пообещала, исполню.

— Не подведи меня, котенок. Тебе, если что, сына растить. Может, это Богу и неугодно, но думаю, будет не противно смотреть на то, что я остановлю зло и его накажу. Пойми, даже если я совершу грех, то он во имя памяти моих друзей и во имя жизни наших детей. Я уже не смогу остановиться. Помни самое важное, если где-то мы проколемся, ты ничего не знала о моих намерениях. Никогда не верь мусорам, а хороших ментов, тем более в Москве, на пальцах пересчитать. Оборотни по большей части. Чтобы они ни говорили тебе, не верь. Ясно?

— Я все поняла, любимый.

— Давай помянем друзей, неба им царского. Где вы, мои друзья, как вам там? — Дворжевский выпил до дна бокал вина.

— Как ты думаешь, Виктор, поведутся они на наши уловки?

— Куда они денутся. Я столько информации слил через Интернет, так наследил, что найти нас проще, чем ежа под задницей. Я даже пароль на ящике поменял. Для умственно отсталых называется, просто свое имя вписал.

— Они в Москве уже?

— Думаю, что да. Район, в котором я живу, они вычислят мгновенно. Я им оставил ориентиры соседнего квартала и целыми днями в тонированной «девятке», которую взял у своего звукорежиссера, там их пасу. Подключил местного дворового авторитета. Колян — пацан смысленый. Хотя ему всего четырнадцать лет. Я описал им BMW с белорусскими номерами, поэтому, как только сунутся, мы будем их встречать. Важно, чтобы у них не было времени вычислить место нашего с тобой обитания, мою квартиру. Она новая. Я еще регистрацию не делал, но слишком я здесь узнаваем, да и с участковым рано познакомился.

— Скажи, любимый, а много женщин у тебя было за время моего отсутствия?

— Девочка моя, ну ты что?

— Скажи, скажи.

— Могу тебя заверить, никто больше, чем на одну ночь, у меня не оставался.

— Так были все-таки?

— Какая разница, что у меня было до тебя. Люблю я тебя, и всегда любил, родная моя.

— Правда? Все время любил только меня?

— И любил, и всю жизнь любить буду.

— Но если что-нибудь с тобой случится?

— Чтобы не случилось, мы сейчас в руках только Бога.

— Давай лучше спать. Думаю, они завтра должны появиться.

— Что изволите? — традиционно спросил официант у трех ранних клиентов.

— А что фирменного от ресторана «Золотой гусь» предложите, — спросил Артист.

— Утка по-пекински, — начал было перечислять официант.

— Нет, для утра многовато. Попроще есть что-нибудь?

— Попроще только салаты.

— Вот и хорошо, тогда мне виски, а моим друзьям по чашечке кофе.

— Господа душегубы, мы его почти нашли, дело за малым, осталось вычислить нору, где он прячется, — сказала Люся.

— Правильно, моя принцесса. А как это сделать, ты знаешь?

— Нет, но думаю, знаешь ты, мой господин.

— А мы Пузыря в местные опорные пункты отправим, и в отделение милиции пусть наведается. Тут у них «Вихрь-антитеррор» идет, не может быть, чтобы участковые не знали, кто проживает на их территории. Есть еще одно решение, но это на случай, если толстяк облажается. Надо будет пройтись по всем местным ЖЭКам, их не так уж и много, а там точно будет информация. Правда, если он на свою фамилию квартиру покупал. Ты, Люся, будешь присматривать за Пузырем, а то еще вдруг решит отъехать к Черному морю. Покупаться, например.

— Артист, ты мне не доверяешь?

— Я себе не доверяю, Пузырь, а тебе не доверял никогда.

— Но это же я тебя нанял, как-никак.

— Меня не нанимают, если ты еще не понял, я сам прихожу за душами грешников. Вот твоя душонка мне пока не нравится. Не много в ней прока, но будешь меня раздражать, проглочу.

Вова побледнел. Он давно уже подозревал, что и с ним Артист может поступить так, как поступил с Жемой и Морганом.

Увидев неадекватное состояние Володи, Артист похлопал его по плечу и добавил:

— Если засунул голову в пасть крокодилу, это не значит, что пасть должна эту самую голову проглотить. Мне тоже, Вова, хочется, чтобы кто-то зубы чистил после охоты. Все, расходимся. Мне нужно подготовиться, прикупить кое-какой инструментик для этой охоты. Встречаемся здесь к вечеру, созвонимся.

Дворжевский не ошибся. Это была та же черная BMW.

— Ну вот, зверье приехало за нами, только зря. Могли бы еще попытаться жить, хотя я не уверен, что позволил бы это делать им долго.

Около районного отделения милиции BMW тормознулась. Из нее вышла красивая девушка и направилась прямо к входу. «Ничего себе, — подумал Виктор. — Что такая красотка с фигурой модели имеет ко мне? Ей бы подиумы каблучками топтать да деньги у толстопузов щипать». Минут через сорок она уже сидела в машину.

Дворжевский проездил за BMW почти до обеда. Все шло так, как он и думал, но когда машина начала останавливаться около жилищных управлений, он

насторожился. Как это он не просчитал такого простого варианта? «Если они доберутся до улицы Лазарева, то придут за нами слишком рано», — думал он. Виктор спланировал все так, чтобы не допустить Алису к финишу, так он называл момент возмездия над существами, которые отобрали у него то близкое и дорогое, что он хранил все эти годы, — друзей.

Он много раз думал, что было бы сейчас с ним, если бы он не встретил Алису. Как смог бы он пережить такой удар. Страшная тоска защемила в груди. «Как там мой сынуля, как старшие мои дети». Не покидало его какое-то странное предчувствие. Что-то произойдет, он был уверен. Боже, как все могло бы быть сейчас хорошо. Были бы мои друзья живы. Какое счастье быть рядом с любимым человеком, вместе с моей Алисой и Христиком. Почему кто-то хочет разрушить этот счастливый мир, мой мир? Дворжевский поймал себя на мысли, что он не сможет быть счастлив, если не накажет убийц своих друзей. Он рассматривал их фотографии и опять вспоминал самые яркие картинки детства и юности.

Последний совместный выход на природу. Как напились они с Саней вина. Кажется по литру три на брата. Когда они поняли, совершенно опьянев, что если не преодолеют эти двадцать метров от берега озера до палатки, то прямо на берегу и уснут. Какие зигзаги они выделывали, как пробирались к цели под всеобщий смех Воры и более трезвого Геры. Они тогда пари заключили, кто из них дойдет до цели и не упадет. Заря набрал максимально возможную для того состояния скорость и, проявив немислимую

волю к победе, все-таки влетел в свою палатку и отключился. Виктор тяжеловат стал последнее время, подвели его ноги, которые, не дойдя двух метров, подкосились. Проснулся он только к утру, весь в утренней росе с замерзшим от холода носом. Вора, который всегда охранял тихих алкоголиков, только рассмеялся, увидев восставшего из хмельного ада.

Из состояния воспоминаний Дворжевского вывел вышедший из BMW толстяк. Глухо тонированные стекла не позволили хорошо рассмотреть его, но лицо было слишком знакомо. «Странно, где я мог его видеть?»

Черный автомобиль продолжил движение к следующему пункту. «Подбираются к моему ЖКХ, нужно, что-то делать». И тут Дворжевского осенила хорошая мысль. Уже было три часа дня. До окончания работы этих организаций осталось два часа. Виктор остановился у ближайшего телефона и набрал заветные две цифры. Изменив голос, он сообщил дежурному о заложенной бомбе в помещении жилищно-коммунального хозяйства по адресу Лазарева, 8. «Ну вот, — похвалил он себя, — теперь точно до завтра они будут отдыхать».

— Колян, — сказал в трубу Дворжевский. — Есть работа на двадцать баксов, выходи и прыгай ко мне в машину, нужна твоя помощь.

Люся и Вован начали серьезно нервничать. — Что-то не срастается у нас, — рявкнул Пузырь. — В милиции сказали, что такой информацией облада-

ют только участковые и попросили прийти во вторник, видите ли, сегодня нет никого на службе. А в паспортном столе гражданин с фамилией Дворжевский Виктор Владимирович не значит. У нас нет времени ждать, пока эти участковые изволят на службу выйти, — лютовал вслух Володя. — Люся, не всегда все гладко срастается даже у Артиста, как ты считаешь?

Люся затянулась тоненькой сигареткой.

— Люська, а может, когда провернем это дело, в отставку отправим твоего майора спецназа. У меня лавандосов, как у американского босса, — засмеялся Пузырь.

Люся перевела взгляд на Вована:

— Если ты не закроешь рот, я тебе сейчас сама яйца отрежу, дерьмо вонючее. Смотри лучше за дорогой, у нас осталось всего три конторки. Если нет, то придется завтра то же самое делать в Северном Бутово.

— Ни фиги себе, — воскликнул Вова. — Сколько мусоров собралось, да еще с собаками. Что у них здесь опять теракт? Надо выйти спросить.

Вован подошел к сержанту и завел разговор:

— Командир, я приехал ключи от новой квартиры получить, а тут вы, да в таком количестве. Что стряслось?

— Бомба заложена в здании, поэтому давай быстро, гражданин, уезжай отсюда. Завтра приходи за ключами, если, конечно, ничего не взорвется.

— Что там, Пузырь? — спросила Люся.

— Бомба там. Все, красавица, надо линять. Звони Артисту, что на сегодня все, а то, чего доброго, рванет бомба и нас зацепит.

— Пузырь, здесь что-то не то. Стоило нам приехать по последнему в списке адресу, как он заминирован. Ладно. Поехали в ресторан.

— Колян, видишь ту машину? — обратился Дворжевский к подсевшему к нему в девятку пареньку.

— Ну, вижу. И чего?

— Это та машина, о которой я тебе говорил. Сейчас поедem за ней и будем на месте решать, чем ты мне можешь быть полезен.

BMW остановилась около ресторана «Золотой гусь». Из него вышла все та же красотка и толстяк, который не давал покоя Дворжевскому уже два часа.

— Где я его видел?

Они вошли в ресторан и скрылись за дверью.

— Так, Колян. Вот тебе триста рублей. Вроде выглядишь ты прилично, иди за ними, закажи себе самое дорогое мороженое и присядь рядом, послушай, о чем говорят.

— Будет сделано, босс, — ответил парнишка и направился через дорогу к ресторану.

Дверь открыла взволнованная Алиса.

— Где ты столько был? Я вся испереживалась. Обед разогревала несколько раз, — она обняла Виктора и прижалась так, как будто уже и не надеялась увидеть его.

— Солнышко мое, не стоит так волноваться. У меня сегодня был трудный, но очень плодотворный день. Я их нашел.

Алиса изменилась в лице.

— Значит, они все-таки здесь?

— Да, они здесь и ищут нас. Если бы не моя смекалка, то уже сегодня бы нашли.

Завтра у них сбор в десять утра в ресторане «Золотой гусь». Они будут обсуждать детали нашего убийства. У нас нет выбора. Давай присядем, моя родная.

Дворжевский достал из кармана документ.

— Это завещание. Если со мной что-то случится, все, что у меня есть, остается тебе с Христиком и моим детям от первого брака, Алине и Виктору.

Алиса разрыдалась.

— Что ты говоришь такое, что случится? Плохая примета, собираясь на опасное дело, писать завещание.

— Девочка моя, еще хуже, если налетят новоявленные «родители» и обберут моих близких и детей. Мамуля моя, несмотря на то, что бросила меня в детстве, первая явится, чтобы урвать то, что ей не принадлежит, хотя я попытался забыть все обиды и купил ей все: и квартиру с дорогостоящим ремонтом, и мебель. А она, в свои семьдесят, опять привела очередного альфонса, и вдвоем паразитируют на том, что я даю. Только когда я скупился? К себе устроил на работу, и за то, что она просто числится мамой, плачу в месяц тысячу, а то и другую в зеленом исчислении. Только ей все равно мало. Знаешь, как ни странно, самые дорогие люди для меня — это близкие не по крови, а по духу и сердцу. А по крови только дети. Не плачь, я не собираюсь умирать. Я хочу с тобой прожить долгую и счастливую жизнь, — Виктор обнял заплаканную Алису. — Еще я хочу, чтобы ты завтра была дома.

Алиса гордо вскинула голову, зло свела брови и зорвалась:

— Ты за кого меня принимаешь? Я цыганка. Я буду только с тобой и всегда с тобой. У нас в роду не было еще трусов и малодушных людей. Я с самого начала в центре этой истории. Эта трагедия с твоими друзьями меня убедила в хрупкости мира, но в величии любви и дружбы в нем. Это те чувства, та энергия, которая не исчезает, она уходит на небо вместе с теми, кто ею обладал. Ты хочешь, чтобы я отправилась однажды в другой мир нищей? Нет, твои деньги и имущество, великодушно нам оставленное, ничего не значат, их с собой не возьмешь на небо. Для меня невероятно важнее то, что внутри, в душе и сердце. Если ты решил меня бросить, так благородно заботясь обо мне, лучше прямо сейчас выгони за двери.

Дворжевский опешил. Он совсем забыл, что его Алиса не безропотное существо, постоянно пытающееся только угодить, порхая, как мотылек, над ним. Она гордая и образованная женщина, доказавшая в таком испытании, как девятилетняя разлука, состоятельность своего духа и своей чистой и яркой души.

Он прижал ее к себе и поцеловал:

— Я не думал, что мне так повезет, и что с любимой женщиной я обрету еще и сильного духом друга, готового пойти даже на смерть за любовь и свои убеждения. Прости, моя родная, я был не прав. Давай сегодня проживем эту ночь так, как будто она у нас последняя, чтобы потом долго жить.

Алиса опять как мотылек запорхала вокруг Дворжевского, зашебетала как канарейка, собирая ужин

на стол. Она зажгла множество маленьких свечей. Аромат благовоний наполнил квартиру теплом и состоянием праздника. Специальные свечи плавали даже в наполненной ванне.

— Цыганка-колдунья, — улыбнулся Виктор.

— Да, я такая. А какой ты меня представляешь?

— Алисой из сказки «Алиса в стране чудес», только моя Алиса из цыганской сказки.

— Скажи, милый, как ты думаешь, там, на небе, есть жизнь?

— Я знаю, что есть. Мне это подтвердил отец Борис, когда я был без сознания после покушения в Смоленске.

— А кто он?

— Мой духовник небесный. Я потом тебе расскажу о нем, слишком грустная история.

Алиса допила вино, нежно обняла и поцеловала его со всей цыганской страстью.

Нежность переполняла Виктора, уже устремившись через края его сердца. На пол упало платье Алисы. Распустившиеся волосы легли ему на плечи, как осенний бархатный лист на траву. Пахнувшие молоком и какими-то неизвестными травами губы снова и снова целовали его. Квартира погрузилась в мистический туман из дыма благовоний, запаха свежих цветов, смешанного с ароматом духов и масел. Как и тогда, много лет назад, они слились воедино, как миллионы лет назад, когда их души беспечно жили в раю. Дворжевский ласкал поцелуями тело той, которую любил больше всего на свете, тело своей сказочной Алисы.

За месяц он так и не решился заняться любовью с ней, а она его не торопила. Ко всему нужно было со-

зреть, а испытания, через которые они прошли, не позволяли им перешагнуть этот барьер. Уж слишком кощунственно было думать о физической близости тогда, когда его друзья покидали эту землю.

Сказка, как водится, рано или поздно заканчивается. Утро первым лучом света прикоснулось к спящей Алисе, погладив ее солнечным зайчиком от подсвечника на столе.

Дворжевский гладил волосы любимой женщины, любовался не по годам юным и красивым ее лицом и понимал, что сказка о счастливой земной любви подходит к концу. Как хорошо, подумал он, что любовь не умирает на земле, а переходит в другое состояние на небе.

— Ну, что, Али, последний ты остался. Со скоропостижной кончиной всех твоих бойцов заканчивается и твоя жизнь на земле, — сказал тихо, почти шепотом офицер.

— Послушай, русский, я дам тебе любые деньги, миллионы долларов, понимаешь, миллионы. Не убивай меня.

Али бросил большой походный рюкзак к ногам офицера.

— Здесь три миллиона, выкуп за тебя и твоих бойцов. Все твое, бери все, только отпусти меня.

— Али, я же бог, ты что, забыл? А богам, Али, деньги не нужны.

— Русский, скажи, чем я смогу спасти себя, называй любую цену, все выполню, все сделаю?

— Глупец ты, Али, мне нужна твоя душа, а не твои деньги.

Али понял, что перехитрить русского не получится, но лучше умереть самому, нежели быть освеженным этим нечестивым мясником. Али сделал шаг назад и с разворота попытался броситься в пропасть, но тесак, который он же и вложил в руки этому русскому безумцу, уже впивался в шею арабского командира, который отличался нечеловеческой жестокостью по отношению к неверным, и заставлял трепетать от ужаса не только народы в Чечне, но и за ее пределами.

На рассвете отряд пограничников, встревоженный ночной стрельбой и залпами ракетниц, был уже на месте последней стоянки Али.

То, что они увидели, повергло в шок даже видавшего виды войны за две чеченские кампании командира погранотряда майора Чернякова. Тела боевиков были обезглавлены, а их груди были с хирургической точностью вскрыты. На камнях сидел человек в форме российского офицера и жарил на огне, разведенном из американских долларов, сердца жертв.

Подлечив офицера ГРУ в госпитале и поразившись тем, что рана, не совместимая с жизнью, быстро затянулась, не принеся серьезных последствий психике офицера с боевым орденом на мундире, кроме случая людоедства, командование части по-тихому списало его в отставку, от греха подальше.

— Сегодня завершаем это и так затянувшееся дело, — заявил Артист, отпив глоток виски из бокала.

— Ты мне еще обещал устранить одну актрису.

— Пузырь, актрису тебе кто-нибудь другой пристроит, а у меня более важные заказы есть. Слишком много грешников стало, а праведниками пусть зани-

маются другие. Как считаешь, моя принцесса? — обратился Артист к Люсе.

— Мне сразу это дело не понравилось, мой повелитель, поэтому много незапланированных срывов и было. Если кто-то и был достоин умереть, так это ты, Пузырь.

— Люся, а ты меня сразу невзлюбила?

— Какая разница, сразу или нет, только мы занимались не теми, кто нам нужен.

— Ближе к делу, господа, — прервал Артист. — Мне нужен точный адрес Дворжевского. Убивать я его буду без свидетелей и только в его квартире. Я подготовил большое представление, и мне нужно уединение, чтобы никто не мешал. Тебе, Пузырь, в моем новом спектакле я тоже нашел роль.

— Артист, мне как-то не хочется никаких ролей и спектаклей.

— Тебя уже никто не спрашивает. Более того, деньги за этих двоих мне не нужны, мне нужны только их души.

— Нет, Артист, мы так не договаривались. Я не хочу принимать участия в вашем шабаше.

Люся с Артистом переглянулись.

— Я же тебе говорила, он подсматривал за нами.

— Так, так, так. Ну что, Пузырь. Совершил ты самый опрометчивый поступок в своей жизни. Ты заглянул в глаза смерти, а это только мне одному на земле можно делать. Теперь тебе точно не отвертеться, или ты с нами, или ты лишний свидетель.

Вовчик первый раз в жизни почувствовал реальную опасность. Он ощутил, что кто-то уже стоит за его спиной с косой в ожидании особых распоряжений. «Нет, — подумал он. — Не может быть, чтобы

какой-то больной меня, Вову Пузыря, так банально зарезал. Не дождетесь. Мы еще посмотрим, кто кого в этой квартире свежевать будет».

— Да не парься ты так, Вова, — прервала его размышления Люся. — Ты нам нужен всего на часок. Одни мы, может, не управимся.

— Хорошо, — засмеялся толстяк. — На часок я в вашем распоряжении.

Пузырь обернулся и увидел сидящего за соседним столиком паренька, внимательно слушающего их разговор.

— Оба на. А ты, малый, вчера здесь не сидел? — обратился Пузырь к молодому человеку.

— А что? Разрешение нужно спрашивать, где мне сидеть, дядя?

— Ты мне не груби, салага, уши быстро оборву, — огрызнулся Вован.

— Послушай, Пузырь, ты воюешь только с женщинами и детьми? — жестко прервал Артист. — Оставь пацана в покое. Давай сейчас определимся в поиске нужных нам людей.

Никто и не заметил, как этот паренек, не доев мороженое, тихо куда-то исчез...

— Что, Колян, узнал их?

— Да, Виктор, это те, кто тебе нужен. Один из них, такой толстый, меня даже заподозрил в чем-то.

— Не волнуйся, я сниму все подозрения с тебя. А кто третий?

— Третий такой пожилой и волосатый. Мне показалось, что он главный. Они обсуждали, как сегодня кого-то убивать будут.

— Молодец, друг. Держи еще шестьсот рублей и беги подальше отсюда. Понял?

— А чего тут непонятного. — Паренек взял деньги и побежал во дворы стоящих домов.

— Вот и настал наш с тобой час, — сказал Дворжевский Алисе. — Ты сидишь в машине. Вот тебе на всякий случай наган, я его себе прикупил еще в середине девяностых. Он понадежнее будет даже моих ТТ. Все просто. Вводишь вот этот механизм и нажимаешь на курок. Понятно?

— Да, любимый. Я немного разбираюсь в оружии. Меня отец учил стрелять из ружья помпового, да и газовые револьверы всегда были у нас в доме.

— Вот и хорошо. Я надеюсь, что тебе не придется стрелять. Машина должна быть заведена. Ты просто седи и жди. Договорились?

— Я буду тебя ждать.

Дворжевский посмотрел в глаза Алисы, поцеловал ее нежно и вышел из машины.

Сердце судорожно билось. Ему и раньше доводилось стрелять в людей, но тогда была война, а сейчас предстояло в мирное время лишить жизни трех человек. Он перекрестился, произнес короткую молитву: «Господи, прости за то, что сейчас я лишу жизни твоих созданий. Я прошу, не покидай меня сейчас».

Дворжевский вошел в ресторан «Золотой гусь». Администратора в такое раннее утро в вестибюле не оказалось, и он беспрепятственно вошел в зал. Кроме трех посетителей, сидящих за одним столиком, в помещении никого не было. Виктор с поднятыми пистолетами двинулся к ним. Артист поднял голову. В его глазах было прописано неподдельное удивле-

ние и полная растерянность. Он никак не ожидал, что предмет их охоты сам окажется в качестве охотника, и не успел вовремя отреагировать на ситуацию. Артист попытался достать пистолет из специальной кобуры, прикрепленной с левой стороны под пиджаком. Дворжевский в это время выстрелил, опередив его на доли секунды. Первым выстрелом пуля пробила Артисту плечо, вторая попала в сердце киллера и, как бешеная собака, стала рвать его в клочья. «Не может этого быть, я бессмертен», — прошептал он.

— Вот и ты, мастер, пришел ко мне. Я же тебе говорила, что знаю этот момент.

— Этого не может быть, злодейка. Это просто ошибка, и ты мне только снишься.

— Ты прав. Это только сон, но каким страшным будет он для тебя. Вот и души, похищенные тобой, опять принадлежат мне. Как печально ты закончил свою земную жизнь, но не огорчайся, я тебе приготовила вечность, только навряд ли она тебе покажется такой уж привлекательной.

— Подожди, может, еще можно что-то исправить? Может, можно все изменить?

— Нет, ты сам выбрал эту игру и придумал правила. Твоя душа будет принадлежать только мне. Пока тебя не простят в верхнем мире, ты мой, мастер.

Перед глазами Артиста расступилась бездна, и тысячи страшных демонических существ бросились к его астральному телу. Пожирая его, жадно разрывая на куски, они увлекали за собой того, кто еще совсем недавно мечтал ими править и повелевать.

...Дворжевский развернулся в сторону сидевшего толстяка и замер от неожиданности. Перед ним сидел тот человек, которого он наказал весной в кафе «Очаг».

— Это все ты? — спросил ошарашенный Дворжевский. — Только за то, что я защитил девушку, ты убил столько людей?

— Да, это я. Именно я все устроил. Я отнял у тебя все из-за того, что ты лишил меня любимой женщины.

— Падаль.

Виктор направил пистолет на Пузыря. В этот момент сидящая за столиком девушка, обезумев от вида лежащего на полу Артиста, схватила нож со стола и ударила Дворжевского в живот. Резкая боль обожгла его тело. Он с трудом повернулся и приставил пистолет к голове Люси. Не решаясь выстрелить, он еще пытался оценить ситуацию и найти оправдание поступку этой красивой и молодой девушки.

— Ты думаешь, убив мастера, ты сохранил себе жизнь? — истерически хохотала Люся. — Нет, ты не убил его, он только перешел в другое состояние. Глупец. Как ты можешь убить того, кого зовут Демон? Я вместе с ним отнимала жизни и похищала души у твоих друзей, и теперь они принадлежат нам. Мы бессмертные, и я тебе это могу доказать.

Люся подставила голову к пистолету, схватилась за руку Дворжевского и надавила на его палец, лежащий на курке. Прозвучал выстрел. Пуля практически взорвала ее голову.

Воспользовавшись замешательством, Пузырь поднял пистолет Артиста и направил на Дворжевского.

— Что, побурогозил, защитник женщин? Теперь я скажу тебе на прощание парочку слов. Пистолетики брось, если не хочешь разозлить меня.

Виктор, шатаясь от потери крови и пытаясь не потерять сознание, выпустил пистолеты из рук.

— Вот так-то лучше, джентльмен ты мой. Спасибо за то, что помог мне избавиться от душевно больных. Я скажу тебе еще больше. Ты спас мне жизнь, убив этих засранцев. Теперь я командую парадом и устраиваю представления. Передай привет своим друзьям на небе.

— Много поноса, толстый. Хочешь меня убить? Стреляй. Чего ждешь?

Дворжевский понимал, что мечущаяся за барной стойкой барменша и официанты уже вызвали милицию. Осознавал, что в любой момент, услышав выстрелы, сюда может войти Алиса. Это было опасно. Она женщина, и что стоит этому законченному подлецу выстрелить в нее.

Виктор двинулся на Пузыря.

— Стой там, где стоишь, — в испуге закричал толстяк и попятился назад к выходу.

— Что, урод, тебе хочется подохнуть героем, да? Да я тебя научу вежливости и правильному воспитанию. Ты решил у меня, у Вовы Пузыря, отнять мое? Нет, певец, ты влез не в свое дело.

— Жалкое убожество. Тебе даже страшно выстрелить в меня. Знаешь, козлиное отродье, что менты сейчас будут здесь. Стремишься все уладить, развернув ситуацию в свою пользу? Хочешь обвинить во всем меня и исполнителей заказа? Хитрый ты, несмотря на ожиревшие мозги, только не дам я тебе этого сделать, да и жить такая крыса больше не должна.

Собрав последние силы, Виктор бросился на Пузыря. Тот, осознав всю безысходность положения, выстрелил.

В этот момент раздался еще один выстрел. В дверях стояла Алиса. В руках она держала еще дымящийся пистолет.

— Ах ты, сучка цыганская. Ты меня подстрелила? Да я тебя, блядь, сам у-б-б..., — и толстяк рухнул на стулья.

Алиса бросилась к Дворжевскому.

— Любимый, ты ранен? Надо уходить отсюда, родной. Скоро здесь милиция будет.

— Девочка моя, мы это сделали за пацанов, мои друзья отомщены. Спасибо, родная, ты мне жизнь спасла.

— У нас с тобой одна жизнь на двоих, — ответила Алиса.

Она взяла его под руку и попыталась помочь ему выйти из ресторана, но сознание уже оставляло его.

Послышался вой приближающейся сирены.

— Уходи, девочка моя. Ты еще сможешь убежать через черный ход.

— Нет, и в горе, и в радости я буду с тобой. Ты забыл, я цыганка.

Дворжевский вытащил нож из живота, зажал рукой рану, прижался головой к Алисе.

— Счастье мое, может так случиться, что мы с тобой не скоро увидимся. Знай, что я тебя буду любить всегда. Ты самый родной человечек для меня. Мы с тобой еще внуков растить будем и вместе старость встретим. Но если со мной что-то случится, во имя нашей любви, помоги моим детям и вырасти сына, достойного наших друзей.

— Что ты говоришь такое? Мы же с тобой веками слонялись по земле в поисках друг друга. Ты же помнишь, я для тебя росла и только тебе буду принадлежать, только тебя хочу вечно любить, — разрыдалась Алиса.

В ресторан ворвался ОМОН. Дворжевского повалили на пол и прикладом автомата сильно ударили в спину.

— Что вы делаете, сволочи, он же ранен, — закричала Алиса и бросилась помогать Виктору. Второй удар прикладом лишил ее сознания.

Виктор открыл глаза и увидел возле себя человека с папкой.

— Ну, что? Мы привели тебя слегка в порядок. Может, пока не приехала «скорая», ты расскажешь, что здесь произошло?

— А ты кто, гражданин? — поинтересовался Виктор.

— Да, забыл представиться. Старший оперуполномоченный МУРа по особо важным делам Сергей Иванович Титов.

В этот момент Дворжевский увидел, как Алису в наручниках двое бойцов ОМОНа грубо запихивают в тонированный «Форд». Она обернулась в его сторону и крикнула: «Родной, я тебя люблю». Захлопнулась дверь микроавтобуса, и она не могла уже видеть, как Виктор одним движением выхватил пистолет из кобуры и, приставив его к виску растерянного опера, крикнул: «Оружие на землю, суки».

— Граждане осужденные, — рявкнул хозяин. — Вы прибыли для отбывания срока заключения в наше лечебно-исправительное учреждение. У вас есть возможность честным трудом и примерным поведением реабилитироваться в глазах общества и нашего государства, для этого у нас созданы все условия. В случае невыполнения установленных мною правил и нарушения порядка в лагере, совсем не пионерском даже, скажу я вам, предусмотрены особые методы перевоспитания в виде бура или, например, карцера. Не забывайте, ваш выход на свободу — это не ваша заслуга — это мы не доглядели. Но помните, хорошее поведение и сотрудничество с администрацией колонии ведет к досрочному освобождению и, конечно, другим привилегиям, — добавил он. — А сейчас в карантин.

— Дворжевский, давай, возьми метлу и быстренько здесь чистоту наведи, у нас нет особых привилегий для артистов.

— Гражданин начальник, если тебе нужна чистота, бери и мети сам, — глядя прямо в глаза, отрешенно ответил Дворжевский.

Начальник карантина капитан Смердин выдержал взгляд. «Такой на все пойдет, — подумал он. — Глаза, как у волчары, злые, но при этом равнодушные к жизни. Надо посмотреть в дело, что за фрукт этот новенький».

Буксовать в таких случаях нельзя, и это Смердин знал как дважды два.

— Послушай, певец, понты свои оставь для девочек на свободе, а здесь я царь и бог. Будешь благовать, быстро сплавлю тебя в ШИЗО. Взял швабру и вперед, герой.

— Начальник, а не пошел бы ты куда подальше со своей метлой и шваброй, — также равнодушно сказал Дворжевский и отвернулся к окну.

— Я тебе не разрешал отворачиваться. Я с кем разговариваю? Послушай, если ты решил поиграть в борзого, то я тебя быстро поломаю, не таких на место ставил да рога сворачивал. Забудешь, как зовут тебя, сынок.

— Мент, мне все равно, жить или умереть, а ты меня на страх решил прощупать. Если ты будешь доставать, я сейчас тебе в глотку вцеплюсь и порву ее.

— Так, я сейчас же доложу начальнику колонии о твоём поведении, и смотри, чтобы завтра не просил у меня прощения.

— Никогда у подобных тебе прощения просить не буду, — Дворжевский снова отвернулся к окну.

Капитан Смердин подошел к двери начальника и, собачьи пригнувшись, постучал:

— Можно, Иван Иванович?

Хозяин, оторвав голову от лежавшего на столе дела, раздраженно посмотрел на вошедшего.

— Заходи, Смердин. Что у тебя опять стряслось?

— Товарищ полковник, у меня неувязка с осужденным Дворжевским.

Хозяин удивленно вздернул брови вверх.

— А-а-а. С Дворжевским? Вот я как раз знакомлюсь с его делом. Станный послужной список у твоего обидчика, капитан. Воевал в Афганистане, имеет награды, участвовал в боевых действиях на Северном Кавказе как солдат удачи.

— Это как, товарищ полковник?

— Как наемник, это значит, капитан. Ранения, контузия и прочие атрибуты лиц, побывавших на войне. Потом, как я знаю, стал петь песни в таком жанре, как шансон, прославился, даже я его альбомы слушаю. Здесь, на тебе, двойное убийство, захват заложника, да какого? Старшего опера убойного отдела МУРа. Террорист какой-то. Ему бы лет 18–20 за это чалиться, а его всего-то на пять осудили. А что у тебя с ним, Смердин?

— Отказывается уборку помещения выполнять, грубит и угрожает. А сейчас, когда узнал о его похождениях, я его уже просто побаиваюсь. Еще, чего доброго, и вправду мне шею сломает.

— Капитан, ты что, не офицер? Вроде как в «Дзержинке» службу проходил. Не нам надо бояться, а они нас должны остерегаться. Ладно, давай его ко мне на разговор, а там решим, что делать. Да, вот еще что, Смердин, возьми пару бойцов покрепче, пусть за двумя постоят.

— Слушаюсь, товарищ полковник, — отчеканил капитан и бросился из кабинета.

— Дворжевский, на выход, — рявкнул конвоир. Находящиеся в карантине переглянулись. К новенькому подошел пожилой зэк и тихо сказал:

— Ну что, парень, ломать будут, к сотрудничеству склонять.

Дворжевский, молча, вышел из камеры.

— Товарищ полковник, по вашему приказанию... — начал было конвоир.

— Отставить, прапорщик. Заводи его.

Хозяин внимательно посмотрел на доставленного.

— Куришь? — обратился он к Дворжевскому.

— Нет, гражданин начальник.

— Молодца. Читал, читал. Спортсмен, пишут.

— Бывший, — безучастно ответил Дворжевский.

— Хочу я в тебе разобраться. Скажи, как мог человек, прошедший войну, имеющий награды, так пасть. Убийства, заложники.

— Мое падение для кого-то может быть Эверестом.

— Во, как загнул. Значит, по-твоему, получается, что иди, убивай, и это вершина мира, что ли?

— Я давно вышел из того возраста, чтобы слушать лекции Макаренко.

— Понимаешь, я хочу с тобой по душам поговорить, разобраться, видишь ли.

— А что такое душа, начальник?

— Ну, душа, э-э-э-то... Короче, Дворжевский, я вижу, ты умник.

— Нет, я умный. Умник, это тот, кто хочет быть умным, но не получается в силу ограниченности мышления.

— Да, да. Я читал в деле. Ты психолог по образованию. Но меня лечить не нужно. Я понял, откровенной беседы не получится. Знаю, что ты человек не простой, известный. Могу определить тебя временно на кухню, ну а потом клубом будешь заведовать, художественной самодеятельностью рулить. Как на это смотришь?

— Что я должен буду делать в знак благодарности, гражданин полковник?

— Ну, вот, так бы и сразу. Меня можно называть просто, по-свойски, Иван Иванович. Ничего особенного, Виктор. Я знаю, какое ты имеешь влияние на основной контингент колонии. Твои песни многие слушают. Я помогу тебе утвердиться в колонии, а ты нам как бы тет-а-тет кое-какую информацию сообщать будешь. Досрочное освобождение гарантирую, ну там, конечно, свидания почаще и прочие услуги.

— Подожди, начальник. Во-первых, ко мне некому на свиданку ходить. А ты что, предлагаешь мне стать стукачом?

— Зачем так пошло? Осведомителем. У нас каждый второй, если не первый, такой, и живут хорошо.

— Гражданин полковник, шкуру мне поздно менять, какая есть. У вас и без меня сук хватает. Я не считаю, что заведовать клубом или быть баландером это плохо, но я наигрался в жизни, и петь мне больше не хочется, и баланду разносить не по моей части.

— Вот ты как заговорил? На свободе зажаргонился, понтов этих каторжных нахватался. Здесь я решаю, кто сука, а кто человек. Понял, музыкант? На

свободе у тебя дети остались, о них подумай, о своей цыганской сучке с ребенком тоже подумай.

В следующий момент хозяин пошатнулся и рухнул на пол. В кабинет ворвались два охранника, с трудом скрутили арестанта и стали приводить в сознание начальника колонии. Наконец, очухавшись, он заорал:

— В ШИЗО его, падлу, на неделю. Пусть подумает там, на кого руку поднял, а я покумекаю, как сделать, чтобы жизнь ему сказкой не казалась.

...Подбрасывая ключи в руках, Смердин злорадствовал:

— Что, Дворжевский, мы тебе по спецзаказу кабинет соорудили. Ты только не обращай внимания, что полтора на два и что ремонта здесь не было тридцать лет, и холодновато слегка, это же Сибирь-матушка, как-никак, — продолжал издеваться он. — Захочешь извиниться и покаяться, зови, может, и пораньше тебя отсюда выпустим.

«Санаторий строгого режима» — про себя подумал Дворжевский. В камере, которая была и вправду метра полтора на два с половиной, кроме шконоря, прикрученного к полу с металлическим столиком, и параша в углу, ничего не было. Стены промерзли от морозов настолько, что иней проступал на них ключьями. Изо рта шел густой пар. Он понял, что семь дней при температуре не более восьми градусов продержаться в одиночке будет трудно. «Надо выжить, — подумал он. — Я должен, ради Алисы и сына я должен это сделать».

На протест прокуратуры суд присяжных вынес на удивление мягкий приговор Дворжевскому и Алисе. Для Алисы, учитывая тяжесть статьи, три года, не много, но для ни в чем не повинной хрупкой женщины достаточно сурово.

Дворжевский еще в СИЗО получил маляву со свободы. Тот, кто ее писал, ненавидел и его, и Алису. Там были не только угрозы расправы, но и смерти. Но кто мог угрожать им, он не понимал. Знал только одно, надо бежать любой ценой, иначе любимая женщина, которая ценой собственной свободы спасла ему жизнь, может сама оказаться в смертельной опасности.

Температура тела начала подстраиваться под температуру в камере. Дворжевского пробивал озноб. Чтобы согреться, он принялся отжиматься от бетонного пола. На какое-то время это помогло, но потом холод окончательно сковал его тело. Длительное следствие и изнурительный этап тоже сделали свое дело. Силы покидали его. Он вспомнил, как долгие годы тренировался медитировать и, сконцентрировавшись, погрузился в себя. Только вместо мантр он начал читать молитвы, которые выучил много лет назад, приобщившись к православной вере. Тело перестало чувствовать холод, оно перестало быть телом. Из его физической части отделилась энергетическая копия. «Странно, — подумал Виктор, — наверное, я заснул или умер». Копия воспарила под потолок камеры, и посмотрела вниз: его сознание было здесь, а тело, в положении лотоса, осталось сидеть на полу. Вдруг перед глазами появилось что-то бесформенное и светящееся. Дворжевский присел на кровать и с удивлением начал разглядывать силуэт.

— Отец Борис, это вы?

— Да, Виктор, я снова с тобой.

— Что со мной произошло? Почему мое физическое тело сидит рядом, а сознание отделилось от него?

— Это твоя душа. Так бывает, когда создаются особые условия для подобного состояния.

— Я об этом читал, но никогда не думал, что это реально.

— Мы вообще мало уделяем внимания, находясь на земле, этим вопросам, но тем не менее это происходит.

— Отец Борис, а почему вы сейчас здесь находитесь?

— Даже у силы духа есть предел, Виктор. Я почувствовал, что пришла пора тебе помочь. Силы зла опять сосредоточились над тобой и вокруг близких тебе людей.

— Я что-то должен сделать? Что-то изменить?

— Изменить ничего нельзя, так как все уже произошло на небе. Нужно сохранить в чистоте свою душу, дабы демоны, шныряющие вокруг в предвкушении пищи, не смогли похитить твою душу на долгие века.

— Моя судьба уже предрешена высшими силами?

— Да, она передо мною, Виктор. Твоя книга жизни почти написана.

— Отец Борис, я скоро умру?

— Нет, сын мой, ты изменишься для другой жизни.

— Так подскажи мне, как поступить, что выбрать?

— Я не имею права вмешиваться в процесс твоего выбора, ты должен сам определиться, с кем ты.

— Отец Борис, убив повинных в смерти моих друзей, я совершил грех?

— Нет, Виктор, ты остановил зло, предотвратил много смертей, но битва за твою душу и душу твоей Алисы продолжается.

— Она в опасности? — с тревогой спросил Дворжевский.

— Да, над ней собралась та же темнота.

— А ты знаешь, что и кто ей угрожает?

— Знаю, но не имею права тебе этого открывать. Подобное вмешательство может нарушить ход событий, а в дальнейшем и истории, лишив тебя свободного выбора.

— А как там мои друзья, отец Борис?

— Они отдыхают, не беспокойся о них. К тому же они незримо с тобой.

— Батюшка, на этапе один из конвойных сорвал с меня нательный крестик, но у меня такое ощущение, как будто он на мне.

— Разве? Посмотри внимательнее, твой крестик, который я освещал, всегда с тобой.

— Я все понял, крест — это вера, и после крещения он всегда присутствует на теле верующего.

— Правильно, только ты не терял ни своей веры, ни своего крестика, он с тобой.

Дворжевский раздвинул телогрейку и застыл. На шее висел все тот же крестик, который освещал ему батюшка несколько лет назад.

— Отец Борис, давно хотел у вас спросить, мать, это та, которая родила, или та, что воспитывала?

— И та и другая мать, а выбирать тебе. Ты должен определиться, кто больше повлиял на твое духовное и нравственное становление. Виктор, я уже много лет вижу твои терзания в этом вопросе, но, чтобы ты не

выбрал, простить, а не отвергать, это православный, христианский принцип.

— Батюшка, а как мне найти ту, что всю жизнь мне письма писала, подписываясь, мама?

— Твое сердце само отыщет ее, сын мой.

Дворжевский беседовал, как ему показалось, несколько минут, но прошло несколько дней. Камера открылась. Надзиратель, обеспокоенный отсутствием признаков жизни у сидящего на полу Дворжевского, бросился вызывать врача.

— Иди, Виктор. Тебе пора, — произнес отец Борис. Температура тела Дворжевского упала до критической, а пульс почти отсутствовал.

— Отец Борис, а мы еще встретимся когда-нибудь?

— А как же. Я же твой ангел-хранитель, а значит, буду всегда с тобой. Не забудь только, смерть ничего не значит, важен только дух и божественная душа, заключенная в твоем теле. Не сломайся, не продай ее дьяволу, чтобы прожить еще несколько десятков лет с угрызениями совести, сохрани душу для вечной жизни на верхнем небе и для любви той, которая тебя уже однажды потеряла на века.

— Да сделайте же что-нибудь, — орал дежурный офицер на медсестру.

— А что мне сделать, вы же его, душегубы, почти заморозили. Все, что необходимо, я сделала, а все остальное в руках Бога.

— Бога, Бога. Какого Бога, мать твою. Мне из-за него выговор получать не хочется.

— Тихо ты, лейтенант, он вроде оклемался, пульс появился и глаза открывает.

— Ну и хорошо, а то просидел так четверо суток, представляешь? Ему пайку приносили и ставили рядом, думали, что он так протестует, не разговаривает ни с кем и не реагирует на их вопросы. Досиделся, придурок, чуть концы не отдал. Давай его в медчасть, надо привести в порядок.

— Проходите, начальник сейчас придет, — отрапортовал офицер.

Уже немолодой мужчина, лет шестидесяти, прошел в кабинет, сел на стул и стал рассматривать интерьер. Старинные напольные часы били полдень.

— Иван Иванович, я к вам приехал издалека не для того, чтобы выслушивать нравоучения. Я же не с улицы к вам зашел, а от вашего друга и однокурсника, который занимает не последнее место в министерстве, он же мне и рекомендовал вас. Поймите, Дворжевский убил моего единственного сына, и я ничего не пожалею, но добьюсь, чтобы справедливость торжествовала.

— Геннадий Петрович, вы проработали всю жизнь прокурором, можно сказать на страже закона, и просите меня поучаствовать в произволе по отношению к заключенному.

— Нет, Иван Иванович, не в произволе, а справедливом возмездии. Вы же знаете, насколько лояльны, а часто не совершенны наши законы к матерым преступникам. Вы только создайте такие невыносимые условия, чтобы он сам допустил ошибку. Например, совершил побег, а во время пре-

следования пусть по закону все сделают ваши люди, которые и не подозревают, что именно вы все это и устроили.

— Я не знаю. Вы же понимаете, проверки всякие буду-у-ут...

— Стоп, полковник, не гони лошадей, — жестко посмотрев в глаза начальнику колонии, он прервал его речь. — Я же тебе сказал, тебя подстрахуют в министерстве, более того, вам, товарищ полковник, обещан в дальнейшем перевод поближе к Москве, даже, возможно, в саму Москву.

— Я все понимаю, Геннадий Петрович. Проработав тридцать лет в этой системе, я на многое насмотрелся, и безгрешным себя не считаю. Поймите, Дворжевский — известный певец, человек публичный. Будут обязательно журналисты копать. Я ознакомился с его делом и понял, что он защищал свою жизнь, а преступником был как раз ваш сын, поэтому и приговор был таким мягким для него.

Мужчина, которого начальник колонии называл Геннадий Петрович, достал из портфеля пачку долларов и бросил их на стол хозяина.

— Тебе этого будет достаточно, чтобы уладить все мелкие проблемы с журналистами и подчиненными?

Начальник быстро схватил деньги, забросил их в шуфлядку стола.

— Геннадий Петрович, что вы делаете? Сюда же могут войти посторонние.

— Не ломайте комедию, Иван Иванович, кто сюда может войти без стука, ведь мне сказали, что вас здесь боятся как огня. Лютуете, говорят.

— Брешут завистники и недовольные строгими порядками людишки.

— Мне неинтересно, брешут или правду говорят. Меня интересует вопрос. Когда?

— Это будет зависеть от его стержня, от того, как скоро он сломается.

— Я вам, Иван Иванович, это устрою, — ухмыльнулся собеседник.

— И как вы собираетесь это сделать, дорогой вы наш Геннадий Петрович?

— Просто. Сообщите ему, что на его цыганку сделан заказ.

— Да... Вы и вправду решили играть по-крупному, товарищ прокурор.

— Я, любезный, поклялся отомстить всем, кто повинен в смерти моего сына, и для меня не имеет значения, виновен он или нет, тем более версия о виновности моего сына всего лишь версия из уст его же убийц.

— Хорошо, Геннадий Петрович, я все сделаю, что в моих силах, но только из уважения к нашему другу из министерства, — многозначительно сказал полковник, указав пальцем в небо.

Геннадий Петрович Пузырко долго не мог поверить, что его единственный и любимый сын Владимир убит. Когда мать Владимира погибла в результате несчастного случая в автомобильной катастрофе, сыну было всего лишь полтора года, и всю свою жизнь целиком он посвятил только ему и работе. Ни одна женщина так и не вошла в его жизнь, а случайные отношения, обычно, были недолгими. Жесткий и волевой, он ломал всех, кто попадался ему под руку, мстил за сломанную и обманутую жизнь, и открыто всех ненави-

дел. Всю свою любовь он тратил только на сына, позволяя ему все, даже то, чего позволять было нельзя. Надеялся, что именно через него отомстит всему миру и докажет, что он не тот неудачник, как часто шутили в кулуарах прокуратуры. Будучи человеком гордым, с ярко выраженным комплексом лидера, он всегда мечтал о карьере если не в Москве, то хотя бы в Минске, на должности не ниже генерального прокурора. Но в силу своей бескомпромиссности и тяжелого характера, который в нем проявился после смерти жены, он плохо сходилась со своими коррумпированными сослуживцами. То, что он совсем недавно был поставлен на пост заместителя прокурора Гомельской области, было не заслугой его работы на систему более тридцати лет, а новый Президентский декрет о борьбе с коррупцией в рядах МВД и прокуратуры. Так его заметили и предложили эту «высокую» для него должность. Он не мог не понять, что это его последняя вершина в жизни, и с нее только на пенсию. Оттого Геннадий Петрович мечтал все свои политические амбиции воплотить в сыне, не раз представляя своего Вовку видным чиновником и даже, возможно, членом правительства. Когда сын вернулся из армии и отказался учиться дальше, а стал промышлять разбоями и грабежами, он отказывался верить, что это его Володя. Сколько раз он с трудом вытаскивал его из-за решетки, уводя от наказания, жертвовал своими железными принципами, освобождал из зала суда и оправдывал матерых преступников. Любил повторять: «Пока нет судимости ничего не потеряно. Вот набалуется, наиграется в Робин Гуда, я его в институт пристрою, там, смотришь, полетит мой мальчик с его светлой головой на самые большие вершины полити-

ческой элиты. Посмотрим, что тогда скажут эти негодяи, которые открыто осуждают его за сына».

Со смертью Володи все его мечты рухнули, вся жизнь оказалась прожитой впустую. Он продал его квартиру и машину и поклялся на могиле жены и сына отомстить всем, кто причастен к его гибели. Не хотел думать, что его добрый Вовка был киллером, убивал людей, насиловал женщин. Он был уверен, что все сфабриковали завистники из органов.

— Давай, лахудра, шевели копытами, здесь тебе не подиум, а ты не Клава Шифер, ходишь, проститутка, как на дефиле столичном.

— Я просила бы вас не грубить мне. Попкарша, это не значит сука, — ответила Алиса.

— Ты мне поговори, отправлю на самые грязные работы.

— Валя, да прекрати ты прессовать девочку, она же такая хорошенькая.

— Не Валя я тебе, а старший лейтенант Самойлова, начальник по воспитательной работе.

— У-у-у-у! Да, Валюша, как пить, так вместе, а как что, так старший лейтенант. У тебя что, своих девчонок не хватает? Она не по твоим делам, сразу видно, что не лесбиянка, — сказала контролер Зорина.

— Заткнись, Нинка, ты же знаешь, я беру, что хочу.

— Ну-ну. Бери там, где дают, а девочку не тронь. Поняла? А то доложу начальнику о твоих сексуальных домогательствах к смазливым девчонкам.

— Не пугай, дура, я с детства пуганная. Иди лучше в третий отряд и там команду. Здесь нет девчонок, здесь вся грязь общества, а грязь нужно смывать.

Контролер Нина Зорина давно недолюбливала Самойлову за нестандартную ориентацию и желание любой ценой добиться взаимности от симпатичных эчек. Знала об этой проблеме и начальник женской колонии, но, опасаясь авторитета и влияния на своего любовника и начальника оперчасти Григория Кириенко, предпочитала не вникать в суть проблемы.

— Валентина, я не буду с тобой ссориться, но эту девочку не тронь, она и так намаялась.

— Может, сама хочешь попробовать, Нинок? Я научу, если хочешь, обещаю, понравится.

— Я, Валя, мужиков люблю, бабы мне ни к чему.

— Так и я люблю мужиков обувать, я же бисексуалка.

— Валентина, мне не интересна твоя ориентация, ты только ее не тронь.

Самойлова, задыхаясь от злости, ударила рукой в металлическую дверь.

— Пошла в свой кубрик, быстро, — прошипела она, глядя в глаза красивой цыганки, — и запомни, со мной нужно дружить.

Алиса присела на кровать и заплакала. К ней подошла старая эчка, присела рядом, погладила по волосам.

— Дочка, не убивайся ты так. Эта паскуда здесь всех достала. Вон, через одну, как минимум, не против заниматься развратом друг с дружкой, так этой стерве надо тех, кто не принимает таких отношений.

Алиса зарыдала, уткнувшись в телогрейку пожилой женщины.

— Тетя Маша, спасибо за поддержку. Что бы я без вас делала.

— Жила бы, как и все. У меня же на свободе три дочки. Все путевые и умные, только вот я не фартовая такая.

— А правда, что вы мужа убили?

— Правда, дочка, правда. Бил он меня люто, всю совместную жизнь бил. Однажды явился пьяный и ко мне с кулаками. Размахнулся и вместо меня доченьку мою, Катюшу, по голове ударил. Увидела, что она, моя детка, сознания лишилась, подумала, что убил. Хватила нож со стола — и одним ударом в сердце.

— И что? — всхлипывая, спросила Алиса.

— Отец, а значит, мой свекор, работал в горкоме партии, доказал с прокурором, что не муж, а я во всем виновата. Вот так я и получила свои семь лет. Ты знаешь, дочка, мужчины женщину сделали почти сумасшедшей. Я много думала, несмотря на семь классов образования. Ведь как это получается, все религии писались мужчинами и под мужчину, все законы создавались мужчинами, все правительства состоят почти из них же. Для меня странно, как женщина вообще выжила в этом мире.

— Тетя Маша, любовь помогла выжить. У меня все иначе, мой мужчина самый порядочный и любящий во всем мире.

Пожилая зэчка посмотрела на эту юную девочку и с выдохом промолвила:

— Счастливая ты, дочка, раз так. Покажи мне его хотя бы. Хочу видеть я это чудо-юдо марсианское. Фотография, надеюсь, есть?

— Есть, конечно. — Алиса из телогрейки вынула памятный снимок и, нежно погладив и поцеловав, протянула зэчке.

— Вот он какой у меня, тетя Маша.

Зэчка взяла фотографию, внимательно посмотрела:

— Красивый, наверно, сильный мужчина с такими чертами лица, волевой?

— Он очень сильный, как сказочный герой, но в своей силе такой слабый, — воодушевленно вторила собеседнице Алиса. — Представляете, он многие фильмы по телевизору не мог смотреть. Бывало, подсматриваю за ним, а он так переживает, прямо до слез. Чтобы скрыть от меня свои волнения, придумывал, что вроде как руки ему надо помыть или воды попить на кухне. Я-то знала, почему он уходил. Думал, что я не смогу понять его слабость. Только это сила мужчины — его мужские слезы. Но когда нужно принять решение и совершить поступок, он всегда первый. Его многие считали парнем из стали. Но если бы вы знали, какой мягкой иногда бывает сталь.

— Любишь ты его, Алиса, это сразу видно по пробегающему огоньку в глазах. Знай, дочка, пока я здесь, тебя никто не тронет, — подняв гордо голову, неожиданно сказала пожилая зэчка.

Открылась дверь.

— Принимайте новеньких, мочалки уголовные, — шлепнув по заднице и затолкнув в кубрик двух девиц, промурлыкала старший лейтенант Валентина Самойлова и хищно посмотрела на Алису.

— Алиса, что из сказки, по твою душу девочки пришли. Покажите, крали, этой недотроге, что такое настоящее лесби би-би.

Две жучки, глядя на красивую, молодую цыганку, слились в страстном поцелуе.

Алиса вдруг покраснела.

— Ха-ха-ха, — рассмеялись жучки вместе с Самойловой. — Не беспокойтесь, Валентина Петровна, она привыкнет к нам, мы же такие хорошие девочки.

— Вот и хорошо. Обломайте эту топ-модель, девочки, а я в долгу не останусь.

Дверь хлопнула, и две жучки, бросив на шконки клетчатые базарные сумки, подошли к Алисе.

— Ты и вправду дура? — обратилась к ней жгучая брюнетка. — Меня Стрела зовут, а ты на что откликаешься?

— Я не откликаюсь, у меня имя есть, — ответила дерзко Алиса.

— Вот дура, — добавила вторая, — имя есть?

— Тебе бычки давно не тушили на мордашке, лярва? — возмутилась та, что назвалась Стрелой, — так я тебе, сучка, отметок наставлю, — и, развеерив пальцы, сделала резкий жест в сторону Алисы.

Раздалась плотная оплеуха. Стрела завалилась на буфера.

— Лежать, жучка прищавая, — жестко потребовала тетя Маша. — Ты, соска, забыла, где находишься? — и быстро приставила бритву к горлу растрепанной Стрелы.

Обескураженная таким развитием дел, лежащая на полу Стрела попросила помощи у своей подруги, которую за фамилию Мухина прозвали Мухой. Но пожилая зэчка направила острие бритвы в сторону Мухиной.

— Вы двое будете делать все, что я вам скажу. Еще раз, шкуры рязанские, тронете эту девочку, — показав на Алису, прошипела она, — порежу, как шкуру на барабаны. Я вам, шалавы блудливые, спуску не

дам, лучше просите о переводе, мокрошелки конченные. Ясно?

— Не дуры набитые, ясно, — поднимаясь с пола, недовольно огрызнулась Стрела.

— Подъем, певец. Хватит лежать, пора в отряд, сам знаешь, волка ноги кормят, — надменно скомандовал толстый, огромного роста конвоир и осторожно потрогал дубинкой одеяло.

Дворжевский, задыхаясь от кашля, приподнялся над подушкой. Произвольно ладонь потянулась к шеи, и он к своему неопишуемому удивлению нащупал крестик, который был сорван конвоиром на этапе.

— Начальник, тебе видней, что кого кормит. Что, опять в ШИЗО?

— Нет, пока в отряд, но будешь борзеть, то и в бур можем определить, — громко сказал он, затем низко наклонился, сунул кусок скрученной бумаги в ладонь и прошептал:

— Тихо, прочтешь потом, а пока поднялся и за мной.

— Вот это, можно сказать, твой новый дом, — улыбнулся жизнерадостный здоровяк, подведя заключенного Дворжевского к его секции. — Я думаю, что ты сам дальше справишься, так сказать, сживешься с новым коллективом.

Дворжевский шагнул вперед.

— Привет, пацаны, — с порога произнес он.

— Здорово, если не шутишь, — ответил ему зэк, лет тридцати пяти и, блатуя, подошел поближе к новенькому.

— Чей будешь? — с нескрываемым любопытством он обратился к Дворжевскому.

— Я пою.

— Оба-а-а на-а-а, братва, — прыгнул со шконки еще один любопытствующий и отбил чечетку по голенищам сапог. — К нам заехала художественная самодеятельность, — куражился он, — сейчас петь будет.

— Пусть тебе поют петухи, а я прилягу, — парировал Виктор хамский сумбур и прошел к одиноко стоящей кровати в углу, бросил матрас на нее и улегся, отвернувшись к стене.

— Ничего себе крутыш московский заехал к нам, — не унимался танцор. — Да я тебя, падла, порву.

В следующий миг Дворжевский прямо со шконаря нанес подсечку неунимающемуся наглецу. Ноги взмыли вверх, как крылья журавля, а голова воткнулась в доски барака. Братва притихла и с любопытством наблюдала за происходящим. Поднявшись с пола, хам попытался продолжить наезд, но чья-то сильная рука взяла его за шиворот и отбросила назад.

— Заткнись, Батон, а то я тебя сейчас угомону, — жестко произнес крепыш-верзила.

— Да ты что, Фартовый. Он же, не спросив тебя, козырный шконарь забил, а это только ты решаешь как смотрящий за отрядом. Блатные в ярусе у нас, а не первоходы.

Не обращая внимания на щебетание Батона, двухметровый верзила подошел к Дворжевскому и протянул руку. Меня зовут Леня Фарт, или просто Фартовый. Может, слышал?

— Нет, брат, не слышал. Как уже тут было сказано, я первоход.

— Все начинали с первой ходки, таких, как ты, здесь половина. А вот я наслышан о тебе, красиво заехал к нам, уважуха тебе, — трепал руку Кинг-Конг. — Да и этому, — оглянувшись в сторону пристыженного Батона, — ты правильно ответил. Между прочим, этот шконарь я для тебя по просьбе вора, Акима Южного, смотрящего за зоной, оставил. А скажи, ты правда тот самый певец, который такие душевные песни поет за бродяг? — спросил Леня Фарт. — Вот вспомнил, — почесав по бритой голове, добавил он. — Ветер северный хорошая тема, наша, пацанская, — не унимался верзила. — Не обращай внимания на этого ханурика, он год на свободе, а десять в тюрьме. Такие любят похвастаться, типа я сажусь за мотоцикл, дверками хлоп и по бабам.

— Правду говоришь, Фартовый. Батон нарвался в этот раз, — посмеивались зэки.

— Ну что, чифирнем, певец, поговорим за жизнь. Мне интересно, как там на свободе сейчас? Чем люди живут?

— Ну почему ж не поговорить, — Дворжевский закашлялся.

— Охти-мохти — вот как тебя хозяин встретил? Наслышан, наслышан, как ты ему в лобешник закатил, молодца, парень.

— Так это он, тот самый, кто Кишкуру проучил? — зашумели бродяги. — Так бы сразу и сказал, мы бы тебя встретили поприветливее, — барак бродил, как муравейник.

— Так, короче, братва, давайте все на свои места, а мы тут с Витьком потолкуем. Не видите, что болен

он. Батон, ты завари нам чаю, но не купца, а правильного.

— Будет сделано, Фартовый, о чем базар, — засуетился шустрый блатарь.

Дворжевский вспомнил про записку, достал ее из кармана и, отвернувшись в сторону, стал читать. *«Это твой доброжелатель. В Можайскую женскую колонию залетела малява. Ищут наркоманку-исполнительницу для убийства некой цыганки Алисы, проходившей с тобой по делу».*

— Что там в маляве ты такого прочитал, что так побледнел? — спросил Фартовый. — На, выпей чайку, брат. Все проходит здесь с годами, и твои проблемы пройдут.

— Похоже брат, мои проблемы только начинаются.

— Да не бойсь, Виктор, все разгребем, любую суку покалечим, кто посмеет тебе эти проблемы доставить.

Начальник колонии Иван Иванович Кишкурный не спал уже третьи сутки. Из головы никак не выходил этот прокурор из Беларуси со своей просьбой. «Вот как жизнь человеческая устроена, — думал он. — Еще вчера этому певцу цветы охапками носили на концерты, девочки, небось, табунами бегали, а сейчас заключенный Дворжевский отбывает наказание за двойное убийство. Нравится он мне чем-то, но зря не прислушался ко мне, не внял мудрому и житейскому совету. Не нужен он был мне в качестве стукача, такой публики и так через одного. Хотелось как-то дружбу, что ли, завести с ним, а он кулаком да в голову. Да и не могу я отказать Степе, моему однокурснику,

ку, в просьбе. Обещает повышение и московскую квартиру в дальнейшем. Тут уж против начальства не попрешь, тем более такие деньги, как этот прокурор отслюнявил, каждый день не носят».

Кишкурный и раньше принимал заказы со свободы, но чтобы организовать убийство человека, да еще известного певца, это было в первый раз. Одно дело поломать кого или наркоту в лагерь передать, не говоря о таких мелочах, как мобилу пронести или бабу за хорошие лавэшки для тех, кто может заплатить, доставить. Жалко ему было строптивного певца, но деваться уже было некуда. «Надо по-тихому все устроить, — решил Кишкурный. — Маляву, написанную дамой, я уже передал, теперь нужно довести певца до состояния, при котором не совершить побег может только законченный трус, а он не такой, он с характером. Полетит, как соловей певучий со своей клетки, куда денется, если подругу вот-вот убьют».

Из размышлений начальника колонии вывел стук в дверь.

— Товарищ полковник, по вашему приказанию прибыл.

— Да садись ты, садись, капитан.

— Нет, товарищ полковник, я лучше присяду, пусть зэки сидят.

— Вот это правда, Коля. Борзеют они у тебя, а ты как-никак начальник оперативной части.

— Иван Иванович, у меня нет особо приборзевших.

— Как нет? Этот новенький, как его там, Дворжевский, говорят, чуть ли не авторитет в отряде, да и лагерь весь только за него и говорит. Сам понимаешь,

нам новоиспеченные авторитеты ни к чему. Глядишь, со своим влиянием еще бузу какую замутит.

— Что вы, товарищ полковник, он же певец, на какую там такую бузу его потянет?

— Ты вот что, Николай, говори, да не заговаривайся. Ты знаешь, каких он людей на тот свет отправил, да еще воевал и прочее.

— Понял, Иван Иванович, не дурак.

— А не дурак, тогда покажи, кто в колонии хозяин. Сделай так, чтобы он волком завыл, понял?

— Так точно, все будет сделано, товарищ полковник.

— Давай, Николай, руки в ноги и думай, думай.

— Шухер, девочки, дубачка чешет сюда.

Зэчки врассыпную кинулись по своим кроватям.

— Что здесь у вас? — хитро прищурившись, спросила Самойлова. — Стрела с Мухой, не балуетесь зажималками?

— Что вы, Валентина Петровна, мы это после отбоя делаем.

— Мухина, тебя новенькая не домогалась? — рассмеялась Самойлова.

— Так я бы только рада была, но недотрога не желает насладиться обществом настоящих девушек из рабочего квартала, видно, крутая будет, наверно, брезгует нами цыганка.

— Что, лапушка Алиса, пойдем, поговорим, — съехидничала Самойлова, обращаясь к зеленоглазой красотке.

— Товарищ старший лейтенант, это личная просьба или приказ? — спросила пожилая зэчка Маша.

— А тебе какое дело, Сабина? Тебе месяц с небольшим до освобождения, хочешь опять нарваться? Только потом можешь забыть об условно-досрочном.

— Извините, товарищ старший лейтенант, одно другого не касается.

— Касается, дорогуша, еще как касается. Сиди тихо, как мышь. Ясно?

— Алисочка, я же не зверь, я кошечка. Неужели тебя не достали эти маромойки, а, поверь, будет еще хуже. Твоя защитница скоро откидывается, что тогда будешь делать? Я же тебя не принуждаю, красавица. Тебе три года еще здесь быть, а я бы могла под свое крылышко взять тебя, — Самойлова придвинулась к Алисе, погладила ее волосы, затем попыталась ее поцеловать.

— Да пошла ты куда подальше! — вскрикнула Алиса и бросилась к двери.

— Как хочешь, кукла, все равно сама ко мне придешь, еще просить будешь моего покровительства, только я уже буду думать. Пошла отсюда, змея.

Алиса вернулась в секцию, села на кровать и опять расплакалась.

— Дочка, брось ты так горюниться, все обойдется.

— Нет, тетя Маша, не обойдется. Вы бы ее глаза видели. Как у голодной волчицы. Чувствую, что попьет она моей кровушки.

— Ничего, дочка, поживем, увидим. Дай мне только на свободу выйти, а там мы еще посмотрим. Я завалю телегами всю прокуратуру не только области, но и Москвы. Скажи лучше, есть весточка от Виктора твоего?

— Нет пока, только от отца и моего Христика письмо пришло. От него почему-то нет, как будто кто-то не пропускает его письма.

— Ой, дочка. Странно это как-то. Ты уже второй месяц здесь, а от него ничего. Может, забыл тебя?

— Что вы, как он может забыть, он любит меня больше всего на свете.

— Значит, напишет.

— Подташнивает меня, тетя Маша, не знаю, почему?

— Ясно, почему. Беременна ты, девочка, ребенка ждешь.

— Нравишься ты мне, братан, — сказал Аким. — Давно песни твои слушаю, а тут ты сам у нас. Я не один год за зонами смотрю, много мусора видел человеческого, поэтому, когда попадает сюда что-то стоящее, я всегда пытаюсь это стоящее поддержать и помочь. Может, споешь, шансонье? Я вот и гитару со свободы хорошую тебе раздобыл.

— Знаешь, Аким, что-то не поется, но для тебя всегда за честь. У меня есть песня, «Генералы дворов» называется.

— Давай, брат, буду рад, тем более я ее слышал.

Дворжевский взял гитару в руки и, подстроив струны, стал петь.

Дорога дальняя, тюрьма центральная,
Колода с картами, казенный дом.
Кому «Бутырка» на полверсты,
Кому могилка, кому кресты.

На тихих кладбищах лежат устало
Лихие пацаны, все генералы.
И плачут матери у их могил,
И просят Бога, чтобы простил.

А в могилах лежат генералы,
Их страна для себя потеряла.
Генералы дворов и воров,
Атаманы лихих пацанов.

Генералы, осталось вас мало,
Все по тюрьмам и по централам.
Генералы в законе, но вы
На полях беспредела слегли.

А линия судьбы тонкая, как нить,
Цыганка с картами гадала долго жить.
Кому копеечка, кому-то нары,
Но день за три у генералов.

И рвались ниточки и судьбы рвались,
И в лагерях, как сталь, вы закалялись.
Кто пал от пули, кто от ножа,
И тысячи парней в земле лежат.

— Брат, мне всегда нравились твои песни, такие жизненные, правдивые, — вздохнул, дослушав в полной тишине песню, вор Аким. — Послушай, Витек, а ты, кроме Афгана, где воевал? Тут мои босяки говорят разное.

— Аким, если честно, я бы это с удовольствием забыл. Глупость по жизни одна была. Своему дяде родному, подлецу, за немужской поступок я сломал нос и

легкое сотрясение мозгов устроил, а он заявление в милицию бросил. Тут я как раз познакомился с одним отставным десантником, рассказал ему про свою беду, он мне и предложил поехать вместе в Нагорный Карабах как «солдату удачи». Его сослуживцы туда приглашали. Так я и оказался на той войне недалеко от города Кафана, на стороне армян. Скажу сразу, что, кроме бывших военнослужащих и ополчения, там в изобилии присутствовала такая категория лиц, как бежавшие от ментов и срока матерые уголовники. Не те, кто больше по нарам за воровские, а редкостные мерзавцы, насильники, душегубы и прочая нечисть. Прибился один такой к нам и, обдолбившись, рассказал, что мать свою убил за то, что денег на ширево не дала. Не долго он провоевал, кому хочется с выродком воевать. Кто-то пулю в спину ему отправил, я думаю из страха, что тот это сделает первым. Я ангел был по сравнению с ними. Вот с таким сбродом мне приходилось в атаку ходить. Держался я на расстоянии от таких вояк, ближе был к тем, кто служил и воевал за Родину-матушку и честь мундира не испачкал. На такое насмотрелся на этой грязной войне, что и сейчас по ночам снится. По контракту мы получили часть денег, а вторую после окончания срока контракта должны были нам отдать. Говорили, что в бою захватите, то ваше, но не все «солдаты удачи» обходились без мелкой сдачи. У трупов зубы золотые прикладом выбивали, кольца обручальные снимали, а если не снимались, то отрезали вместе с пальцами.

— Витек, ну и жуть ты мне рассказываешь, — оторопел Аким. — А еще говорят, что типа организованная преступность, а это — кровь и убийства сплошные. Сами твари, что проделывают от имени государ-

ства, развязывая войны в своей стране и во всем мире. Ты скажи мне, как человеку верующему, кто был прав, а кто виноват на этой войне? Вот я так думаю, что армяне православные, и чтобы там ни было, мои симпатии на их стороне.

— Аким, ты не совсем прав в этом вопросе. Это только поверхностное мнение. Я видел, как азеры отрезали головы у поверженных солдат и играли этими головами в футбол, и видел армян, делающих то же. Или представь, еще живым пленным и одна и другая сторона часто перерезали горло и издевались над телами. Православные русские точно так не могли поступать, хотя, понимаешь, здесь дело не в религии, здесь дело в душе человека.

— Виктор, а ты сам убивал людей?

— Аким, что за вопрос, мы там не по воробьям стреляли, но это все было честно. Он солдат, я солдат, мы не стреляли в спину друг другу, но, избрав войну как работу, все понимали, на что идут. Я никогда не забуду глаза первого, которого застрелил, пуля ему прямо в лоб попала, мы смотрели в глаза друг другу. Были и такие, что оставляли на прикладе автомата или винтовки засечки, как бы этим хвастаясь, я же их по большей части презирал. Знаешь, Аким, многие, как и я, по глупости и какому-то наивному романтизму там оказались, хотя были неплохими людьми по жизни. Не все из нас ломанулись и подонками стали. Насмотрелись на убитых, ни в чем не повинных женщин, детей, стариков и простых людей, оказавшихся в заложниках политики подлецов от власти, и пришли к Богу, вере настоящей, а не наигранной, что теперь часто можно увидеть в церкви. Я скажу тебе честно, я не стрелял в мирных граждан и грабежами не зани-

мался, как многие, и я был не одинок, многим этот мусор человеческий не нравился.

— Как ты с ума не сошел с такими убеждениями?

— Так я почти и сошел. Сказать, хватит, до окончания контракта я не мог, могли свои же и завалить, а тут случай подвернулся. Взорвалась возле меня минометная мина, осколок ударил по цевью автомата, и мне оторвало палец левой руки, а взрыв прилично контузил. Меня в санчасть. Что смогли, то пришили, но дали две недели на восстановление, разрешили подуроковать в соседнем городе. Обезболивающих особо не было, кроме серьезных наркотических веществ, таких, как морфий, но на него нужны были деньги, а боль была нешуточной. Я отлежался неделю в палате и в загул за травкой в соседний город Кафан махнул. Оттуда на попутках до Еревана. Представляешь, ни паспорта, ни денег почти не было. Уговорил проводницу до Москвы меня подбросить. Рассказал ей о своей беде, она за десять рублей в своем купе меня и довезла в Первопрестольную. Так я оказался дезертиром. Если бы меня тогда догнали, точно убили бы. С тех пор даже по зайцу стрелять на охоте не могу, понял, что убить просто, сложно не убить.

Вернувшись с этой войны, я еще много лет приходил в себя и сознание свое приводил в порядок. Как раскаяние, записал целый альбом на религиозную тему, «Странник» называется. Так вот там есть одна песня: «Я вернулся с войны».

Я вернулся с войны, чтоб закончить сражение,
 Чтоб топор палача не нести, как учение.
 Я вернулся с войны, чтобы крест свой нести,
 Чтобы веру во Христа не убить, а спасти.

— Да-а-а-а, Виктор, — Аким задумался. — А ты сам-то вернулся с войны?

— С войны человеческих жизней, пожалуй, да, а вот с войны внутренней, нет. Понимаешь, сила духа человеческого — это масса души, умноженная на ускорение сознания, но в божественной физике не все так просто. Чем выше духовный уровень человека, тем ниже масса самой души, только в этом случае будет присутствовать динамика ускорения эволюции человека, его сознания, его божественного мира. Душа наша зашлакованна страстями и желаниями, от этого тяжела и вибрирует негармонично самому Богу, а значит, космосу, следовательно, и нет той динамики эволюции духа.

— Ну, ты и залез в дебри, чувствуется, что ломала тебя жизнь. Только, вижу, не сломала, человеком остался, — добавил Аким. — По нашим понятиям, если служил и воевал, ты сам знаешь, это плохо, но я от себя скажу, я так не считаю. Плохо, если душу продал богу войны и его демонам, скурвился и Бога истинного потерял. Многие снимают Иисуса распятого с креста и вешают на его место соломенное чучело для поклонения таким же соломенным богам. Проще с ним договориться, чем с истинным Богом. Ты же не просто не потерял Бога, но, мне так кажется, веру настоящую обрел. Если, не дай Бог, тебе даже намеком кто-то предъявит по этой теме, скажи мне, я этого черта быстро определю на то место, которое он заслужил.

— Аким, я сам привык стоять за себя.

— Стоять — это хорошо, но здесь хватает таких, кто бревно в глазу у себя не видит, а за соринку у другого спрашивает на рамсах, предъявляя, как за целую

делянку. А я принципиально этого не люблю, пресекаю разводы местных профессоров уголовного права. За те годы, которые большинство здесь проводит, психологию низших человеческих страстей они знают, как азбуку, этим и апеллируют.

— Брат, хочу полюбопытствовать, — оживился Дворжевский. — А ты сам почему здесь оказался? Как я знаю, ты серьезным авторитетом в Москве был, под тобой не одна сотня бойцов была.

— Виктор, я и сейчас им остаюсь. Кто платил мне, тот и платит, что подобрал под себя, то и мое по сей день. Пацаны мои не разбежались, под зверей не пошли, а держат все в кулаке. А здесь я оказался по глупости больше. Все банально и старо, как этот мир. Мероприятие в «Метрополе» проходило, презентация чего-то там. Я не любитель тусовок на таких светских вечерах, да и не по масти мне их посещать, но пригласил меня один мой близкий поучаствовать в разговоре с одной перспективной персоной. Из приглашенных гостей была и парочка олигархов с девочками. Одна из красоток на меня глаз положила, а так как они были с этими олигофренами в качестве имиджевого сопровождения, я ответил ей любезностью и пригласил потанцевать. Девушка, которую звали Олей, мне предложила пройтись к моей машине. У меня тачка серьезная, «мерин шестисотый», ну мы там с полчаса и покувыркались, а когда вернулись, олигарх этот вышел из себя, подходит и при всех оплеуху выписывает девушке. Прикинь, прямо у меня на глазах.

— А ты что?

— Я ему по бороде, но только не оплеуху, а конкретную прямуху, он и сознания лишился у всей светской элиты на глазах.

— Нормальная тема, а при чем здесь тюрьма? — недоумевая, спросил Дворжевский.

— Так понимаешь, у него две трещины на челюсти нарисовались, в больнице полмесяца провалялся.

— Но он же женщину избивал? — возмущился Виктор.

— Он ее по лицу ладонью только чуть-чуть, как она на суде сказала, а я, челюсть сломал.

— Ладно, сломал, но это не повод на такой срок сюда.

— Олигархом оказался влиятельный человек, Яша Шереметьев. Слышал о таком?

— Ни фиги себе, Аким, как не слышать, миллионер, как-никак.

— Так вот, подбежал ко мне его охранник и руки попытался ломать, а я со стола схватил вилку и ему в нос со всего размаха. Его носюра был насажен, как огурец на вилку.

— Теперь делай выводы, брат. В протоколе об изъятии на меня фокусники из МУРа повесили волюну и десять граммов герыча. Упаковали они меня сюда надолго, состряпал этот олигарх с оборотнями в пагонах дело, по которому я покушался, чуть ли не на конституционный строй России и Президента, такие вот расклады.

— Правду говорят, Аким, что все войны начинают женщины. А сколько стоили тебе те зажималки?

— Виктор, закон суров, если речь идет о влиятельных людях, шесть лет, как с куста, мне судьбы натрясли.

Подошел Батон.

— Виктор, тебе малява со свободы.

Дрожащими руками Виктор развернул плотно скрученную записку, прочитал и замер. Его лицо смертельно побледнело.

— Брат, что случилось? — спросил Аким.

Дворжевский протянул ему небольшой помятый листок, в котором было написано несколько строк.

«Уважаемый! Я тебе уже писал о большой опасности, которая нависла над твоим любимым человеком. На нее сделан заказ, со дня на день ее могут убить. Сделай что-нибудь. Доброжелатель».

— Не понял, что это за «доброжелатель» такой у тебя? Может, расскажешь, что происходит?

— Аким, я и сам не знаю. Написал своей Алисе сотни писем, но она не отвечает почему-то. А история такова.

Дворжевский начал свой грустный рассказ о дружбе и любви, а когда закончил, то увидел, что Аким был взволнован не меньше его.

— Брат, — после долгого раздумья сказал он Дворжевскому. — Надо что-то предпринять. У тебя большая беда, и ее нужно предотвратить. Я сам не могу в рывок, а вот тебе помогу, все устрою. Бабла у меня не мерено, а для тебя, брат, по такому случаю ничего не пожалею. Думаю, две недели мне хватит на подготовку, а пока подберу тебе товарища по побегу. У меня есть близкие по этой части, и пусть хозяин наш лапу в берлоге своей таежной сосет.

— Аким, ты и вправду можешь это организовать?

— Витька, брат, ты что, забыл, кто я есть такой? Я — вор Аким Южный, а у нас в Краснодарском крае и на Ставрополе если вор, то всем вора вору, — гордо подняв голову, сказал Аким.

Дворжевский с Акимом, обсуждая план побега, и не обратил внимания, как за ним незаметно наблюдает местная достопримечательность Немой. Это прозвище он получил за то, что ему подельники за со-

трудничество со следствием отрезали часть языка. Потом вроде выяснилось, что не так он был и виноват, но язык уже никто ему не пришивал.

— Аким. Я слышал, что ты храм строишь.

— Строим, брат, я лично финансирую и принимаю участие в этом богоугодном проекте. С братьями своими, за свои деньги построили мы церковку у себя в лагере. Думаешь, менты сразу все это богоугодное дело приветствовали? За любую провинность в БУР выпроваживали, а за ШИЗО я уже и не говорю. Как-то случилось, что для того, чтобы закончить стену, нужно было всего одно бревнышко подтесать да уложить, уж очень нам хотелось завершить это дело до темноты. Отец Сергей обещался к вечеру подъехать да подсобить молитвой. Подошел к нам вертухай и говорит, в отряд, мол, быстро. Я ему, ну подожди ты пятнадцать минут, сейчас бревнышко закинем и отбой, а он не положено и все. Послал я его к чертовой матери. Тот вызвал опера, суку законченную, Гришанова. Опер, не церемонясь, схватил автомат и на меня навел, говорит, считаю до трех, и на поражение. Я ему в ответ, что ж ты, сученок, творишь, ведь мы такое полезное дело совершаем, а он очередь поверх голов, а потом собрался было и меня с братвой окрестить свинцом. Тут, откуда не возьмись, отец Сергей нарисовался. Бросился он к нам, вскинул крест к небу, да молитву начал читать. Увидев такое дело, все отряды бузу враз в лагере устроили, жечь лагерь уже было начали, но отец Сергей молитвой и словом божьим всех успокоил, подошел к оперу, вырвал у него из рук автомат и по морде ему ладонью. Боевой батюшка оказался, не раз с армейскими частями в Чечню ез-

дил, а вот теперь решил послушание пройти у нас в Сибири, на зоне. Оперу потом выговор впаяли, а хозяина вообще чуть из лагеря не убрали, но и здесь батюшка за них похлопотал, и вроде как все обошлось.

В дверь постучались. На пороге стоял Немой.

— Давай, Немой, заходи. Что там такого важного для меня? Выкладывай.

Немой взял протянутый лист бумаги с ручкой из рук начальника колонии и стал писать: «Есть информация».

— Давай, давай, Немой, пиши, какая.

«Я им через своего корешка передал маляву, которую вы мне дали, а затем посмотрел на реакцию. Начальник, я очень рискую. За это меня могут и убить».

— Послушай, Немой, ты стукачом у меня числишься уже семь лет, не надо себе цену набивать. Через полгода на условно-досрочное идешь, да и чай с сигаретами у тебя всегда в наличии есть.

Немой посмотрел на Кишкурного с надеждой и благодарностью, потом собрался и что-то написал.

Хозяин причмокнул от удовольствия.

— Молодец, Немой, я в тебе не разочаровался. Давай, дальше продолжай наблюдение, а завтра, как бы от мамы, я тебе посылку организую. Не дрейфь, бродяга, все путем будет, ты только побольше разузнай. Понял?

Немой одобрительно покачал головой и удалился.

«Вот и ладненько, граждане бандиты, теперь вы от меня никуда не денетесь, попались».

Кишкурный потер руки, затем поднял трубку телефона и сказал:

— Николай, ты у нас начальник оперчасти?

— Так точно, товарищ полковник.

— А если ты начальник, почему не знаешь о готовящемся побеге?

— Каком побеге, Иван Иванович? — удивленно хрипела трубка телефона.

— А ты давай, бегом ко мне, поделись с тобой информацией, хотя именно ты ее должен знать раньше, чем я.

— Виктор, через два дня в рывок, все готово, — объявил Аким после ужина за чифиром. Выходишь на работы, кругляк отгружать, вместе с Леней Фартовым. При загрузке лесовоза мои люди отвлекут охрану серьезной потасовкой, а ты с Фартовым впрыгиваешь в «Урал» — лесовоз и газку, да побольше. Водитель «Урала» наш человек, он будет выполнять роль заложника. Вам нужно отъехать всего лишь километров пятнадцать, а там увидите ориентир, горящую покрывку на обочине. Там оставляете водилу, который якобы под страхом расправы будет продолжать движение к Нижневартовску, а сами километров двадцать через тайгу, напрямик к трассе, где и будут вас ждать мои пацаны на «КрАЗаке». Вам, главное, добраться до Нижневартовска, с другой стороны, там, на окраине города, в сторожке лесника, будет ждать другая тачка и документы с вещами. В лесовозе под сиденьем будут лежать плети, ну а с харчем вам поможет водила лесовоза.

— Аким, а дальше-то мы куда? Мы же в розыск будем объявлены.

— Дальше, если повезет с первой половиной побега, вас переправят в Москву, там брат мой вас встре-

тит, вор, Володя Ставропольский. Он уже в курсах, поможет выкупить твою Алису, ну, а там, в Минеральные Воды, ко мне на родину. Ко всему прочему, это родина и Вовы Ставропольского. Мы же богоугодное дело делаем, думаю, Боженька нам поможет.

— Спасибо, брат, — взволнованно произнес Дворжевский, временами не знаешь, где родственную душу повстречаешь. Я твой должник с этого дня, Аким, и долги я не забываю.

— Виктор, блядью стать просто, человеком остаться — подвиг. Не заморачивайся, брат, лучше спой чегонибудь душевное.

— Аким, там, откуда я родом, в самом центре города Минска, стоит древний, величественный замок. Когда большевики пришли к власти, то превратили его в тюрьму. Это единственная на всем постсоветском пространстве расстрельная тюрьма. В год расстреливают в ней, а вернее рядом, до ста двадцати человек, для маленькой, десятиллионной страны — внушительная цифра. Недавно, накануне всего, что со мной произошло, ко мне в руки попала книга одного подонка, некоего Олега Алкаева, который с 1996 года был хозяином этой тюрьмы. Что-то не поделив с властью, он сбежал в Германию и там написал «героические» мемуары, как он с властью боролся. И, конечно, описал, как приводился приговор в силу. В своих мемуарах он, великий правозащитник, признался как усовершенствовал процедуру расстрела людей, подробно описав сатанинский ритуал. Узнав об этом, я написал песню, которая называется «Володарка». Тюрьму так называют, так как находится она на улице, названной в «честь» еще одного «героя» революции. Слушай, брат:

Гуляет городок ночной,
Закрывшись от тюрьмы стеной,
И пишут пацаны в тетрадь стихи,
И смотрит вечер в окна камер,
И вертухай в прицеле замер,
И с кем-то Бог трет темы за грехи.

Володарка, Володарка,
В твоих стенах очень жарко.
Фарта вам и веры, пацаны.
Володарка, Володарка,
О тебе поет гитарка,
И слеза стекает со струны.

Сон завернулся в одеяло.
Неделя месяц разменяла.
Ворчит устало чья-то шконка,
Свобода манит пацана,
Но стережет ее тюрьма,
А веру бережет иконка.

В церквах о душах плачут свечи,
И купола легли на плечи,
И кто-то ждет устало палача.
Дворами правят генералы,
Но в лагеря ведут централы,
Звезда погасла, но зажглась свеча.

— Да, брат, поешь ты так, что сердце готово разорваться, — вздохнув, произнес Аким. Скажу тебе не как вор, а как человек. Много разных грехов на мне, и судил, и жизни лишал, но вот только сейчас пришел

к пониманию того, что только Господь наш может давать и лишать жизни.

— Дворжевский, завтра на работу идем, — многозначительно произнес Аким.

— Так вор же не ходит на работу.

— То не совсем простая работа, идем завершать строительство храма. Завтра отец Сергей колокола привозит и освещать будет наш лагерный православный храм.

День выдался солнечным и ясным. «Скоро весна, — подумал Дворжевский. — Как хотелось бы встретить эту весну с Алисой». Много передумал он за последние два месяца. Не было и ночи, чтобы Алиса не приходила во сне. Что бы не делал, все мысли были только о ней. Аким, как брат, принял и пригрел, не позволяя даже усомниться кому-то в порядочности дерзкого новичка, да и бродяги хорошо встретили. Еще два раза за последний месяц хозяин по беспределу загонял его в ШИЗО, но не лютовал, хотя было за что мстить. Виктор так и не получил от Алисы за это время ни одного письма. Он быстро смекнул, что их по какой-то причине не пропускает цензура, но почему, понять не мог. Все понимали, что это какая-то мутная история, но кто мутит и откуда, даже не догадывались.

К Дворжевскому подошел Аким и похлопал по плечу.

— Что-то ты, брат, не весел. Смотри, какой день сегодня, благодать божья, да и только.

Аким по лагерю всегда передвигался под присмотром доверенных людей из тщательно проверенных бойцов, но, общаясь с Виктором, он всегда рукой давал понять, что лишняя опека и охрана в этом случае неуместна.

— Думаю быстрее бы в рывок? А как там моя Алиса?

— Вот повесим купола, и с божьей помощью завтра, после обеда, ты побежишь на свободу, к любимой женщине. В чем-то я завидую тебе, Виктор, но я думаю, что скоро меня выкупят мои братья, а там и встретимся с тобой. А, как думаешь, брат?

— Дай, Бог Аким, что бы все прошло, как задумано.

В лагерь въехала машина с колоколами. Отец Сергей сам заказывал их на заводе в Нижневартовске, а эки всем лагерем собирали деньги.

Отец Сергей вышел из «КамАЗа» и подошел не к начальнику колонии, а сразу к Акиму.

Тот поцеловал батюшке руку, и они обнялись три раза по-христиански, после чего отец Сергей обратился к Акиму.

— Ну что, Аким, ты затеял строительство храма, тебе первому и колокола вносить в божий дом.

— Отец Сергей, — обратился Аким к батюшке. Хочу представить вам своего брата, Виктора Дворжевского, певца известного.

— Что ж мне его представлять, — посмотрев внимательно на Виктора, батюшка ответил. — Я его знаю уже давно.

— Как давно, батюшка? Он же только два месяца, как здесь.

— А я слышал его песню, «Убивали священника», еще лет пять назад. Скажу, что тронула она меня до глубины души. С тех пор я внимательно следил за творчеством Виктора Дворжевского. Такой свет исходит только от верующего человека.

— Спасибо, отец Сергей, за добрые слова, — ответил, растерявшись, Виктор.

— Подойди ко мне, сын мой.

Виктор послушно приблизился к бабушке и замер. Бабушка наклонился и прошептал:

— Виктор, не легкие тебя ждут испытания, но ты должен выдержать их.

Вот возьми, — протянул он руку с конвертом Дворжевскому. Это женщина мне передала в храме, где я служу, в Нижневартовске. Красивая такая, уже в годах, только с вымученными глазами.

Виктор схватил письмо, в надежде, что от Алисы, и спрятал его под телогрейку.

— Ну, что, братья мои, икону я вам привез, храм сейчас буду освещать, — торжественно произнес бабушка.

После освящения храма, сотворенного руками заключенных, отец Сергей подозвал Дворжевского к себе.

— Помолись у иконы Виктор, пусть Бог тебя наставит и поможет. Я вижу, ждут тебя серьезные испытания скоро, очисти свое сердце молитвой.

Дворжевский нерешительно подошел к иконе. Став напротив, он подумал, — «какую же молитву произнести, я же почти ничего не могу вспомнить кроме “Отче наш”». Так и стоял в раздумье несколько минут взирая на святой образ спасителя, Иисуса Христа. Неожиданно икона задышала, а потом и вовсе растворилась и исчезла. Перед Дворжевским появился лик отца Бориса. Он стоял и с улыбкой, и умилением смотрел в глаза Виктора.

Мысленно Дворжевский обратился к своему духовному наставнику.

— Отец Борис, раз вы предстали предо мной, значит, что-то серьезное случилось?

— Случилось, Виктор, но произойдет завтра. Ты принял свое решение, послушав свое сердце, и завтра мы за тебя на небе будем молиться, чтобы испытания духовные и телесные ты прошел достойно.

— Значит, вам уже известно обо всем, и вы знаете, что выбора у меня нет. Я не могу оставаться здесь, когда любимый человек может вот-вот погибнуть. Я ее втянул в эту историю, я должен ей и помочь.

— Нет, сын мой, эта история началась задолго до вашего рождения, и только вы эту историю должны прожить, и никто за вас.

— Я знаю, отец Борис, что мои духовные испытания должны были пройти за этим забором, но я принял решение. Пусть я умру и не проживу предполагаемую долгую жизнь, но я себе однажды сказал, лучше от пули завтра, чем от сердечного приступа, раскаиваясь в том, что ничего не сделал для близкого и родного человека.

Видение растворилось, и Дворжевский увидел первый раз в жизни настоящее чудо: икона, висевшая на стене, стала мироточить.

— Благословляю. Во имя Отца, Сына, и Святого Духа, — произнес отец Сергей Дворжевскому и окрестил крестным знаменем.

Колокола в воскресный, солнечный февральский день долго звонили, разнося благодатные вибрации далеко по тайге, разглагольшая радостную весть о появлении в таежной глуши дома божьего, храма православного.

Придя в отряд, Дворжевский раскрыл конверт.

«Дорогой сынок, пишет тебе твоя мама. Я знаю все, что с тобой произошло. Не в силах тебе помочь, сообщаю, твоя Алиса жива и здорова. По словам кон-

воира Нины Зориной, с которой я подружилась, и которая помогает твоей Алисочке, больших проблем она не испытывает, вот только очень по тебе скучает. Нина Зорина сказала, что Алиса беременна, так, что будем надеяться, что у меня появится еще один внук или внучка.

Крепись, ведь ты мой самый сильный мальчик. Не падай духом, мы всегда с тобой».

Внизу стояла подпись: «Твоя мама».

Дворжевский был необычайно растерян. Уже много лет, кто-то писал ему письма, подписываясь, «мама». Он никак не мог понять, кто ему пишет, но в письмах было столько тепла и любви, что он был уверен, только мать могла так писать. Новость о том, что с его Алисой пока не произошло ничего плохого, его не просто обрадовала, она его окрылила, сообщение о беременности вызвало в его душе такой восторг, что он так и не смог уснуть до самого утра. Воспоминания накрывали его, как взрывная волна во время боя. Лица погибших за него друзей проносились в сознании Виктора. Он чувствовал, что незримо, они где-то рядом, глядят на него из другого мира и радуются также по-мальчишески той новости, которую Виктор получил.

Утро было такое же ясное и морозное, как и предыдущее. Позавтракав постной баландой, отряд № 12 направился на работы. Загрузив всех в казенные «Уралы», колонна под присмотром вертухаев двинулась к новой делянке, которую только начали разрабатывать эки. Пересчитав по списку и построив всех в колонну, вертухай дали команду к движению. Под лай

собак и мат-перемат конвоиров, отряд наконец добрел до намеченного места.

Дворжевский за два месяца ни разу не выходил на работу. Аким не рекомендовал пока работать, да и Дворжевский, перенеся воспаление легких, был еще не готов к тяжелому труду на лесоповале.

— Ну что, уроды, сегодня полторы нормы выработаете, и ужин вам обеспечен, а нет, то без пайки останетесь, — орал под лай собак командир.

— Я вас научу Родину любить, мать вашу. Как говорил Глеб Жиглов, «вор должен сидеть», а я добавлю, вор должен всю жизнь лес валить и прощение у Родины вымаливать трудом.

Дворжевскому доверили на первый раз обрубать сучья у поваленных деревьев, так как с бензопилой обращаться он не умел. С непривычки быстро появились мозоли на руках, а спина ныла, как будто кто-то металлический прут в позвоночник засунул. К обеду подвезли горячую баланду. Дворжевский лежал не в силах пошевелинуться, отказавшись от пайки.

— Брат, — обратился к Виктору не понятно откуда-то появившийся Леня Фартовый. — Надо хавку сожрать, а то сил не будет бежать.

— Эй, ты, — обратился он к баландеру, — плесни певцу в миску этих помоев, да не жадничай.

Дворжевский, улыбнувшись и похлопав по плечу Фартового, стал есть жидкую массу с редко попадающимися кусочками картошки и крупицами перловки.

— А я думал, куда это мой брат Леня Фартовый запропастился? Вдруг передумал?

— Братишка, у нас не передумывают, просто послали помогать кругляк готовить к загрузке. Угово-

рил конвоира меня на после обеда поставить сюда, пачку сигарет пришлось падле отдать.

— Значит, улавливай, Виктор. Через час после обеда начнут загружать лесовоз. Часть леса, необрезанного, повезут в лагерь на переработку, а кругляк, отборный без верхушек — на заготовку экспортных досок в Нижневартовск. Они нам как раз и нужны. Всего будет два таких лесовоза «Урала». Нам нужен тот, где водила помоложе будет, лет тридцати. Как только он подготовится к загрузке, пацаны в сторонке устроят драку, а мы под шумок ныряем в кабину и — на свободу.

На делянку въехало два «Урала». Получив указание от бригадира, развернув тяжелые лесовозы, приготовились к загрузке леса. Фартовый и Дворжевский переглянулись. Пора.

Не спеша, в развалочку, чтобы не вызвать подозрения у солдат, они приблизились к лесовозам.

— Ну, что, Иван Иванович? Наш стукачок слил информацию, правда, с опозданием. Побег намечен у Дворжевского на сегодня, только не знаем когда. С делянки у него без серьезной помощи навряд ли получится, думаю, что он путем тарана попробует его совершить по прибытию с работ в лагерь.

— Думаю, думаю. Что значит, думаю? Есть более достоверная информация — озабоченно вышагивая по кабинету из угла в угол — уже не говорил, а орал начальник колонии. Откуда узнал о побеге?

— Так с Немым сейчас случился несчастный случай, придавило его бревном, лежит сейчас при смерти. Будучи в сознании, что успел сказать, то сказал. Сейчас в коме, врачи сказали, что не выживет.

— Как, в колонии такое ЧП, а я узнаю последним? Всех, мать вашу, на гражданку пристрою, если слупить России вам в тягость.

— Иван Иванович, такое у нас чуть ли не каждую неделю случается, и первый, кто узнал о ЧП, это вы. Просто я думал, что побег, более первостепенная информация.

— Хорошо, — успокоившись, прорычал Кишкурный. — Какие твои действия, капитан?

— Как я уже доложил, товарищ полковник, думаю, что рывок будет после работы, но на всякий случай усилил тремя бойцами охрану эков на делянке, а в сопровождение машины с работы еще подключу солдат. Боюсь, товарищ полковник, испугнуть беглецов.

Пораздумав, капитан добавил.

— Иван Иванович, а если Дворжевского прямо сейчас взять, так и делов серьезных нету. Что, скажете?

Начальник колонии изменился в лице.

— Коля, ты сколько лет на службе? Ты что, не понимаешь. Первое — информация не подтвержденная, второе — мы не знаем соучастников побега и тех, кто его готовил, третье, — тут полковник замешкался.

— Третье, Коля, пусть бегут, а мы их по дороге прихватим. И по трояку добавим, смотришь, и к внеочередному званию приставят. И премию какую выпишут. Этот Дворжевский у меня уже костью в горле стоит.

— Вы, как всегда, правы, Иван Иванович, так и сделаем. Можно идти?

— Коля, у меня к тебе есть очень серьезное предложение. Буду тебе по гроб жизни благодарен.

— Для вас, Иван Иванович, готов сделать, что угодно — по-собачьи, преданно отрапортовал капитан.

— Вот, что, Коля, если побег все-таки произойдет, это будет большая пощечина мне и всему офицерскому составу колонии. Если он произойдет, постарайся при любой возможности живым Дворжевского не брать.

Капитан Гришанов сделал вид, что очень удивлен таким устным приказом, но, сделав небольшую паузу, произнес.

— Иван Иванович, мне этот певец и самому не по душе, тем более я помню, что именно вам я должен быть благодарен за ту историю с Акимом и попом, ведь меня хотели уволить, а вы вступились за меня.

— Спасибо, Коля, другого я от тебе и не ожидал.

Полковник занес брови вверх и на выдохе добавил.

— Спасибо, Коля, что помнишь добрые дела своего начальника, ну, а от себя, лично, скажу, я тоже не забываю нужных людей.

— Разрешите идти? — гордо произнес капитан.

— Иди, Коля, иди, только не проколись.

Дверь в кабинет закрылась. Начальник колонии, Иван Иванович Кишкурный, сел за стол и задумался.

— Вот такая петрушка получается, — говорил он сам себе. — Был человек, и нет человека. Ну что ему не пелось на свободе? Какие-то ложные понятия о чести, дружбе, любви? Так нет дружбы, есть только нужные люди и связи, и любви нет. Вот моя Зина, разве любит меня? Нет, вышла замуж в девятнадцать лет, за меня, красавца-офицера, по расчету, и разве могла она знать, что всю жизнь по тайге, да по тайге. Сейчас, поди, ненавидит и себя и меня. Сексом полгода не занимались уже, хорошо, что медсестру хорошенькую выдернул из города, так есть кого по-

тискивать. А разве я Зинку любил? — задумался полковник. Да я уже и не помню, было ли это любовью, пожалуй, нет. Сын вырос, окончил институт, а сейчас в Москве бизнесом занимается, только нас забыл. Жалко мне все-таки этого певца, но других шансов убраться из этого, богом забытого места нет, а там, может, и сам в Москве скоро буду.

Кишкурный в окно кабинета увидел отца Сергея.

— Как мне надоел этот поп, все правозащитников возит сюда, жалобы заключенных передает в прокуратуру. А что ему не живется, я даже дал разрешение церковь построить, зэкам после работы и в выходные дни разрешил работать бесплатно на объекте. Начальство меня денежной премией и благодарностью поощрило за то, что заключенных к Богу привожу, да еще и на строительство ни одного рубля из казны не попросил. А какой Бог нужен этому отребью, этим насильникам и убийцам? Все равно выйдут на свободу и опять через пару неделек на нары. Прав был Берия, что истреблял всех этих ублюдков миллионами, вон оно, как чище стало дышать в те годы. А сейчас? Сейчас сплошные буржуи да бизнесмены, разграбили народное добро и жируют себе, а такие, как я, заслуженные люди, державе своей за две копейки служат. Бог. Какой, мать, их Бог? Нет никакого Бога. Вот хлопнут этого Дворжевского солдаты, ну и где его Бог будет? Вот, то-то и оно, в Караганде. А этим страусам, блатным, просто на время голову куда-то нужно спрятать, от жизни тяжелой, да морозов лютых. Куда ж им эту голову втиснуть, если не под мышку к Богу, не об мерзлую же землю ею ступать, и в сугроб сунуть. Уши так можно отморозить. Тьфу, — сплюнул Кишкурный на пол.

От высокодуховных размышлений Кишкурного оторвал телефонный звонок. В трубке раздался взволнованный голос Гришанова.

— Товарищ полковник, у нас побег.

На делянке началась потасовка. Зэки колотили себя остервенело. В ход пошли топоры и палки. Казалось, что дрались между собой две непримиримые группировки девяностых за влияние над этой неприметной делянкой. Солдаты бросились растаскивать дерущихся, посылая автоматные очереди поверх голов, не реагирующих ни на что, заключенных. Только от выстрелов и криков военных, зэки дрались еще более оторванно.

Дворжевский и Леня Фарт впрыгнули в кабину наблюдающего за дракой, как бы ничего не подозревающего, водителя «Урала».

— Так, браток, небоись, бить не будем, только жми, что есть духу отсюда.

Водила только ухмыльнулся и дал по газам.

— Виктор, глянь, под сиденьем вальна должна быть.

Дворжевский без особого труда в замасленных тряпках нащупал оружие.

Тяжелый «Урал» рванул с места. Растерянные солдаты не знали, что делать: или успокаивать заключенных, или разбираться, по какой это причине совершенно не загруженный лесовоз вдруг стал уезжать с места погрузки, да еще с такой прытью.

Командир, старший лейтенант, заорал на молодых солдат внутренних войск.

— Кто мне скажет, куда он поехал? — показывая рукой на удаляющийся лесовоз, заорал лейтенант. — Может это побег?

— Не могу знать, товарищ старший лейтенант, — отрапортовал старший сержант, на котором остановился взгляд командира.

— Не можешь знать, так что ты здесь делаешь, боец? Иди бамбук курить в дезбат.

Драка, как началась, так неожиданно и прекратилась. Зэки с разбитыми, но счастливыми лицами разбредались по своим местам.

Лейтенант, почувствовав подвох в атмосфере, дал команду заключенным построиться для проверки.

Долго считать не пришлось. Не хватало двоих: Виктора Дворжевского и Лени Безымянного, с погонялом Фарт.

Лейтенант связался по радиации с колонией и, выбросив водителя второго лесовоза из кабины, бросился в погоню.

— Гони поскорому, брат, а то они быстро чухнутся. А нам незамеченными нужно проскочить пятнадцать километров, — обратился Дворжевский к водителю.

— Не волнуйся, братан, успеем, — ответил водила, и добавил газа.

Незагруженный лесовоз несся на огромной скорости по заснеженной таежной дороге.

— Свобода, Виктор, — кричал во весь рот Фартовый. — Мы оторвались, за нами никого нет. Эти придурки, наверное, еще не поняли, что и как.

У Дворжевского перехватило дыхание.

— Неужели все срослось, — не верилось ему до конца. Он достал фотографию Алисы, и, погладив, сказал про себя: — Уже скоро, родная.

В этот момент наперерез им из тайги вылетел лесовоз, за рулем которого Дворжевский узнал командира вертухаев. Столкновение было неизбежно, но в последний момент неопытный лейтенант влетел в заснеженную яму. Лесовоз подбросило, но драгоценные секунды были уже потеряны, он со всего размаха, задев всего лишь по касательной прицеп лесовоза, влетел в кювет.

Из развороченного лесовоза с окровавленным лицом и разбитой головой вылез лейтенант. «Урал» с беглецами уже вот-вот готов был скрыться за поворотом. Собрав последние силы, он послал очередь из автомата вслед сбежавшим зэкам.

Услышав выстрелы, беглецы вжали головы в плечи и пригнулись. Одна из пуль прошла рядом с Леней Фартом, пробив стекло.

— Пронесло, Витек, на этот раз, я думаю они не скоро смогут продолжить погоню.

В салоне автомобиля стало попахивать дымом.

— Парни, он все-таки нас зацепил, — пробормотал испуганно водила, — мы начинаем гореть, наверное, мент нам проводку повредил или еще чего.

— Так, спокойно. Как тебя зовут? — обратился Дворжевский к водиле.

— Меня Ваней величают.

— Ванек, не бзди, братишка. Сколько нам осталось до прыжка?

— Километров пять, — так же испуганно пробормотал водила.

— А почему до прыжка? — уже заикаясь выдавил из себя он.

— Понимаешь, Ваня, мы горим. Если дотянем, гореть будем, как факел. Останавливать тягач нельзя,

значит, мы прыгаем на ходу. Ты, дружище, только дотяни, как можно дальше от того места, где мы будем прыгать. Они совсем скоро бросятся за нами в погоню, передадут по всем постам информацию, а нам до темноты нужно уйти не замеченными.

— Ваня, тебе много заплатили за помощь в побеге?

— Ну, как много, на квартиру хватит.

— Ваня, а квартиру хочешь?

— Конечно, я с женой и ребенком снимаю комнатку в коммуналке.

— Тогда, Ваня, жми родной, что есть сил, мы должны проскочить.

Все это время Фартовый сидел молча и слушал. Вдруг неожиданно он навел пистолет на водителя.

— Извини, Виктор, но нам его нужно убрать.

Водила смертельно побледнел, и готов уже было пожалеть о том, что согласился помочь с побегом двум зэкам, но в разговор вмешался Дворжевский.

— Нет, Фартовый, никого мы убивать не будем. Я верю ему, он нас не сдаст, а сдаст, тогда ни денег, а только соучастие и помощь в побеге, и большие проблемы с братвой.

— Да, Ваня, ты же умный пацан? — обратился Дворжевский к водителю, пытаясь спасти незадачливого паренька.

— Я, как могила, — заикаясь произнес насмерть перепуганный паренек.

— Не верю я ему, Виктор, его надо убрать.

— Если ты, Фартовый, еще, что-то не понял, то я тебе поясню, — жестко ответил Дворжевский. — Побег устроен под меня, меня в первую очередь будут ждать на трассе, а я с тобой не побегу. Так, может, тебе лучше самому сейчас спрыгнуть и сдать ментам?

Ты забыл, брат, что ты в рывке только для того, чтобы мне помочь, не мешай мне, а помоги.

Фартовый растерянно посмотрел на Дворжевского.

— Виктор, брат мой, я все понял. Извини, нервы на пределе.

— Проехали, Леня, эту тему, я думаю, что нам еще не раз будет в жизни стыдно за наши поступки, на то мы и люди.

Огонь под капотом в двигателе становился все сильнее. Чтобы можно было дышать, беглецы, выбили боковые стекла, но огонь подбирался к кабине.

— Сколько еще, Ванек, — нервно спросил Дворжевский.

— Да вот уже почти дотянули, здесь с горочки и можно прыгать.

— Фартовый, готов? — с явными признаками волнения за друга спросил Виктор.

— Скорость у нас большая, а так, готов, конечно.

— Скорость нельзя снижать, машина может заглохнуть. Будем прыгать, как есть.

— Ваня, брат, ты только подольше протяни. И помни, ты был заложником, где прыгали, не помнишь. Понял? Шок у тебя. Не дрейфь, братишка, они поверят, а нет, ничего не докажут.

— Понял, — с восхищением произнес волила Ваня. — Прыгайте, вот и колесо дымящееся у дороги и сосна срубленная.

Дворжевский приготовился. Мороз и сильный ветер рвали ноздри, горький дым разъедал глаза. Хотя совершать подобные прыжки, тренируясь в спецназе, ему приходилось, но все равно было страшно. Да и скорость была уже большая.

— Брат, прыгай. Слишком далеко отъехали.

Виктор, выбрав момент, когда рядом было меньше деревьев, сгруппировался и прыгнул. Замешкавшись на доли секунды, за ним прыгнул прямо в пургу Фартовый. Но где же он? Волнение прописалось на лице Виктора, но тут же он увидел бегущего ему навстречу Леню.

— Фарт, ты как?

— Очень сильно ударился позвоночником, трудно идти.

— Надо бежать, Фартовый, — Дворжевский подхватил друга под мышки и бросился в тайгу.

— Товарищ полковник, Дворжевского и Леонида Безымянного не оказалось на месте во время пересчета и проверки.

— Как не оказалось? Я же сказал тебе, Коля, чтобы информаторы глаз с него не сводили. Ты же говорил, капитан, что побег будет с лагеря, а не с делянки.

— Тем хуже для них, товарищ полковник. Выезд с нашей проселочной дороги на трассу уже перекрыт.

— Срочно поднимай спецназ. Возьми лучших, самых моральных и проверенных. Да, вот еще что, Коля, не забудь о нашем разговоре с тобой, если все океюшки, обещаю внеочередное звание и благодарность с внесением. Понял?

— Так точно, товарищ полковник, будет выполнено.

— Давай, Коля, не упусти. Если что, поднимай вертушку, скоро темнеет.

...На кровати, рядом с тетей Машей, сидела Алиса и плакала.

— Тетя Маша, как же я буду без тебя здесь, ведь порвут эти жучки меня. Я вчера ментовке Самойловой, когда та в душе ко мне начала приставать, дала оплеуху и поцарапала ногтями лицо. Я думала, что убьет меня. Вылетела как ошпаренная из душевой. Странно, но она сказала, что жить мне осталось всего ничего, и только она мне могла бы сохранить жизнь.

— Не обращай внимания, дочка, змея шипит, а укусить не может. У тебя был сегодня адвокат, что он сказал?

— Сказал, что шансы на оправдательный приговор после пересмотра дела очень велики, у меня же ребенок. Нужно только доказать, что действовала я в состоянии аффекта. Адвокат оказался шустрым малым. Он собрал все данные на этих киллеров. Оказывается, они были сами на особом учете в милиции, но только не знали, за что их можно взять, уж слишком много трупов на них висело. Теперь с новыми фактами не только меня, но и Витеньку выпустят на свободу. Мой отец таких людей подключил, таких адвокатов нанял, что теперь мы точно скоро будем все вместе.

— Видишь, дочка, не много горевать тебе осталось, и я тебя со свободы в обиду не дам.

Дверь открылась.

— Мария Сабина, на выход, — тетя Маша растерянно смотрела на Алису. — Освобождение не радует, что ли? — с улыбкой спросила контролер.

Алиса расплакалась, обняла свою добрую покровительницу.

— Дочка, до скорой встречи на свободе.

Тетя Маша нежно поцеловала Алису в лоб и, взяв вещи, вышла из секции.

Начальник оперной части, капитан Николай Гришанов, был опытным и умным опером. Быстро смекнул, что приказ на устранение беглецов по беспределу означал только одно: кто-то не хочет, чтобы они остались живы.

Гришанов не испытывал особых симпатий к заключенным и жестко пресекал любое вольнодумие и попытки шантажировать администрацию колонии авторитетами. Зэки отвечали ему такой же «любовью», часто устраивая пакости для него. Проанализировав ситуацию, он понял, бежать Дворжевский и Леня Фартовый могли только по автомобильной трассе на Нижневартовск. Сгоревший лесовоз уже нашли, а рядом с ним водителя, но тот внятно ничего не смог объяснить, находясь в шоке от пережитого. Капитан достаточно быстро определил примерное место соскока с лесовоза и пошел по следу.

— Как думаешь, старший лейтенант, — обратился он к командиру спецназа, — куда они бегут?

— Понятно куда, товарищ капитан, к автомобильной трассе. Там они или попутку возьмут, или их там ждут.

— Правильно, старший лейтенант, но маловероятно, что их там ждут, а вот при захвате попутки у нас могут появиться заложники и жертвы. А значит, что? — обратился он опять к старшему лейтенанту и, не дожидаясь ответа, добавил, — а, значит, этого

нельзя допустить. Приказ такой, по возможности, живыми не брать. Понятно, лейтенант?

— Так точно, — недоуменно ответил командир спецназа.

— Выполняйте тогда и постарайтесь нагнать их до темноты.

— Фарт, ты как, полегчало?

— Отпустило маленько, давай я сам пойду. Потеряли мы много времени из-за моей травмы, брат. Надо поспешить, успеть оторваться до темноты.

Было видно, с каким трудом Лене дается каждый шаг, но он крепился, не показывая вида, шел вперед. Пройдя еще километра два, беглецы вышли в условленное место.

— Вот, Виктор, и наш маячок, — сказал Фарт, указывая на срубленное дерево. Теперь отсюда километров двадцать пять до трассы, а там нас подберут.

Уже темнело, когда беглецы услышали лай собак.

— Виктор, нам нужно перебежать это открытое пространство, а там сама ночь нас спрячет.

— Брат, у тебя проблемы, ты что-то повредил себе во время прыжка.

— Витек, бери меня под мышки и вперед, вертухай на хвосте.

Пробежать по глубокому снегу нужно было около километра, но для Фартового каждый шаг давался с трудом. Виктор, как мог, помогал ему добраться до спасительного леса. А погоня все ближе и ближе подбиралась к ним.

— Ну, вот, брат, еще метров сто, и мы в лесу, тайга-матушка спрячет нас, схоронит. Давай, Леня, еще не-

много, — подбадривал Дворжевский друга, совершенно выбившегося из сил.

Когда беглецы уже ступили в бурелом тайги, раздался еле слышный хлопок выстрела, и Леня Фартовый упал. Виктор понял сразу — снайпер.

Леня корчился от боли, держась за левый бок. Из-под телогрейки начала просачиваться кровь, стекая по пальцам в снег. Дворжевский, не долго думая, взвалил друга на себя и протащил его еще пару километров и, когда совсем стемнело, обессиленный, упал в снег.

— Леня, давай я тебя перевяжу, много крови ты потерял.

Виктор разорвал свою нательную рубашку и перевязал друга.

— Как ты, брат?

— Плохо мне, но тут осталось километров пятнадцать. Я думаю, Виктор, они поняли, куда мы идем, поэтому будем идти всю ночь. Люди Акима будут ждать хоть трое суток, но нам надо попетлять, а к утру мы должны быть на трассе полюбому, иначе менты там будут раньше нас.

Дворжевский, замерзшими, запачканными кровью руками, достал кусок хлеба и, разломив на две части, протянул товарищу.

— Брат, перекуси немного.

— У меня, кажется, кишки повреждены, я потерплю, от греха подальше.

Дворжевский посмотрел с состраданием на друга:

— Досталось тебе, брат, но, поверь мне, я столько крови на своих войнах видел и такие ранения, что могу с уверенностью сказать: мы обязательно прорвемся. А в Минеральных Водах, на Кавказе, под-

лечимся и еще в Москве по самым крутым клубам тусанемся.

Фартовый улыбнулся.

— Мы, Витька, с тобой будем не только по Москве гулять, я же фартовый по жизни. Рванем-ка мы сразу в Таиланд, там океан теплый-теплый и девочек море.

— Леня, ты давай на океан за девочками, а я со своей Алисой и Христиком по Европе, давно собирались. Скажи, Леня, почему тебя Фартовым прозвали?

— Это, брат, старая история и не одна. Мы молодые тогда были, собрались на «малине» и в картишки в буру играем. Здесь менты вламываются в хату и давай всех стелить. Я — на кухню, а омовец — за мной. Переворачиваю стол и сам на него, как попру, что он дубинку от неожиданности и выронил. На столе лежала мясорубка, тот схватил ее вместо дубинки и мне со всего размаха по голове. Представляешь его шок, мясорубка на две части, а голова у меня даже не раскололась. Понял я, что деваться некуда, да и нырнул, пробив два стекла, головой, в окно балкона. Дом был пятиэтажный, и, к несчастью, мы выбрали себе хату на последнем этаже. Пролетел я два этажика, а на третьем возьми да и зацепись ловкими воровскими ручонками за балкон третьего этажа. Мент этот взглянул, и видит, что я вишу. Достал «макарыча» и прицелился уже было стрелять, а я возьми да отпусти руки. Так пролетел в два приема, как Бэтман, все пять этажей и оказался на земле без единой царапины и перелома. Менты только руки развели, сказали, что с человеком-пауком бороться не могут.

Дворжевский рассмеялся, взявшись за живот, не то от усталости, не то от истории.

— Фартовый, тебе бы в цирке работать, а не по лагерям тереться. А еще какие истории есть, связанные с немереной прухой?

— Витек, а сколько хочешь, только сил у меня нет больше говорить, давай добежим до свободы, подлечимся, а там я тебе на целую книгу этих историй расскажу.

— Муха и Стрела, берите с собой Алису и давайте на уборку внутреннего дворика отряда. Курить курите, а убирать, кто будет? — сказала смотрящая за отрядом.

— Комсомолка, ты сама, если хочешь, иди убери, а нам и здесь хорошо, тем более мы сегодня в прачечную идем.

— Цыц, Муха, это приказ Самойловой. Она просила тебя и Стрелковскую зайти к ней, а потом на уборку, прачечная после. Алиса, давай иди, а они к тебе присоединятся попозже.

— Значит так, Муха, вот вам две дозы, как я и обещала. Зайдите в туалет, ширнитесь и на уборку. И еще две заточки для самообороны.

— Мама ты моя дорогая, про какую это самооборону ты говоришь? — спросила Стрела Самойлову.

— Про какую? Видишь, как цыганка мне лицо исцарапала вчера, надо ее проучить, а если будет сопротивляться, то вы можете действовать по ситуации, я вас прикрою.

— Ты что нам гонишь, ментовка? — возразила Муха. — Одно дело проучить и совсем другое — замочить.

— Ты только еще рот открой, жучка, сейчас заберу дозу, и больше никакого грева не будет. Или вы забыли, кто здесь для вас мать родная? — жестко отрезала Самойлова.

— Поняли мы, Валентина Николаевна, чего неприятного, — опустив голову, ответила Муха.

Всю ночь, путая следы, Фартовый и Дворжевский пробирались к спасительной автотрассе.

— Брат, ты много крови потерял, тебе бы сейчас в больницу.

— Обратной дороги нет, Виктор, мы уже почти у цели.

— Как мороз буйствует, но ничего, начинает светать, ты только держись, брат, нам осталось километра два, не больше.

— Витька, давай присядем перед последним броском.

— Не возражаю, дружище. Тем более силенки и меня оставляют, а остался самый трудный участок.

Рассвело. Дворжевский достал из внутреннего кармана фотографию Алисы и, с любовью глядя на родное лицо, прошептал: «Ничего, милая, скоро мы будем вместе».

— Ты бы мне ее показал, что это за краса такая, ради которой два мужика совершили такой рывок, — почти уже отрешенно простонал Фартовый.

— Смотри, Леня.

Фартовый рассматривал ее внимательно несколько минут.

— Теперь понимаю, почему мужчины сходят с ума от баб. Несмотря на то что я верностью своей жене

никогда не отличался, но ради такой я бы тоже сделал, что угодно.

Издали послышался лай собак. Фартовый и Виктор с тревогой посмотрели назад.

— Брат, надо спешить.

Дворжевский подхватил друга и, что было сил, бросился вперед.

Не смотря на то что пуля прошла навывлет, Фартовый потерял слишком много крови. Его движения становились все тяжелее и медленнее. Пробежав еще с километр, Дворжевский от бессилия упал в снег.

— Витька, беги один. Там на трассе должен стоять серый «крузер». Ты скажи, что от Акима, а там тебя встретят. Брат, ты прости меня за то, что сорвался на этого паренька, водилу лесовоза, сам не знаю, что на меня нашло.

— Нет, брат, я без тебя не побегу. Как я буду после этого себя чувствовать, как жить?

Лай собак слышался все ближе и ближе.

— Виктор, брат, беги. Иначе все будет напрасно и впустую, спасай ту, ради которой мы все это затеяли.

Дворжевский силой поднял друга и на руках понес дальше. До трассы оставалось совсем немного. Кровь пульсировала в висках. От перегрузки он почувствовал привкус крови во рту, а в глазах уже мелькали звездочки. «Неужели все, — подумал он. — Неужели смерть моих друзей была напрасна. Друзья мои, где вы сейчас. С того света мне хотя бы помогите», — закричал он, как раненый зверь.

Казалось, что эти мегатонны сибирских снегов готовы были расступиться и пропустить беглеца, встав стеной перед погоней.

— Виктор, не дури. У тебя еще есть шанс. Брат, живи и люби за меня, обязательно напиши книгу вместо меня о своих друзьях и обо мне. Беги, совсем мало осталось. Мне совсем холодно, кажется, я умираю.

— Леня, ты должен идти, — орал затравленно Дворжевский, должен.

Фартовый из последних сил оттолкнул Виктора, выхватил пистолет и прохрипел:

— Для них слишком много отобрать сразу две жизни, я прикрою, беги-и-и-и, черт бы тебя побрал.

Виктор бросился в тайгу, проламывая сквозь густые ели себе путь к спасению. Где-то позади раздались несколько выстрелов. Дворжевский оглянулся и понял, что на этот раз от фартового Лени Фарта фартуна отвернулась.

— Спасибо, брат, — прошептал Виктор, — я этого не забуду.

Тяжело дыша, спотыкаясь и падая, Дворжевский не останавливался и пытался оторваться. Стихи, как будто их кто-то диктовал на ухо Дворжевскому, проникали в сознание. «Странно, — подумал он, — такое ощущение, что муза решила меня посетить в последние минуты жизни». Он остановился, прижался к кедру и почувствовал, как тепло и энергия этого могучего дерева начали проникать в его тело. «Даже природа нам, девочка моя, пытается помочь». А слова сами стучали в висках:

Закипела смолою сосна
Под бездушной железной пилою,
Небо видеть хотела она,
Как и ты, себя рядом со мною.
Я рукою поглажу ее,

Не судьба, видно, этому сбыться,
Несчастливое счастье твое,
Как и мне, будет только лишь сниться.

Лай собак и крики преследователей слышались уже совсем рядом. Дворжевский, что было сил, побежал в ту сторону, откуда уже доносился шум машин. «Ты должен, слышишь, ты должен», — как будто морзянка стучала в голове.

На внутреннем двореике появились Муха и Стрела.
— Что, недотрога, показать, как любить надо? Смотри. Они слились в наркотическом экстазе, целуя друг друга в губы до крови.

Алиса с отвращением плюнула и отвернулась:

— Если вы, дуры, обкололись, шли бы лучше в отряд и отсыпались там, я и без вас уберу территорию.

— Мы дуры? — возмутилась Муха. — Тебя, сучка, мы терпели только потому, что покровительница у тебя была, сейчас другие расклады, принцесса.

— Муха, мне что-то плохо, — Стрела пошатнулась. — Дурь какая-то не та, слишком крутая.

Муха заржала во всю глотку.

— Стрела, это тебе не кашку жевать, это герыч, настоящий. Сейчас, подружка, приход конкретный будет.

— Что тарацишься, недотрога, — крикнула Муха Алисе. — Давай с тобой поцелуемся, понравится, гарантирую. — Муха попыталась было приблизиться к Алисе, но та со всего размаха ударила деревянным черенком метлы ее по голове. — Ах ты, цыганское отродье, — завизжала Муха. — Стрела, ты видела, что она творит?

Бледная от передоза Стрела достала заточку.

— А вот сейчас мы посмотрим, какого цвета кровь у цыганки. — И, что было сил, ударила Алису в живот.

Алиса пошатнулась и, чтобы не упасть, прислонилась к забору.

— Девочки, я же беременна, — прошептала она, — не делайте этого.

— Муха, теперь твоя очередь, а то я не хочу отвечать одна.

Страх промелькнул в глазах Мухи.

— Она же беременна, Стрела, может, не надо?

— Да трендит она, чтобы спасти себя, давай, подруга, а то я сама тебя сейчас приколю к забору, — настаивала теряющая сознание Стрела.

Муха подошла к Алисе, взяла ее за волосы и, приподняв голову, ударила заточкой прямо в сердце.

Стая черных птиц с гвалтом поднялась в небо, как будто почувствовала приближающееся землетрясение.

— Прости меня, милый, что тебя не дождалась, — прошептала Алиса и замерла у забора. Глаза ее были открыты. Ее нефритовые и очень ясные глаза смотрели на проплывающие в небе облака.

Дворжевский споткнулся и упал. До трассы оставалось совсем чуть-чуть. Он заметил стоящий у дороги джип, но его сердце как будто кто-то проткнул иглой. Безумная тоска подкатила к его душе. Тревога овладела сознанием.

Он почувствовал, что Алисы больше нет на земле. Перевернувшись на спину, он продолжал шептать слова, которые кто-то произносил его губами:

Ты, как облако белое, белое,

Где-то в небе, и что тут поделаешь,

Если мне не дают полететь к тебе

Мегатонны сибирских снегов.

Ты, как солнышко летнее, ясное,

Но, наверное, все же напрасно я

Продолжаю так сильно любить тебя,

Ведь не вырваться мне из оков.

Дворжевский почувствовал, что бежать больше некуда и незачем. «Что мне мир, в котором нет тебя и моих друзей, — думал он. — Нет, я хочу к тебе на небеса, но сам себя убивать не буду, пусть они это сделают».

Виктор поднялся. Из джипа ему махали рукой двое незнакомцев, до него оставалось несколько сот метров. Но вдруг Дворжевский развернулся и пошел в сторону приближающихся солдат. Две овчарки бросились к нему. Как раненый зверь, желая умереть на свободе, а не в клетке, он кинулся им навстречу. Овчарки инстинктивно почувствовали огромную силу духа человека, которого им приказали рвать, и поскуливая, начали пятиться назад, а потом, поджав хвосты, побежали в сторону колонны солдат. Командир роты спецназа, старший лейтенант Егор Елесинский, в растерянности остановился.

— Что за ералаш? Такого я еще в своей жизни не видел.

— Старший лейтенант, — орал опер. — Ты, может, и сам еще побежишь в тайгу прятаться? Слушай мою команду, — запыхавшись, кричал Гришанов. — Цепью становись, беглеца в кольцо берем.

Шеренга бойцов приближалась к Дворжевскому.

«Господи, как я хочу к Алисе», — шептал про себя Виктор. И уже не слова, а песня звучала у него в голове:

Ты, как облако белое, белое,
 Будешь рядом, ну что тут поделаешь,
 Если нам не судьба было вместе быть
 В жизни прошлой, безумно шальной.
 Ты, как солнышко летнее, ясное,
 И так долго к тебе не напрасно я
 Рвался сердцем, ломаясь и падая,
 Из далеких сибирских снегов.

Спецназ плотным кольцом окружил беглеца.

— Что, суки, взяли меня, взяли? — стонал Дворжевский. — Нет, вы себя за яйца взяли, живым меня вам не взять.

— Что стоишь, старший лейтенант? Стрелять надо, — кричал опер. — Он опасен, его товарищ ранил твоего бойца. Стреляй, приказываю тебе.

— Нет, капитан, в безоружного я не стреляю, и зачем, он и так у нас. Бери его, капитан, и добавляй к его сроку еще три года, веди в зону. А я не палач, грязную работу не делаю.

— Ты, может, и не палач, но уже и не старший лейтенант.

— Что, мусора, не можете придумать, как меня по беспределу завалить, тогда я вам дам повод, — закричал Дворжевский и, выхватив нож из кармана, пошел на солдат.

— Рядовой Бансадзе, — скомандовал старший лейтенант, — очередь по ногам.

Опер оттолкнув солдата, выхватил автомат у рядом стоящего солдата и выстрелил. Из нескольких выст-

релов цели достигла только одна пуля. Вломившись в сердце Дворжевского, она замерла там, охлаждая свой пыл и проклиная безжалостного зверя-человека, который послал ее разрушить целый мир, мир человека любящего, а значит, лишённого звериного оскала. Виктор прижал руку к простреленному сердцу и смотрел, тяжело дыша, юным солдатикам в глаза.

— Спасибо, лейтенант, за сохраненную честь, — прошептал он, сделал несколько шагов к трассе, на которой стоял джип, и упал лицом в снег.

Двое мужчин, которые находились в спасительном автомобиле, так и не поняли, почему беглец отказался от помощи и повернул обратно. Они нажали на газ и скрылись из виду.

Старший опер Николай Гришанов подошел к лежащему телу Дворжевского и, брезгливо его перевернув, прощупал пульс. Голубые глаза беглеца смотрели в такое же голубое небо. Он смотрел туда, где его встречал отец Борис в компании старых друзей, Зари, Геры и Воры.

«Заждались мы тебя», — сказал отец Борис. Его друзья были рядом и улыбались. Вора, как обычно, перебирал колоду карт, Гера, раскрыл руки для объятия, а Заря лукаво посматривал из-под лба. Он так всегда делал, когда предлагал Виктору выпить и повеселиться.

— Раз, два, три, четыре, пять, кто не спрятался, я не виноват, — ухмыльнулся опер. Он достал торчащую из-под телогрейки фотографию Алисы, смял и бросил ее в снег. Растерянные солдаты толпились вокруг беглеца, пораженные его силой духа, огромной энергетикой, которая исходила даже от убитого, но не сломленного Дворжевского.

Старший лейтенант Егор Елесинский с трудом сдерживал себя, перебирая желваками. Он сорвал с себя погоны и бросил в лицо ухмыляющемуся оперу:

— Держи, мусор, я хочу остаться честным ментом. — И, обращаясь к бойцам, сказал: — Пацаны, берите его на руки и бережно несите к трассе, это наш брат, по-братски отнесите к нему. Мне здесь больше делать нечего, — и шагнул в надвигающуюся метель.

Послесловие

Стрела и Муха умерли через час после совершенного преступления от передозировки, так и не узнав, что в коме Алису отправили в реанимацию города Можайска.

Старший воспитатель колонии Валентина Самойлова была уволена и лишена звания офицера. Запив, продала квартиру и пополнила ряды московских бомжей.

Полковник Кишкурный Иван Иванович, начальник зоны, получил долгожданное повышение, был назначен замначальника одной из московских тюрем. Как-то, возвращаясь домой, был избит хулиганами в подъезде своего дома и, не приходя в сознание, скончался.

Старший оперуполномоченный колонии «Н», что недалеко от Нижневартовска, узнав о продолжительной измене жены, также запил. Сослуживцы нашли его повешенным в своем кабинете.

Геннадий Петрович Пузырко, заместитель прокурора Гомельской области, через полгода после описанных событий, был с почестями отправлен на пенсию.

Виктор Калина

По дороге на дачу попал в автомобильную аварию и сломал позвоночник. После нескольких лет, проведенных в инвалидной коляске, он застрелился наградным пистолетом, на котором было написано: *За честную работу на страже закона*. С подписью: *От Генерального прокурора Республики Беларусь*.

Литературно-художественное издание

Виктор Владимирович Калина

Редактор *Владимир Вестерман*
Компьютерная верстка: *Виктория Челядинова*
Корректоры *Надежда Александрова*

ООО «Издательство «Зебра Е»
119121, Москва, ул. Можайский Вал, 8, корп. 20
Тел.: 240-11-91
E-mail: zebrae@rambler.ru

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.2006 г.

По вопросам приобретения книг обращаться
в Издательскую группу АСТ:
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Тел.: (495) 615-01-01, факс: 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru, <http://www.ast.ru>